

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА В XXI ВЕКЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ОКТЯБРЯ 2017 Г.

В ПЯТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 4

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА В XXI ВЕКЕ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 октября 2017 г.

В пяти частях
Часть IV

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
Ч 38

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Ч 38 **Человек, общество и культура в XXI веке** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2017 г.: в 5 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть IV. – 152 с.

ISBN 978-5-6040198-0-1
ISBN 978-5-6040198-4-9 (Часть IV)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Человек, общество и культура в XXI веке», состоявшейся 31 октября 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секции, посвященной вопросам юридическим наукам.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Ахмадуллин А.А.</i> РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	6
<i>Бандорина И.В.</i> ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	9
<i>Белова К.В.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	13
<i>Берестнев Р.Е.</i> ОБЫЧАИ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА.....	16
<i>Бутырская А.В.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ КРИМИНАЛИСТИКИ – ОТ 1954 г. ДО 2017 г.....	19
<i>Гаранина И.Г.</i> МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	22
<i>Гончаров С.П.</i> ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	26
<i>Гребнева Н.Н., Задорожная М.А.</i> ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИЕ УЧЕТЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	29
<i>Дорохов Н.И.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	32
<i>Дорохова К.А.</i> ГРУППОВОЙ ИСК В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	37
<i>Дорохова К.А.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ «ИСК» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	43
<i>Евстигнеева Д.И.</i> КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА.....	46
<i>Жезлов Н.В.</i> АТРИБУТИВНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	49
<i>Иванченко А.Г.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ДОКТРИНЫ СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА.....	51
<i>Иванченко А.Г.</i> ФОРМИРОВАНИЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ	55

Изотова В.В. ПРОВЕДЕНИЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С УЧАСТИЕМ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	58
Ильченко К.В. ВОПРОСЫ БИОЭТИКИ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС	61
Казначеев А.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	65
Калашиников В.С. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	68
Комаров М.А. ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	71
Комаров М.А. ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	77
Кузнецов Н.А. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВА	82
Ладанова А.А. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	85
Мазец А.А. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ	88
Меликсетян М.Л., Светличная Т.Б. ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВА НА НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ ПО НАЛОГУ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ	95
Мижурин М.А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ИЗДАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ АКТОВ	99
Ногайлиева Ф.К. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ	102
Осодоева Н.В. В КАКИХ СЛУЧАЯХ ВОЗМОЖНО ИССЛЕДОВАТЬ ДАННЫЕ О ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ?	109
Рубцова М.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ПРИ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ СФЕРЫ ГОСУСЛУГ В РОССИИ	112
Румянцев М.Б. ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ РФ	115

<i>Рыбак С.В., Мартынова В.Н.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЭД В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	119
<i>Садыков И.А.</i>	
ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	122
<i>Сальников А.В.</i>	
ОБ УЧАСТИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ ЛИЦ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ	125
<i>Смелова С.В.</i>	
РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ.....	128
<i>Солдатов Я.В.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ.....	131
<i>Солдатова А.В.</i>	
ПРАВЕРЕАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	135
<i>Степанова О.Ю.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ	137
<i>Сушко Н.А.</i>	
ВИНДИКАЦИОННЫЙ ИСК В СИСТЕМЕ ИСКОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ.....	140
<i>Тугушев Р.А.</i>	
МЕСТО И РОЛЬ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	144
<i>Тугушев Р.А.</i>	
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ	147
<i>Шаракшинова Т.Ч.</i>	
КОРРУПЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ И ПРЕДМЕТ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	150

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ахмадуллин А.А.

магистрант юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматривается отечественный опыт процесса зарождения и развития правового института юридической ответственности, анализируются его этапы. Автором проводится анализ связи между правообразованием и возникновением юридической ответственности, а также последующим их развитием.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правообразование, древнерусское государство и право.

Процесс формирования института юридической ответственности принято связывать с периодом становления государства и права, что было предопределено необходимостью введения социально-правового регулирования общественных отношений. Исторические источники свидетельствуют о санкционировании обычаев, обрядов и традиций как основы образования права, т.е. правообразования. На самом деле, обычное право, стоявшее у истоков процесса правообразования не справлялось в полной мере с различными видами неодобряемого обществом поведения. Отчуждение от «корней» сложившихся традиций, нарушение запретов и неисполнение обязательств отдельными членами общества лежали в основе формирования маргинального поведения. Каузальная природа последнего, складывающаяся на психологическом уровне, требовала определенного воздействия и наказания, что в обычном праве осуществляла система табу и запретов [5].

Обозначенная система, конечно, сыграла свою значительную роль в формировании юридической ответственности. Она изначально представляла собой этапы зарождения юридической ответственности в целом. Сам по себе хронометраж функционирования табу и запретов представляет собой начальную стадию зарождения институтов юридической ответственности.

С развитием государства обычаи стали видоизменяться и облекаться в новые формы правовой ответственности, которая санкционировалась государственной властью. Так, например, обычай кровной мести претерпевал следующие изменения: ограничился круг лиц, которые могли совершить месть, позднее стало возможным откупиться от мести путём передачи определенной суммы или имущества. Сумма откупа напрямую зависела от социального и материального положения потерпевшего (свободный человек или раб, должностное лицо или частное, бедный или богатый и т.д.). Византийский договор, составленный в 911 году, сделал определенные шаги в смягчении кровной мести. Данный закон предоставлял право выбора – потребовать выкуп или отомстить убийце физическим путём.

Начальные стадии правообразования, опосредованные через эволюцию политической, социально-экономической, духовно-нравственной сфер жизни общества, взаимодействуя между собой, порождают необходимость установления одних видов общения, отказ от других, воспроизводство новых способов жизнедеятельности, таким образом, формируя необходимые и целесообразные модели поведения в

определенном исторически закономерном времени и пространстве [3, с. 50]. Например, древнерусская правовая система устанавливала строгие карательные меры в случае посягательств и преступлений против собственности. В статьях Русской Правды прямо отражаются нормы по охране прав собственности феодального слоя. Так, статья 83 данного источника древнерусского права признает тягчайшим преступлением поджог двора. За нарушение данной нормы предусматривалось одно из самых суровых наказаний, а именно – поток и разграбление.

Анализ ответственности за совершение правонарушений по Русской Правде свидетельствует о том, что во многих случаях предусматривалась одновременно ответственность двух видов: гражданско-правовая и уголовно-правовая. Как правильно отметил О.И. Чистяков, в Русской Правде "наличествуют сразу две формы ответственности... Законодатель вправе установить уголовную ответственность за нарушение гражданско-правовых обязательств" [7, с. 451]. Историческим источником, позволяющим исследовать обычное право, помимо Русской Правды, являются древнерусские летописи. В них описывается характер взаимодействия участников общественных отношений рассматриваемого периода, в том числе в сфере правообразования [3, с. 51] и применения юридической ответственности.

По мере развития отечественной правовой системы возникла необходимость в новом Своде законов и таковым стал Судебник, принятый в 1497 году. Он внёс элементы единообразия в судебную практику государства. В нём были отражены новые нормы гражданско-правовой ответственности, например, ответственность за несостоятельность должника. Судебник 1497 года более конкретно отражал проблемы исполнения обязательства в случае причинения вреда. Так, статья 61 отражала имущественную ответственность за «потраву». Также своеобразные обязательства за причинение вреда рассматривались в Судебнике, а также некоторые правонарушения, связанные с исполнением судебной власти. В статье 19 было сказано, что судья, вынесший неправосудное решение, обязан был возместить сторонам происшедшие от того убытки (как и лжесвидетели). Однако в законе говорилось, что судья за свой проступок юридической ответственности не подлежит.

Далее последовал один из крупнейших законодательных актов страны – Соборное Уложение 1649 года. В нём были отражены нормы различных отраслей права. Соборное Уложение устанавливало юридическую ответственность за причинение вреда, вызванного «отравой» полей и лугов. В данном законодательном акте нашло своё отражение и более детальная сословная сущность наказания. На деле это выражалось в том, что за определенные виды правонарушений назначались дифференцированные виды наказаний. В XVII веке уделялось большое внимание системе и видам наказаний уголовным законодательством. В процессе развития государства меры наказания становились всё более разнообразными и, в свою очередь, имели вектор на их ужесточение [2, с. 239].

Переход к абсолютизму был ознаменован широким развитием законодательства, в том числе норм, регулирующих юридическую ответственность. При этом авторами законов часто являлись сами монархи. Особенно много внимания и сил, как известно, уделяли законотворчеству Петр I и Екатерина II, что повлияло на эволюцию отечественной правовой культуры [8, с. 218].

Ход времени, развитие общественных отношений и системный подход к формированию законодательства, создали определенный свод предпосылок к изданию в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, что, по сути, явилось первым российским уголовным кодексом в современном понимании. В

Уложении существовало разделение понятий «преступления» и «проступки». Однако четкой границы между ними не существовало, поэтому органы судебной власти могли спокойно трактовать их на своё усмотрение. Первый раздел Уложения раскрывал понятие вины как основания наступления юридической ответственности, конкретизировал понятие «соучастие», отмечал обстоятельства, благодаря которым наказание могло смягчаться либо же ответственность полностью исключалась и др. В Уложении предусматривалась сложная система наказаний, которые подразделялись на разряды, степени и роды [4].

Для середины XIX века характерна некая «оттепель» в системе наказаний. Гуманизация данной области права стала неизбежным фактом на фоне развития новых общественных отношений. Преданными забвению оказались такие виды наказания, вроде четвертования, колесования и т.п. Смертная казнь, устанавливалась как правило, через повешение. Устрашение всё еще оставалось одной из главных целей наказания, как остается оно таковым и по сей день. В свою очередь, уголовное законодательство наполнилось такими видами наказаний, как: тюремные заключения, ссылка в отдаленные места, выселение на каторгу. Значительным событием в истории развития института юридической ответственности стало провозглашение презумпции невиновности (Устав уголовного судопроизводства 1864 года). Устав провозглашал, что любое лицо считается невиновным, пока его вина не будет установлена в ходе судебного производства и разбирательства. Институт презумпции невиновности, развиваемый впоследствии в законотворческой сфере, повлиял на интерпретацию целей наказания [6, с. 194] и внес в их реализацию элементы либерализации различных видов юридической ответственности в советский период.

Наиболее жесткими видами наказания в советский период считались смертная казнь и лишение свободы на длительные сроки. При этом за отдельные виды преступлений меры юридической ответственности, на наш взгляд, назначались не всегда гуманно и справедливо. Например, за уклонение от общественно-полезного труда (тунеядство) было предусмотрено лишение свободы на срок от одного до двух лет, за нарушение правил регистрации по месту жительства, аналогично, назначалось судами лишение свободы. Данные деяния претерпели впоследствии декриминализацию, прежде всего по причине установления запрета принудительного труда в Конституции Российской Федерации 1993 года [1].

Таким образом, как отмечают ученые – правоведы, процесс формирования юридической ответственности был фактически завершён в советский период, когда отечественные ученые юристы разработали широкую теоретическую основу для многих, актуальных и по сей день, исследований правового института юридической ответственности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
2. Назырова Е. А. Практикум по отечественной истории: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений – М.: Вузовский учебник: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – С. 239.
3. Солдатов Я.В., Солдатова А.В. Исторические особенности правового регулирования неправомерного поведения. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные про-

блемы науки и практики. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. 2017. С. 49-52.

4. Степаненко Р.Ф. Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности. Монография / Под редакцией О.Ю. Рыбакова. Казань, 2015.

5. Степаненко Р.Ф. Каузальная природа маргинального поведения: философско-правовые аспекты. Философия права. 2013. №2 (57). С.112-116.

6. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права). Образование и право. 2017. №3. С. 194-199.

7. Чистяков О.И. История отечественного государства и права (2 части). М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2005. – 451 с.

8. Юн Л.В. Правовая культура России периода правления Петра I: исторический аспект. Вестник ТИСБИ. № 3. 2017. С. 217-223.

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бандорина И.В.

преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета,
Нижегородская академия МВД России, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются проблемы использования специальных экономических знаний в уголовном судопроизводстве. Рассматривается вопрос оценки заключения эксперта с точки зрения требований, предъявляемых к доказательствам.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, допустимость и достоверность заключения эксперта, классификация экспертиз, квалификация эксперта, методики исследований.

Преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности, наносят огромный ущерб экономике России, негативно влияют на ее экономическую и национальную безопасность. По данным официального сайта МВД России в 2013 г. было выявлено 141,2 тыс. экономических преступлений, в 2014 г. – 107,3 тыс., в 2015 г. – 112,4 тыс., за 2016 год – 108,8 тыс. за четыре месяца 2017 года – 46,8 тыс. [7]. Не смотря на оптимистические данные о состоянии экономической преступности, можно констатировать тот факт, что данная категория преступлений отличается высокой степенью латентности, поэтому реальные ее масштабы остаются далеко за пределами регистрационного учета.

Специфика современной экономической преступности такова, что уже на стадии возбуждения уголовного дела возникает необходимость в привлечении лиц, обладающих специальными знаниями.

В соответствии с частью 1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе ,, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить ...осмотр места происшествия, документов, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов,...., привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязатель-

ное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий» [8].

Таким образом, в настоящее время в рамках уголовного судопроизводства имеют место быть две формы использования специальных экономических знаний с точки зрения субъектов их применяющих. С одной стороны, это эксперт, с другой стороны – это специалист. Причем заключения обоих имеют одинаковую юридическую силу и выступают в качестве доказательств по уголовным делам. В соответствии со ст.80 УПК РФ заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами [8].

На практике при решении вопроса о выборе той или иной формы использования специальных экономических знаний следователь, перестраховываясь, иногда без имеющихся на то оснований, принимает решение о назначении судебно-экономической экспертизы, при этом вопросы, поставленные на разрешение, относятся скорее к компетенции специалиста.

Более детально данный вопрос поднимался автором на страницах Вестника Нижегородской правовой академии [1]. В настоящей статье хотелось бы остановить внимание на вопросах научного обеспечения содержательной части заключений по результатам проведенных судебно-экономических экспертиз.

В первую очередь необходимо иметь в виду, что назначив судебно-экономическую экспертизу, следователь не может быть абсолютно уверен в том, что выводы эксперта являются абсолютной истиной и не могут быть подвергнуты сомнению.

Учитывая, что заключение эксперта выступает в качестве одного из ключевых доказательств по делам экономической направленности, следовательно к нему должны применяться общие требования как к доказательству. В соответствии со статьей 88 Уголовно-процессуального кодекса к указанным требованиям относятся относимость, допустимость, достоверность. Заключение может быть признано недопустимым или подвергнуто критике в случаях допущения ошибок организационного и методологического характера. К первым можно отнести несоответствие наименования рода (вида) судебной экономической экспертизы (согласно постановлению или определению о назначении экспертизы) и содержания поставленных перед экспертом вопросов. Кроме этого отсутствие единства классификации родов и видов экспертиз порождает тот факт, что, например, вопросы по делам о банкротстве разрешаются путем назначения судебно-финансовой экспертизы [5] (в том случае, если экспертизу проводят специалисты Минюста) или же путем назначения финансово-аналитической экспертизы [4] (если экспертиза проводится экспертными подразделениями системы МВД).

Вторым проблемным моментом при решении вопроса о выполнении требования допустимости к заключению эксперта является квалификация эксперта. В настоящее время судебно-экономические экспертизы проводятся экспертными подразделениями МВД России, Министерства юстиции, а также негосударственными экспертами.

Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту, предусмотрены статьей 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» [9]. Однако данные требования не распространяются на негосудар-

ственного судебного эксперта. Данный правовой пробел может оказать негативное воздействие на процесс уголовного судопроизводства.

Так, по уголовному делу по обвинению Р. в преднамеренном банкротстве ООО "М" суд первой инстанции при определении размера ущерба в результате продажи 37 объектов недвижимого имущества в качестве доказательств, подтверждающих стоимость этих объектов, руководствовался заключениями оценочных экспертиз N 861 и N 861.

Как следует из материалов дела, оценочные экспертизы N 861 и N 861 были проведены организацией ООО "В". Отчет оценщиков подписан экспертами-оценщиками М. и Г. Из показаний М. и Г. следует, что М. не являлся штатным экспертом ООО "В", а эксперт Г. в период производства экспертизы в данном экспертном учреждении не работала, факт ее участия при проведении экспертизы и подписи от ее имени сфальсифицированы. В материалах дела отсутствуют доказательства того, что М. имел лицензию на производство оценочных экспертиз, являлся индивидуальным предпринимателем и в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 1998 года N 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" вправе был проводить оценку.

Кассационным судом признано недопустимым доказательством также заключение комиссионной судебно-экономической экспертизы N 10132, поскольку у эксперта Л. не было допуска для производства экспертизы. Из свидетельства N 012479 на право самостоятельного производства судебных экспертиз следует, что право производства финансово-кредитных экспертиз предоставлено Л. лишь с 13 ноября 2010 г. [10].

В этой связи во избежание фактов признания заключения эксперта (в частности, негосударственного эксперта) недопустимым и недостоверным доказательством органу дознания, следствия или суду необходимо при решении вопроса о назначении экспертизы в негосударственных структурах выяснить компетенцию эксперта, а также наличие у него опыта производства судебных экспертиз и решения вопросов, которые перед ним предполагается поставить. При этом у эксперта должны быть документы, подтверждающие наличие у него требуемых для производства судебной экспертизы специальных знаний.

Следующим важным аспектом признания заключения эксперта достоверным является научная обоснованность используемых при проведении исследований методик. Согласно части 9 статьи 204 «Заключение эксперта» УПК РФ «В заключении эксперта указываются: ... содержание и результаты исследований с указанием примененных методик». В настоящее время отсутствует единая сертификация подобных методик. Этот пробел является причиной возникновения ошибок методологического характера, следствием которых является направление материалов на дополнительное расследование или назначение повторной экспертизы.

В рамках проведения экономической экспертизы эксперты, как правило, руководствуются методиками экономического анализа, разработанными и опубликованными учеными-экономистами.

Несмотря на то, что данные методики основываются на общепринятых экономических принципах, они не являются однозначными и эквивалентными, допускают вариативность подходов, могут основываться на различных научных взглядах, отраслевой специфике финансовых показателей и т.п.

Нередко ошибки при производстве судебной финансово-экономической экспертизы (на предмет установления признаков банкротства) возникают при выборе

экспертом методики финансового анализа, метода расчета тех или иных показателей и т.д. Для характеристики платежеспособности хозяйствующего субъекта эксперт определяет коэффициент абсолютной ликвидности, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент обеспеченности обязательств должника его активами. Однако для полного и комплексного анализа платежеспособности этих показателей, по мнению специалистов в области финансового анализа недостаточно. В соответствии с научно-методическими рекомендациями [9] по оценке платежеспособности кроме указанных показателей также целесообразно определить коэффициент критической оценки, общий показатель платежеспособности, коэффициент маневренности функционирующего капитала, доля оборотных средств в активах, коэффициент обеспеченности собственными средствами.

Без анализа указанных показателей исследование не может быть признано полным, а выводы – обоснованными. Также для анализа платежеспособности предприятия на первоначальном этапе исследования необходимо составить платежный баланс, однако некоторые эксперты не используют данный метод анализа платежеспособности предприятий.

Для повышения эффективности процесса уголовного преследования по делам экономической направленности необходимо обратить внимание не только на приоритетное использование такой формы использования экономических знаний как судебно-экономическая экспертиза, но и на исключение обстоятельств, приводящих к признанию ключевого источника доказательств недопустимым и недостоверным. Для снижения риска признания заключения эксперта недоброкачественным требуется осуществлять планомерную работу по разработке единой обязательной организационной и методической базы проведения профессиональной экспертизы, которая включает:

- единую классификацию видов экономических экспертиз с указанием случаев применения каждого из них;
- требования к квалификации экспертов;
- определение наиболее достоверных методик, их сертификация, опубликование и использование в качестве обязательных для всех экспертов.

Некоторые шаги в данном направлении уже сделаны, отдельные – в стадии законодательного закрепления. Так, в 2006 году в России началась сертификация судебно-экспертных методик. С этой целью в РФЦСЭ при Минюсте РФ создана система добровольной сертификации, в рамках которой уже осуществляется испытание и выдача рекомендаций к использованию в судебно-экспертной практике методов, средств и методических рекомендаций по производству судебных экспертиз.

Кроме этого, в Государственной Думе обсуждается проект нового федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" [6]. Данный законопроект устанавливает единые требования, предъявляемые к судебно-экспертным организациям, независимо от формы их собственности. Предлагается также установить механизмы сертификации компетентности судебного эксперта, которые являются обязательными для государственных судебных экспертов и добровольными для лиц, не являющихся работниками государственных судебно-экспертных организаций (подразделений). Эти мероприятия позволят более полноценно и эффективно применять такую форму использования специальных экономических знаний как судебно-экономическая экспертиза – ключевой источник доказательств по делам экономической направленности.

Список литературы

1. Бандорина И.В. Актуальные проблемы назначения судебно-экономической экспертизы в уголовном процессе// Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – № 5. – С. 15-17.
2. Донцова Л.В., Никифорова Н.А. Анализ финансовой отчетности: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело и Сервис, 2007. С. 111.
3. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2008. С. 152.
4. Приказ МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 15.10.2012) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с "Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации", "Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации") // «Российская газета», N 191, 30.08.2005.
5. Приказ Минюста России от 27.12.2012 N 237 (ред. от 29.10.2013) "Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России"// «Российская газета», N 24, 06.02.2013.
6. Проект Федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"(подготовлен Минюстом России) (текст по состоянию на 22.02.2013) // URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2017).
7. Сайт МВД России // URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 24.10.2017).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // URL:<http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 24.10.2017).
9. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015)"О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"// "Собрание законодательства РФ", 04.06.2001, N 23, ст. 2291.
10. Финогенов А.В. О некоторых особенностях квалификации преднамеренных банкротств (ст. 196 УК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 11. С. 47-52.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Белова К.В.

магистрант второго года обучения, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена анализу развития института участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Автор выделяет этапы развития данного института и дает характеристику каждому из этапов, выявляя их особенности. Вместе с тем автором прослеживаются тенденции развития статуса прокурора в гражданском процессе и вносятся предложения по его укреплению.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, история развития, общий надзор, статус, реформа.

Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве историческое развитие в Российской империи получил ввиду проведения Судебной реформы

1864. На деятельность прокуратуры данная реформа повлияла весьма серьезно, по сути, введя новый и не известный ранее институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Проведенная судебная реформа была достаточно прогрессивной, что позволило России сделать огромный шаг вперед. Многие авторы утверждают, что «Судебные уставы 1864г., включая Учреждения судебных установлений, послужили знаменательным событием в социальной и политической жизни всего государства» [6]. Назначение прокуратуры заключилось в «наблюдении за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи» [1]. В статье 130 Учреждения судебных установлений был выведен основополагающий принцип, положенный в основу деятельности прокуратуры, сохранившийся и на сегодняшний день: принцип независимости, согласно которому прокуроры обязаны действовать на основании своего убеждения и существующих законов, что обеспечит их самостоятельность в принятии решений.

Участвуя в рассмотрении дела судом с целью дачи заключения прокурор, по окончании состязания сторон, представлял суду свое заключение по делу. В данной форме прокурор мог вступать в процесс по своей инициативе или по инициативе суда. Участие прокурора сводилось к вступлению в процесс как «примыкающая сторона».

Прокурор в гражданском процессе мог выступать и как «основная» сторона. В таком статусе прокурор участвовал в делах, имеющих публичный характер, затрагивающий интересы государства и общества. Однако прокурор не имел права предъявлять иск в защиту интересов государства и общества.

Прокурор осуществлял надзор за рассмотрением гражданских дел в присутственных местах губерний и в Сенате, который представлял собой просмотр журналов поднадзорных государственных органов и уведомление губернского начальства и Министерства юстиции обо всех выявленных нарушениях закона. Причем принесенный на такое нарушение закона протест прокурора не приостанавливал исполнение принятого решения по делу [2, с. 164].

В Уставе гражданского судопроизводства утверждалось, что состязательный процесс не представлял бы достаточного обеспечения в достижении истины, если бы при суде не было представителей закона и защитника во имя закона юридических и физических лиц, которые по естественному порядку вещей или по положению своему не могут принимать участие в деле [5, с. 201].

Второй этап развития данного института начинается в 1917 году, когда Российская империя прекратила свое существование и вместе с ней исчезла имперская прокуратура, а на смену ей через пять лет пришла советская. В 1923 году был составлен первый советский Гражданский процессуальный кодекс, который основывался на принципе вмешательства государства в частноправовые отношения в гражданских делах, а суду и прокуратуре были представлены широкие возможности на проявление своей активности и инициативы в гражданском процессе в целях защиты прав и законных интересов человека и государства [4, с. 30].

Именно этот принцип и сформировал особенности участия прокуратуры в гражданском процессе. Так, статья 2 Гражданского процессуального кодекса 1923 года устанавливала, что прокурор имеет право, как начать дело самостоятельно, так и вступить в процесс на любой его стадии. В соответствии со ст. 282 ГПК РСФСР прокурор имел право принести протест, независимо от того, участвовал он в деле или нет.

В конечном счете, роль прокурора в гражданском процессе немногим отличалась от роли суда, так как и суд, и прокуратура были заинтересованы в обеспечении политики государства. Судья был «связан» с позицией прокурора по делу, ведь прокурор одновременно являлся представителем надзорного органа, надзиравшего за тем, как судья исполняет законы РСФСР при рассмотрении гражданского дела, и имел полномочия опротестовать решение судьи.

В 1980-1990 года участие прокуратуры в гражданском процесс стало подвергаться пересмотру. Руководящие работники прокуратуры стали выступать против надзора прокуратуры за законностью рассмотрения дел судами, поскольку данное положение нарушало принципы построения демократического правового государства в направлении разделения властей и создания независимой судебной власти.

После провозглашения независимости Российской Федерации и событий августа 1991 года произошел распад и ликвидация СССР.

Верховным Советом Российской Федерации и Президентом России было принято решение об образовании Генеральной прокуратуры Российской Федерации с передачей всех органов прокуратуры, которые существовали до распада СССР на всей территории России.

17 января 1992 года был принят Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который отменил надзор прокуратуры за законностью рассмотрения дел в судах, а участие прокурора в гражданском процессе стало рассматриваться как одно из направлений осуществления прокуратурой своих задач по надзору за верховенством закона, единством и укреплением законности.

Процессуальное положение и функции прокуратуры в гражданском процессе были более точно закреплены в принятом в 2002 году Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, а также дополнены в других нормативно-правовых актах (Семейный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»)

Дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства находит отражение в Концепции Единого гражданского процессуального кодекса [3]. 23 июня 2016 года в комитете Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству прошел круглый стол, посвященный разработке и принятию единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – единый ГПК РФ).

На каждом историческом этапе, органы прокуратуры играли свою роль в становлении государственности и укреплении законности в нашей стране. Комплекс прав и обязанностей прокурора в гражданском судопроизводстве менялся в зависимости от действовавшей в определенный момент системы власти, политического режима, правовой доктрины и уровня развития понимания, переосмысления предназначения органов прокуратуры в целом. Отметим, что в отличие от дореволюционного периода развития отечественной прокуратуры, в советский период можно было наблюдать более активную тенденцию наделяния прокуроров полномочиями, однако идеологический характер законодательства порой оставлял специфический след в формулировках закона. Статус прокурора как участника гражданского процесса, безусловно, был наиболее сильным именно в период советской власти. Сущность и содержания полномочий прокурора на данном этапе развития до сих пор являются предметом научных дискуссий. Причины усиления статуса

прокурора могут быть объяснены во многом политической волей и существовавшим на тот момент тоталитарным режимом, которому требовался надзорный орган с эффективными и реальными полномочиями. У прокурора была вся широта полномочий для эффективной борьбы с нарушениями закона на любой стадии правоприменительной деятельности. Принятие действующего ГПК РФ было основано на существенных наработках и анализе опыта советского правоприменения, в том числе на качественной переработке ГПК РСФСР 1964 года с учетом современных требований правового и демократического государства.

На современном этапе, гражданское процессуальное законодательство представляется крайне динамичным вследствие стремительных изменений социальных, экономических и политических реалий. Разрабатываемая на сегодня концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ, призвана решить проблемы диссонанса цивилистических процессов, путем рецепции соответствующих норм и выработки единого, обоснованного подхода к правоприменительной деятельности. К сожалению, единый процессуальный кодекс на сегодняшний момент находится в стадии глубокой проработки, в которой безусловно трудно прогнозировать итоговый результат. Однако, сам процесс изысканий этого фундаментального акта позволяет утверждать, что в юридическом сообществе происходят качественно новые процессы, направленные на адаптацию действующего законодательства к современной социальной и правовой действительности.

Список литературы

1. Бессарабов В.Г. Пореформенная российская прокуратура // Журн. рос. права. 2002. № 10.
2. Казанцев, С.М. История царской прокуратуры // СПб Издательство С.-Петербургского университета.1993. С. 164.
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 08.12.2014 № 124(1)) // КонсультантПлюс.ВерсияПроф [Электронный ресурс] / Электрон.дан. М., 2016.
4. Никонов, В.А. Сравнительно-правовое исследование института прокуратуры в России во второй половине XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века: диссертация. – Владимир, 2005. С. 30.
5. Сологубов, А. История и правовая природа прокуратуры Российской Федерации // Право и жизнь. 2006. – № 6. С. 201-227.
6. Ястребов В.Б. Функции прокурора в уголовном судопроизводстве (былое и современность: некоторые уроки Судебной реформы 1864г.) // Актуальные проблемы Российского права. 2014. № 4/3.

ОБЫЧАИ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Берестнев Р.Е.

студент второго курса магистратуры Юридического института,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассмотрены понятия обычая и традиции в правовой сфере жизни, проанализированы их достоинства и недостатки. Сделаны сравнения между правовым обычаем и корпоративным обычаем. Приведены примеры применения таких обычаев на практике, на их основании были выделены его полезные свойства и подчеркнута огромная роль в

качества источника в уставах различных корпоративных организаций. Сделан вывод относительно недостаточного внимания к этому явлению со стороны законодателя и как следствие, дефицита его в различных нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: правовой обычай, традиция, деловой оборот, корпоративное право, обычаи корпоративного права.

Обычаи и традиции начали формироваться с образования самого первого общества и, постепенно совершенствуясь, продолжают свое развитие и по настоящее время. В современном законодательстве они являются источником и способом закрепления правовых актов наравне с законами и указами. В нормативных документах так же присутствуют обычаи (например, в статье 99 Конституции говорится, что «первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат», хотя само слово «обычай» в этой статье не употребляется) и законодатель с каждым годом все активнее воздействует на них. Но продвижение и развитие такого института как правовой обычай происходит достаточно медленно и неравномерно [1, с. 129].

Корпоративный обычай, с точки зрения права несет в себе много положительных черт:

1) истоки его основываются в коллективе и несут в себе волю работников, обычай зарождается не "сверху", а "снизу";

2) обычай отражает особенности условий работы в коллективе, он более объективен, и лучше «приживается» у работников. Например: традиция после окончания своей смены дожидаться напарника в течение 15 мин, и при его отсутствии извещать об этом руководителя;

3) обычай передается в устной форме, что легче и доступнее письменного нормативно-правового акта для коллектива;

4) обычай выполняется добровольно, чем обеспечивает его исполнение среди работников;

5) обычай несет в себе совокупность многолетнего коллективного опыта, облегчает взаимопонимание работников.

Но наряду с положительными чертами корпоративного обычая, имеются и отрицательные черты:

1) укоренившийся в сознании людей обычай характеризуется неподвижностью, и меняется очень медленно;

2) обычай часто несет в себе условия неравенства, как пережиток прошлого;

3) обычай не имеет четкой определенности, содержание обычая субъективно и во многом зависит личности человека;

4) обычай письменно не подтвержден.

Корпоративные обычаи рассматривают с двух позиций: первая – обычаи являются источником корпоративных норм, вторая – руководство корпорации вправе реагировать на корпоративные обычаи, утверждая своим правовым актом.

В гражданском праве применяется два вида обычаев:

1) правовой или деловой обычай. Согласно статье 5 ГК РФ, правовой обычай – «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области правоприменительной деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано оно в каком-либо документе». В случае, если работодатель узаконит обычай, он становится корпоративной нормой;

2) общегражданский обычай является собой укоренившиеся привычки и традиции, заимствованные из культурного наследия народа. Руководители организаций и сообществ, относятся к не правовым обычаям нейтрально или считает их нежелательными.

Правовой обычай имеет отличие от корпоративного – его действие распространяется на одну корпорацию и влияет на устои и привычки одной корпорации. Данное отличие помогает различать правовой обычай от корпоративного [3, с. 128].

Белкин А.А. в своей работе подчеркивает, что корпоративный обычай имеет две стороны: с одной – он является источником, из которого заимствуются разные знания о корпоративных нормах, с другой стороны – руководство корпорации имеет возможность оказывать влияние на поведение работников в данной организации, делая выбор, поощрить данного субъекта или наказать [4, с. 158].

Доктор юридических наук, профессор Московской государственной юридической академии Кашанина Т.В. в своих научных трудах выделяет, что «в корпоративном праве обычай и традиции делового оборота необходимо отличать от обычая, который представляет собой моральную норму, то есть от общегражданских обычаев». Как разъяснение она приводит формулировку корпоративного обычая – «это обычай, применение которого обеспечивается мерами воздействия со стороны корпорации, а именно либо мерами поощрения, либо санкциями» [5, с. 10].

Наряду с корпоративным обычаем, в гражданском праве применяется термин корпоративные деловые обыкновения. Это определенные правила поведения, складывающиеся при производственной деятельности организаций и предприятий. Иначе, деловые обыкновения можно рассматривать, как привычную практику в данной корпорации, не являющуюся источником гражданского права. Например, в японских трудовых коллективах рабочий день начинается с физической зарядки. Иногда руководитель письменно закрепляет корпоративное деловое обыкновение, например, в Правилах учебного распорядка многих обучающих заведений прописана обязанность учащихся встречать преподавателя стоя. В Японии заведено приподнимать рабочее место руководителя, в России начальник имеет свой кабинет.

Многие ученые связывают деловую обыкновенность и обычай. Например, С.И. Вильнянский называет деловое обыкновение «обычаем оборота», который восполняет проблемы между обычаями и локальными нормативными актами [7, с. 68]. Д.Г. Грязнов, в свою очередь, считает, что обыкновение является тем, из чего впоследствии различных общественных отношений путем многократного применения в сходных ситуациях создается обычай [8, с. 39].

Для того, чтобы понять, с чем это связано, необходимо выделить недостатки этого явления. Во-первых, в основе обычая и делового обыкновения всегда лежат образцы одного конкретного поведения, либо же практической деятельности, из-за чего они становятся трудно отделимыми от иных общественных взаимоотношений. Во-вторых, обычаи не имеют письменного подтверждения и не регистрируются. И в-третьих, невозможность полного запрета привычных обычаев. Законодатель, в целях бережного отношения к исторической культуре разнообразных народов старается снисходительно обращаться к подобным рода обычаям. Например, выкуп и похищение невесты. Это действие считается правонарушением, но оно является важной составляющей культуры определенного народа, в связи с этим, он не вытесняется, а редактируется (выкуп и похищение невесты проходит непосредственно с ее согласия) [2, с. 23].

Обычаи рассматривают в качестве диспозитивной нормы права, поэтому стороны могут от него отступить, в отличие от нормативно-правовых норм. Наиболее часто обычаи применяются в ситуациях, где в этой области в законодательстве имеется пробел, не согласованный сторонами. Существуют негласный порядок применения обычаев:

- 1) правила обычая должны быть постоянными;
- 2) должны быть узконаправленными и определенными;
- 3) применяться на практике длительное время;
- 4) использоваться часто и в большом диапазоне.

Однако, корпоративные обычаи по своей юридической силе, уступают нормативным актам.

Значительное количество корпораций в своих уставах устанавливают их в качестве источника права наравне с обычаями, хотя они не считаются источниками. Связанно это с тем, что обыкновения диктуются не национальными традициями, а административной рациональностью, которая различна для каждого предприятия. Еще одно отличие обыкновения от обычая – в необходимости их письменного закрепления в качестве соглашений или отчета.

В заключение следует отметить, что в большинстве корпораций применяется на практике огромное количество деловых обычаев и обыкновений. Участники корпоративных отношений, настолько привыкли к ним, что редко замечают их в своей деятельности. Органам управления необходимо, однако, замечать эти маленькие детали для того, чтобы создать прочный и продуктивный коллектив.

Список литературы

1. Вильнянский С.И. Ученые записки Харьковского юридического института. – Харьков, 1954. Вып.5. 3 с.
2. Зыкин И.С. Обычай в правовой доктрине // Государство и право. 2004. №3. 127 с.
3. Белкин А.А. Обычаи и обыкновения в государственном праве // Правоведение. 1998. №1. 38 с.
4. Кирилловых А.А. Корпоративное право. Курс лекций. М.: Юстицинформ, 2009. 192 с.
5. Кашанина Т. В. Корпоративное право М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. 233 с.
6. Вильнянский С.И. Обычай и правила социалистического общежития. 2005. 13 с.
7. Макарова О.А. Корпоративное право. М.: Волтерс Клувер, 2005. 420 с.
8. Грязнов Д.Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке. М., 2003. 72 с.
9. Бушев А.Ю. Корпоративное право: проблемы науки и практики / А.Ю. Бушев, В.Ф. Попондопуло // Арбитражные споры. 2005. N 3. 35 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ КРИМИНАЛИСТИКИ – ОТ 1954 г. ДО 2017 г.

Бутырская А.В.

заведующая кафедрой криминалистики, канд. юрид. наук,
Четвертый факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе
Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации, Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются вехи развития службы криминалистики в России. Путь криминалиста начался в 1954 году с организации в Генеральной прокуратуре СССР долж-

ности прокурор криминалиста, роль которого заключалась в большей степени в наставничестве. В настоящее время развитие криминалистической службы продолжается в Следственном комитете РФ, где должность следователя-криминалиста единственная по которой был разработан и утвержден профессиональный стандарт.

Ключевые слова: прокурор-криминалист, следователь-криминалист, наставничество, раскрытие и расследование преступлений, профессиональный стандарт.

19 октября 2017 года службе криминалистики исполняется 63 года. Отсчет этой даты идет от 19 октября 1954 года, когда Генеральным Прокурором СССР Руденко Р.А. было издано Указание за № 3/195 «О работе прокурора-криминалиста».

Характерна личность человека, являющегося родоначальником службы криминалистики. В 1944 в 37 лет Р.А. Руденко становится прокурором Украинской ССР, после назначения он лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинств и террора, устроенных нацистами на украинской земле против мирных жителей. По окончании Великой отечественной войны Руденко Р.А. поддерживал обвинения в отношении нацистских преступников на Нюрнбергском процессе. 30 июня 1953 Р.А. Руденко был назначен Генеральным прокурором СССР и утвержден на сессии Верховного Совета СССР. Во главе органов прокуратуры Роман Андреевич Руденко стоял дольше всех советских прокуроров – 27 лет [5].

Необходимость создания этой службы прежде всего было обусловлено нехваткой профессиональных работников в сфере раскрытия и расследования преступлений, что явилось следствием результата Великой отечественной войны. Многие юристы погибли, а развитие юридического образования в стране в послевоенной стране не было первоочередной задачей. В 1946 г. только 12% работников прокуратуры имели высшее юридическое образование, более 70% не имели юридической подготовки, свыше 26% работали в прокуратуре менее года [1, с. 120]. К тому же, в стране отмечался катастрофический рост преступности, в том числе связанный с широкомасштабной амнистией 1953 года, когда на свободу вышли «воры в законе» и убийцы.

Конечно такое положение не могла остаться без внимания правительства стране, поэтому большое значение в ликвидации такого положения имело постановление ЦК ВКП (б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране», в котором указывалось о необходимости создания кадров с высшим и средним юридическим образованием [3, с. 67].

В целях повышения профессионального мастерства следственно-прокурорских работников (их переподготовки) в 1947 г. были организованы постоянно действующие курсы повышения квалификации в Москве, Ленинграде, Харькове. Одним из важных мероприятий, направленных на повышение научного уровня работы следственного аппарата, явилось распоряжение Совета Министров СССР № 1680-р от 11. 02. 1949 г., которым Прокуратуре СССР были предоставлены средства на изготовление комплектов новейших, для того времени, научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане и обеспечении ими следователей прокуратуры [2, с. 10].

Для того чтобы ввести в штаты прокуратуры лиц, отвечающих за обучение следователей искусству расследования преступлений. В августе 1954 в г. Ленинграде организованы специальные двухмесячные курсы по подготовке прокуроров-криминалистов. Первая группа прокуроров-криминалистов была подготовлена в количестве 42 человек, на них возлагалась.

19 октября 1954 года Генеральный прокурор СССР направил всем прокурорам республик, краев и областей указание о создании службы прокуроров-криминалистов и Инструкцию о работе прокурора-криминалиста. Генеральный прокурор предложил руководителям прокуратур закрепить прокуроров-криминалистов, окончивших специальные курсы, в следственных отделах, обеспечить им необходимые условия для выполнения возложенных на них обязанностей, не отвлекая при этом на другую работу.

Служба прокуроров-криминалистов, прежде всего, формировалась из элиты следствия в прокуратуре, это были самые опытных следователи, имеющие стаж следственной работы не менее 5 лет.

Выписка из Указания Генерального прокурора СССР от 19 октября 1954 г. № 3/195 «О работе прокурора-криминалиста»: В ближайшее время заканчивают работу организованные Прокуратурой СССР двухмесячные курсы по подготовке прокуроров-криминалистов. В связи с этим предлагаю: 1. Прокуроров-криминалистов, окончивших курсы, закрепить на работе в следственных отделах, возложив на них проведение методической работы, организацию и контроль за выполнением приказов Генерального Прокурора СССР № 263 от 14 октября 1953 г. и № 191 от 31 августа 1951 г., а также заведование криминалистическими кабинетами. 2. Обеспечить необходимые условия для выполнения прокурорами-криминалистами возложенных на них обязанностей, не отвлекая их на другую работу. 3. Не допускать перемещения на другую работу или увольнения прокуроров-криминалистов без предварительного согласования с начальником следственного управления Прокуратуры СССР.

Характерно, что положения, закрепленные в указании 1954 года, нашли свое отражение и в документах более позднего периода функционирования службы криминалистики в органах прокуратуры. Так, в приказе генерального прокурора РФ от 30 ноября 1993 г. № 39 «Об улучшении организации работы по внедрению технико-криминалистических средств и научно обоснованных методов в расследование преступлений» дано указание «укомплектовать должности прокуроров-криминалистов подготовленными сотрудниками, имеющими опыт следственной работы и практические навыки в применении технико-криминалистических средств, обладающими организаторскими способностями. Создавать им надлежащие условия работы, исключить случаи поручения заданий, не связанных с их непосредственными служебными обязанностями, предусмотренными Положением».

Приказ Генерального прокурора РФ от 27 января 1997 г. № 4 «Об улучшении организации работы прокуроров-криминалистов», также закреплено положение о необходимости «укомплектовать криминалистические подразделения профессионально подготовленными прокурорско-следственными работниками, имеющими опыт следственной работы, организаторские способности, практические навыки применения технико-криминалистических средств. Обеспечить четкое распределение обязанностей между работниками этих подразделений, издав соответствующие распоряжения. Исключить отвлечение прокуроров – криминалистов на систематическое расследование уголовных дел в полном объеме (за исключением лишь особо сложных подследственных прокуратуре уголовных дел о преступлениях, вызвавших большой общественный резонанс), надзор за их расследованием, рассмотрение жалоб и заявлений, поддержание государственного обвинения в судах и выполнение другой работы, не относящейся к их прямым служебным обязанностям,

предусмотренным Положением о прокурорах – криминалистах в органах прокуратуры Российской Федерации».

В начале 21 века знамя прокурор-криминалистов подхватили следователи-криминалисты Следственного комитета РФ, деятельность которых в настоящее время регулируется приказом СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации».

В настоящее время в СК РФ планируется создание Криминалистического центра СК России на базе Главного управления криминалистики. Основными направлениями деятельности создаваемого центра является: разработка, апробация и внедрение в следственную практику новых образцов криминалистической и специальной техники; совершенствование действующих и разработка новых методик расследования преступлений; укрепление мобильных групп оперативного выезда на места происшествий, основной задачей; оказание практической помощи следствию при проведении следственных действий (обыски, осмотры, проверки показаний на месте, допросы, очные ставки, изъятие образцов для сравнительных исследований и др.); психологическое сопровождение расследования преступлений, в том числе совершённых несовершеннолетними и в их отношении, серийных, сексуального характера; формирование и ведение ведомственных криминалистических и экспертных учетов, баз данных криминалистической информации в пределах установленной компетенции и др. [6].

Важность и значимость данной профессии подтверждается фактом утверждения приказом от 23 марта 2015 г. № 183н Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации профессионального стандарта «следователя-криминалиста» [4].

Список литературы

1. История отечественного государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. Ю. Курсова, В. Ф. Калина, Н. В. Михайлова и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 551
2. Морозов, В.С. Формы и методы помощи прокурора-криминалиста следователям в расследовании преступлений / под науч. ред. В.К. Звирбуля. М. 1971. С. 101
3. Теория государства и права России: учебник / под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект, 2001. С.440.
4. Сборник законодательства Российской Федерации, 2013, № 4, ст. 293; 2014, № 39, ст. 5266) <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/09.001.pdf> (дата обращения 19.10.2017)
5. <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 17.10.2017)
6. <http://sledcom.ru/news/item/1154183> (дата обращения 19.10.2017)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гаранина И.Г.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук, доцент,
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Казань

В статье рассматривается история становления нормативной системы защиты репродуктивных прав женщин. Анализируется влияние основных международно-правовых

договоров по правам человека на принятие актов Конференций государств, направленных непосредственно на регулирование репродуктивных прав женщин.

Ключевые слова: права женщин, репродуктивные права, репродуктивные права женщин, право на репродуктивный выбор, Каирская конференция, Пекинская платформа, права человека.

Репродуктивные права женщин не были урегулированы в международных документах по правам человека до 1990-х годов. Развитие репродуктивных прав человека по большому счету можно свести к двум относительно последовательным этапам: (1) это принятие международных документов по правам человека с 1940-х по 1980-е годы; и (2) это документы, принятые на международных конференциях в 1990-х годах. На первом этапе только несколько международных договоров по правам человека легли в основу международной защиты репродуктивных прав женщин в целом. На втором этапе репродуктивные права женщин получили всемирное признание.

Принятие Устава ООН стало важным шагом в деле обеспечения прав человека в сфере международного права. В Уставе излагаются основные обязательства государств-членов, одним из которых является содействие всеобщему «уважению и соблюдению прав человека и основных свобод» [1]. Отметим, что после учреждения ООН с 1945 по 1990-е гг. были приняты еще документы под эгидой ООН и защищающие, в том числе, репродуктивные права женщин, это: Всеобщая декларация прав человека (далее – ВДПЧ), Международный пакт о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция).

Разумеется, влияние ВДПЧ на историю международного права прав человека имеет большое значение. Будучи ведущим документом в международном праве прав человека, хотя и не имеющей обязательной юридической силы, ее влияние на последующее нормотворчество в области прав человека огромно. Некоторые из положений ВДПЧ были или стали нормами обычного международного права. В настоящее время мало кто отрицает, что ВДПЧ является нормативным инструментом, который создает юридические обязательства для государств-членов ООН. ВДПЧ также создает основу для международной защиты репродуктивных прав посредством перечисления конкретных прав, которые включают: (1) право на уровень жизни, соответствующий здоровью и благополучию, включая право на особую защиту женщины в ее роли матери; (2) право на неприкосновенность частной жизни; (3) право получать и распространять информацию; (4) право на вступление в брак и создание семьи; (5) право на свободу от дискриминации по признаку пола [2]. Содержание этих прав человека, перечисленных в ВДПЧ, было дополнительно уточнено в последующих договорах по правам человека.

В МПГПП также рассматриваются права женщин относительно семейного и репродуктивного самоопределения. В статье 23 (1) и (2) МПГПП говорится, что «семья является естественной и фундаментальной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» и что «мужчины и женщины в брачном возрасте имеют регистрировать брак и создавать семью» [3]. МПЭСКП в статье 10 требует, чтобы «особая защита предоставлялась матерям в течение разумного периода времени до и после родов ...». Данный Пакт также признает, что каждый человек имеет право на «осуществление наивысшего достижимого уровня

физического и психического здоровья» [4]. Эти положения косвенно охватывают право женщины на медицинские услуги и информацию необходимую для предотвращения нежелательной беременности, которая может поставить под угрозу физическое и психическое здоровье женщины.

Конвенция твердо установила, что права женщин включают в себя все права человека – гражданские, политические, экономические, социальные и культурные, несомненно, включая репродуктивные права. Статья 16 (1) (е) Конвенции обращает внимание на право женщин на репродуктивный выбор. Что касается права на охрану репродуктивного здоровья, статья 12 (1) Конвенции требует от государств ликвидации дискриминации в отношении женщин в доступе к медицинским услугам, в том числе, связанных с планированием семьи [5].

Всемирное признание нормативной основы регулирования репродуктивных прав является ключевым шагом на пути к достижению должного уровня охраны прав всех женщин. 1990-е годы являются ключевым этапом в формулировании связей между положениями, содержащимися в существующих договорах о правах человека и репродуктивными правами женщин со стороны международного сообщества. Ряд конференций ООН, касающихся прав человека, народонаселения и равенства женщин, способствовали становлению и развитию репродуктивных прав женщин. Некоторые конференции ООН завершились принятием документов, утвержденных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя эти документы не являются договорами и не создают конкретных обязательств для государств, они отражают общие цели и политику международного сообщества в отношении репродуктивных прав одновременно с теми обязательными договорами, которые упомянуты выше.

Международная конференция по народонаселению и развитию (далее, МКНР) была проведена в Каире в 1994 году с участием 179 государств. Это важный поворотный момент в развитии репродуктивных прав женщин. На ней впервые была принята Программа действий (Каирская программа действий): «... репродуктивные права охватывают права человека, которые уже признаны в национальном законодательстве, международных документах по правам человека и других документах. Эти права основываются на признании основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно и ответственно решать вопрос о количестве детей, сроках между рождением детей, о наличии доступа к информации и средствам для достижения наивысшего уровня сексуального и репродуктивного здоровья. Они также включают право каждого принимать решения в отношении воспроизводства себе подобных без дискриминации, принуждения и насилия, как это указано в документах по правам человека» [6].

Конференция «Международная защита репродуктивных прав», состоявшаяся в ноябре 1994 года, имела целью оценку того, как международное право может более эффективно использоваться для улучшения охраны репродуктивных прав женщин в свете МКНР. В частности, было установлено, что право женщин на здоровье и репродуктивный выбор имеет решающее значение для их полного участия в жизни общества. Программа действий МКНР, принятая государствами-членами в Каире, направлена на то, чтобы обеспечить женщинам доступ к широкому спектру медицинских услуг и выбора контрацептивов. Признавая, что общепризнанные нормы в области прав человека должны применяться ко всем аспектам программ в области народонаселения, и использоваться в концепции репродуктивных прав,

включая право на достижение наивысшего уровня сексуального и репродуктивного здоровья.

В 1999 году Генеральная Ассамблея ООН приняла план действий «Основные меры по дальнейшему осуществлению Программы действий Международной конференции по народонаселению и развитию», известный как Документ о ключевых действиях Каира, и подтвердила свою приверженность в продвижении права на здоровье и репродуктивных прав женщин и девочек.

В 1995 году в Пекине (Пекинская конференция) состоялась IV Всемирная конференция ООН по положению женщин. На Пекинской конференции 189 государств-участников подтвердили то, что было признано годом ранее в Каире. Права женщин включают в себя их право на контроль и свободное и ответственное решение по вопросам, связанным с их сексуальностью, включая сексуальное и репродуктивное здоровье, без принуждения, дискриминации и насилия.

Пять лет спустя представители из более чем 180 стран собрались в Нью-Йорке на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН для обзора хода имплементации Пекинской платформы. Государства вновь подтвердили свои обязательства в отношении прав женщин, в том числе, репродуктивных прав, и пообещали предпринять дальнейшие действия по осуществлению Пекинской платформы. Рекомендация данной специальной сессии была посвящена различным вопросам регулирования и реализации репродуктивных прав, включая озабоченность процентом материнской смертности, положения о безопасной и эффективной контрацепции и доступе к услугам в области репродуктивного здоровья для женщин и подростков. Для достижения этих целей государства были обязаны пересмотреть национальную политику, программы и законодательство для имплементации положений указанного документа.

Влияние вышеупомянутых Конференций ООН на становление и развитие репродуктивных прав женщин имеет большое значение. Однако, учитывая их политический характер, задача до сих пор по-прежнему не решена. Политические обязательства, принятые государствами на этих конференциях, должны быть превращены в юридически закрепленные обязанности по соблюдению репродуктивных прав женщин. Обязательства Каира и Пекина должны рассматриваться как динамичный, постоянно действующий процесс принятия законов и имплементации международно-правовых норм, посредством которых необязательные обязательства становятся политически, социально и юридически обязательными.

Список литературы

1. Устав ООН / Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 2000. – С. 37.
2. Всеобщая декларация прав человека / Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 2000. – С. 39-43.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. / Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 2000. – С. 53-68.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. / Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 2000. – С. 44-52.
5. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (18.12.1979) / Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 2000. – С. 245-255.

6. Гаранина И.Г. Проблемы регламентации и способы предупреждения дискриминации в сфере реализации репродуктивных прав человека / И.Г. Гаранина // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 62-66.

ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Гончаров С.П.

ректор, Донбасская юридическая академия,
Донецкая Народная Республика, г. Донецк

В статье рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия органов внутренних дел и местного самоуправления в сфере обеспечения общественной безопасности. Указываются разграничения полномочий указанных органов по вопросам координации, контроля обеспечения общественной безопасности. Раскрываются вопросы участия граждан в охране общественного порядка.

Ключевые слова: взаимодействие, органы внутренних дел, органы местного самоуправления, обеспечение, общественная безопасность.

Состояние дел в сфере обеспечения общественной безопасности затрагивает интересы всех без исключения граждан, всего общества, поскольку характеризует фактическую степень урегулированности социальных отношений, при которой обеспечиваются государством охрана жизни, здоровья, прав, свободы, достоинство граждан, общественное спокойствие [1, с. 11].

Не совсем понятным представляется разграничение полномочий по вопросам координации, контроля, а значит и ответственности за указанную деятельность, между государственными администрациями, органами местного самоуправления и органами внутренних дел. Если на государственные администрации законодательством возложено решение задач обеспечения правопорядка и общественной безопасности, то именно они должны нести ответственность за состояние правопорядка от имени государства на определенной территории как ветвь государственной власти.

При этом в законодательстве должны быть четко сформулированы пределы ответственности государственных администраций и органов местного самоуправления за состояние общественного порядка, поскольку без реального нормативного обеспечения единства прав и ответственности органов местной власти невозможно обеспечение научно обоснованного, эффективного управления определенными отраслями и сферами общественной жизни.

Законом определено, что для реализации целей и задач общественных формирований местным государственным администрациям и органам местного самоуправления предоставлено право вводить за счет средств местного бюджета должности инспекторов по вопросам работы с этими формированиями, начальников отрядов народных дружин предприятий, учреждений, организаций. Непосредственное руководство деятельностью общественных формирований должны осуществлять штабы, координационные советы и правления, формирующиеся на выборных началах.

Главой 2 ФЗ от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [2] предусмотрены основные формы участия граждан в охране общественного порядка: содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам; участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности.

Задачи ОВД по обеспечению охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на конкретной территории возложены на административную службу полиции, в частности, на службу участковых уполномоченных полиции. Исходя из задач, определенных законодательством, в ведомственных нормативных актах по организации деятельности служб охраны общественного порядка и общественной безопасности, было бы целесообразно более детально конкретизировать формы взаимодействия, а также механизм координации деятельности участковых уполномоченных полиции, сотрудников иных служб с общественными формированиями на закрепленной территории, оперативную подчиненность этих формирований, их отчетность о результатах работы, порядок организации правового обучения членов общественных формирований и т.п.

Основная проблема, которую в первую очередь, необходимо урегулировать ведомственной нормативной базой, – это участие представителей общественных формирований и органов внутренних дел в планировании и совместном осуществлении конкретных мероприятий по охране общественного порядка и общественной безопасности [3, с. 27].

Главная цель создания общественных формирований по охране общественного порядка – оказание помощи, содействие государственным органам исполнительной власти, правоохранительным органам, должностным лицам в поддержании общественного порядка на территории, в предотвращении и прекращении административных правонарушений, защите жизни и здоровья граждан, интересов общества и государства от противоправных посягательств и т.п.

Хотелось бы поднять вопрос обеспечения реального участия граждан, совместно с органами внутренних дел, в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Поскольку практическую реализацию вышеуказанного Закона возложено на местные государственные администрации и органы внутренних дел, вопросы привлечения граждан к участию в обеспечении и поддержании общественного порядка и общественной безопасности на территории, учитывая заурядную их важность, требуют подробной разработки и внедрения [4, с. 14-17].

На наш взгляд, самый эффективный способ обеспечения участия населения в местном самоуправлении – это разработка органами местного самоуправления конкретных проектов, имеющих значение и актуальность на локальном уровне для жителей определенной территории, а также привлечение граждан к их реализации.

Это могут быть, например, проекты по поддержанию общественного порядка вокруг многоквартирных домов, во дворах этих домов, в парках, скверах, других общественных местах. При этом речь идет не только о проблемах правового характера, но и широком круге вопросов нравственного, психологического, этического, культурного уровня, связанных с острой необходимостью формирования у населения правосознания, правовой культуры, гражданской ответственности за состояние дел в обществе и государстве.

В ФЗ от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка, Одной из наиболее массовых форм участия общественности в борьбе с правонарушениями указаны добровольные народные дружины охраны общественного порядка (ДНД), деятельностью которых руководят органы местной власти. Правоохранительной практике известны несколько видов добровольных народных дружин, которые различаются по своему функциональному назначению (территориальные и специализированные). Территориальные народные дружины закрепляют за территориями (зонами, участками) для постоянного их обслуживания. Специализированные народные дружины организуют с целью повышения эффективности борьбы с отдельными видами правонарушений. Широкое распространение получили специализированные добровольные народные дружины по охране общественного порядка, контроля за безопасностью дорожного движения [5, с. 21].

Наиболее широкой является сфера взаимодействия органов внутренних дел и общественных формирований в процессе осуществления административных функций. Это обусловлено тем, что административная деятельность преобладает в работе органов внутренних дел. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными формированиями в указанном направлении строится при осуществлении различных административных функций (охрана общественного порядка на улицах, площадях, на транспортных магистралях, вокзалах, пристанях, в аэропортах и других общественных местах; охрана собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, учреждений и организаций от преступных посягательств и других антиобщественных деяний и т.д.).

По мнению автора, основными формами взаимодействия органов внутренних дел и общественных формирований во время осуществления административных функций являются: совместный анализ состояния административно-правовой охраны общественного порядка; взаимный обмен информацией о проведенной работе; планирование совместных мероприятий; инструктаж и обучение членов общественных формирований формам и методам борьбы с административными правонарушениями; совместное патрулирование и проведение других мероприятий по административно-правовой охране общественного порядка; предоставление общественным формированиям методической помощи в отношении планирования и учета их работы; обмен положительным опытом работы по предупреждению и профилактике административных правонарушений.

Список литературы

1. Аксенов А.А. Организация взаимодействия в органах внутренних дел как функция управления: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.07 «Теория управления; административное право и процесс, финансовое право» / А.А. Аксенов. – М., 1973. С. 11.
2. Об участии граждан в охране общественного порядка: ФЗ от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/70627294/#ixzz4gK30Wu71>.
3. Лихачёв С.В. Методические рекомендации относительно взаимодействия ОВД с населением / С.В. Лихачев, Г.А. Данильченко, С.М. Тараненко [и др.]. – Донецк: НИиРО ДИВД МВД Украины, 2002. С. 27.
4. Лихачев С.В. Основы взаимодействия органов внутренних дел с органами местной власти во время охраны общественного порядка / С.В. Лихачев // материалы итоговой научной конференции (Донецк, 08 апреля 2009 г.). – ДонГУУ. С. 14-17.
5. Кавецкий А.Б. Общественный порядок в правовом государстве: принципы организации и пути укрепления: монография / А.Б. Кавецкий. – М., С. 21.

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИЕ УЧЕТЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Гребнева Н.Н.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук, доцент,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

Задорожная М.А.

студентка третьего курса магистерской программы «Правоохранительная и адвокатская деятельность» направления «Юриспруденция»,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

В статье авторами проанализированы результаты работы экспертно-криминалистического отдела (ЭКО) УМВД России по г. Сургуту с 1999 г. по сентябрь 2017 г., рассмотрены конкретные уголовные дела. На примере деятельности экспертов УМВД России по г. Сургуту показано значение дактилоскопических учетов следов рук для раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза, преступление, дактилоскопический учёт, следы рук, база данных, АДИС "Папилон", уголовное дело, дактилокарты.

Как известно, дактилоскопическая экспертиза является разновидностью трактологической. Следователь (дознатель) назначают ее в целях идентификации человека по следам и отпечаткам его внутренних поверхностей пальцев и ладоней рук, а также пальцев и подошв ступней ног. Дактилоскопическая экспертиза позволяет решать диагностические (установления вероятного возраста, роста, анатомических особенностей строения отобразившихся частей рук или ног человека, оставившего эти следы) и ситуационные вопросы; а также проводить сравнительные исследования следов рук (ног) с образцами отпечатков рук (ног) проверяемых лиц и конкретных людей (личность которых установлена) для их отождествления.

В настоящее время в экспертных учреждениях для установления личности подозреваемого по следам используется система информатики (АФР или АФИС). Так, в УМВД России по г. Сургуту с 2000 года используется автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система "Папилон". С помощью данной системы экспертами (с 2000 года по настоящее время) было опознано 1002 трупа, установлено 5373 идентификаций и раскрыто 4686 преступлений, определено 3056 лиц, скрывающихся под вымышленными именами и фамилиями. Причем если в 1999-м году было раскрыто 120 преступлений, то в 2000 году уже 326, и эти показатели из года в год растут (рисунок 1) [2].

На сегодняшний день в базе данных системы ЭКО имеется более 189562 дактилокарт лиц, которые доставлялись в правоохранительные органы, а также 11757 следов пальцев и ладоней рук, изъятых с мест преступлений.

Вот только один пример эффективности работы АДИС "Папилон". 30.04.2017 г. нарядом полиции за распитие спиртных напитков в общественном месте был задержан и доставлен в отдел полиции № 3 УМВД России по г. Сургуту гр. Акашин С. М., 1984 г.р. Он был дактилоскопирован в дежурной части ОП №3, дактилокарта в дежурные сутки направлена в экспертно-криминалистическое подразделение, в результате проверки данной дактилокарты по базе АДИС "Папилон" установлена идентификация дактокарты Акашина со следами пальцев рук, имею-

щихся в картотеке, изъятых с места происшествия. Предварительным расследованием было доказано, что 09.11.2013 года Акашин совершил кражу имущества из автомобиля Мицубиси государственный номер В892ОТ86 [4]. Уголовное дело в отношении Акашина С.М. направлено в Сургутский городской суд.

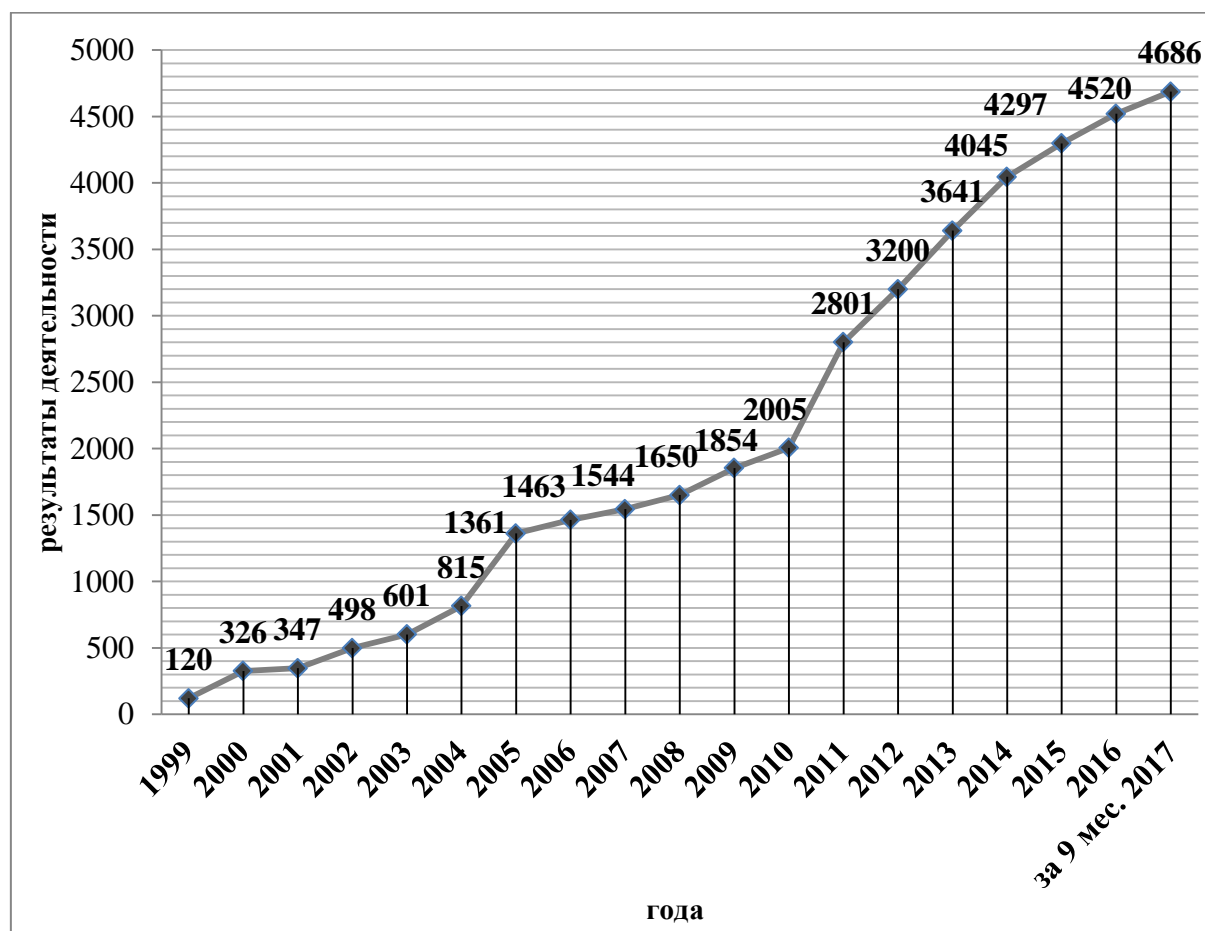

Рис. 1. Результаты деятельности ЭКО УМВД России по г. Сургуту по раскрытию преступлений с 1999 г. по 2017 г. (9 месяцев)

По данным ЭКО УМВД России по г. Сургуту за 9 месяцев 2017 г. экспертами в базу данных АДИС "Папилон" внесено: 9639 дактилокарт; 752 следов рук с 381 мест происшествий; установлено 166 лиц причастных к совершению преступлений.

Нами была проанализирована работа экспертов ЭКО [1], результаты исследования представлены в виде диаграмм на рисунках 2, 3, 4.

Следует также отметить большое значение дактилоскопических экспертиз в деле раскрытия и расследования преступлений. С 2016 года по сентябрь 2017 года экспертами ЭКО УМВД России по г. Сургуту было проведено более 350 дактилоскопических экспертиз, результаты 69 экспертиз способствовали установлению лиц причастных к совершению преступлений [3].

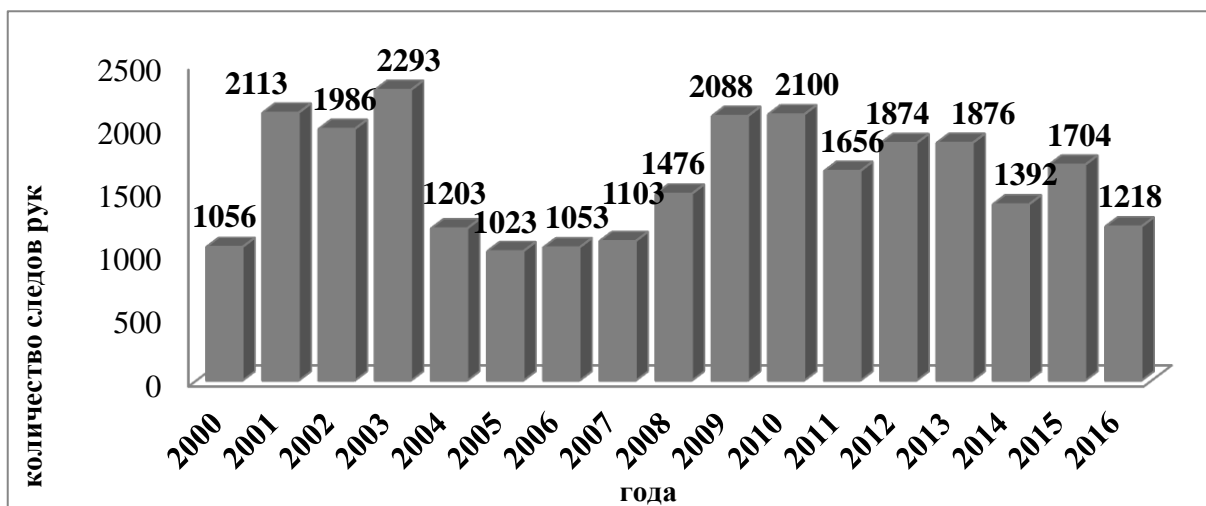

Рис. 2. Количество следов рук, изъятых при осмотре мест происшествий, экспертами ЭКО УМВД России по г. Сургуту с 2000 – 2016 гг.

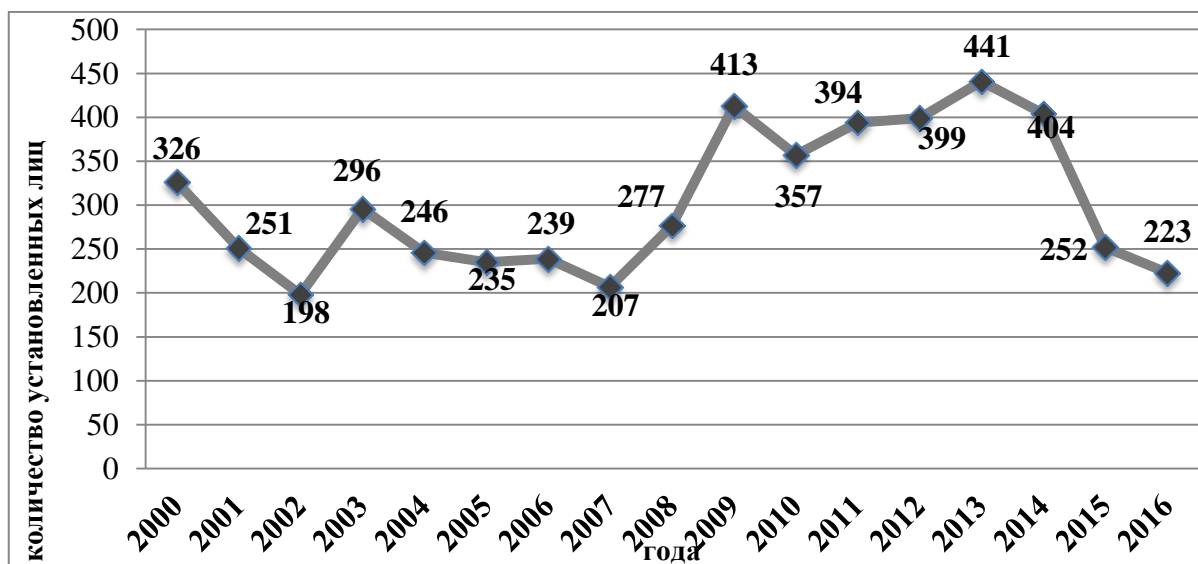

Рис. 3. Количество лиц, причастных к совершению преступлений, установленных экспертами ЭКО УМВД России по г. Сургуту с 2000 – 2016 гг.

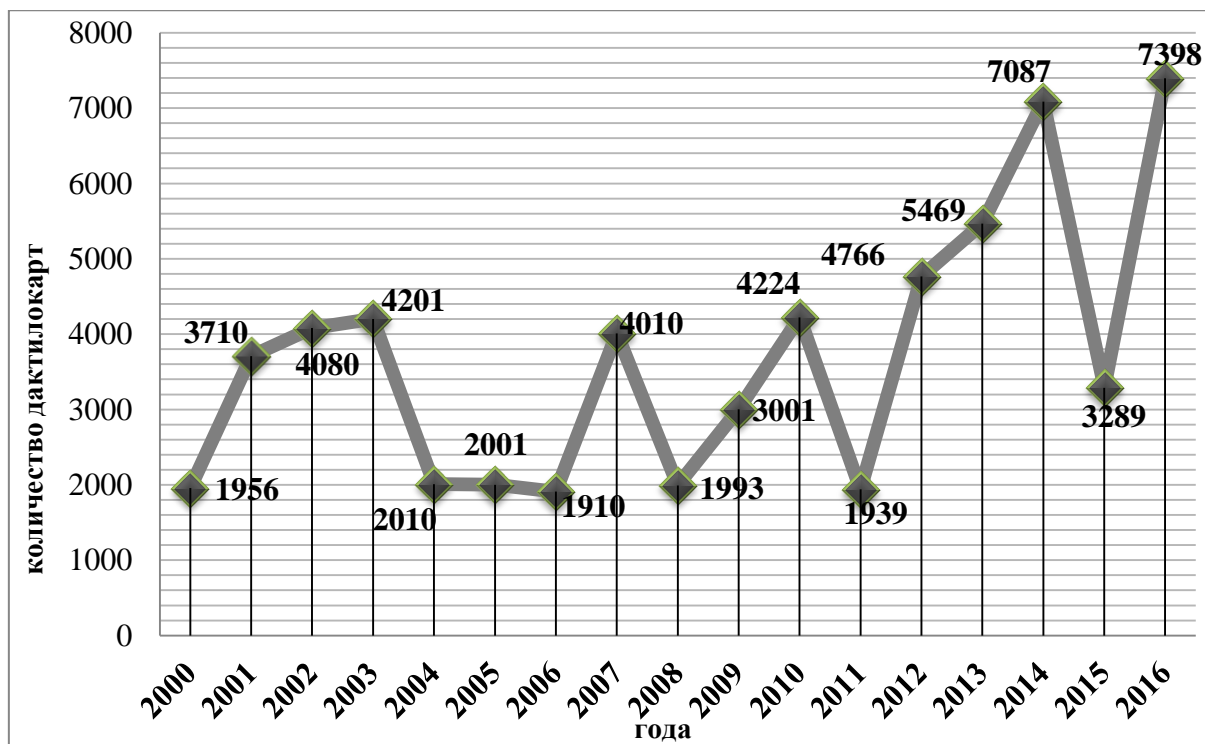

Рис. 4. Количество дактилокарт, внесенных в базу АДИС "Папилон" экспертами УМВД России по г. Сургуту с 2000-2016 гг.

Список литературы

1. Отчет о работе АДИС "Папилон" ЭКО УМВД России по г. Сургуту за 12 месяцев 2016 года (с нарастающим итогом). – Сургут, 2016.
2. Отчет о работе АДИС "Папилон" ЭКО УМВД России по г. Сургуту за 9 месяцев 2017 года (с нарастающим итогом). – Сургут, 2017.
3. Справка о работе ЭКО УМВД России по г. Сургуту за 2016г. и девять месяцев 2017г.
4. Уголовное дело № 2017/09745/32 по факту кражи имущества гр. Ахмарова Д.И. из а/м Мицубиси г/н В892ОТ86. ОРП ОП № 3 СУ УМВД России по г. Сургуту.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Дорохов Н.И.

к.и.н., профессор,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
Московский университет им. С.Ю. Витте;
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются основные проблемы государственного управления в области охраны окружающей среды и природных ресурсов, дана общая характеристика административно-правовых основ в исследуемой сфере, их содержание и перспективы развития.

Ключевые слова: государственное управление, охрана окружающей среды, природные ресурсы, административно-правовые основы, перспективы развития.

За последние пять лет дважды – 2013 и 2017 гг. – в России объявлялись годами экологии. Экологическое направление государственной политики, обеспечение охраны окружающей среды и природных ресурсов являются одним из приоритетных областей социально-экономического и научно-технологического развития страны.

На сегодняшний день одной из основных задач является поэтапный переход России к модели экологически устойчивого развития. В этих условиях одним из ключевых направлений государственного управления являются совершенствование института администрирования, системное совершенствование административно-правовых основ в рассматриваемой области охраны окружающей среды и природных ресурсов [1, с. 2].

Содержание административно-правовых основ в области охраны окружающей среды и природных ресурсов включает в себя:

1) цели, задачи, принципы государственной политики в исследуемой области, их уточнение и актуализация с учетом гигантского экологического ресурсного потенциала России и ответственности государства и общества перед будущими поколениями за экологическое состояние окружающей среды;

2) систему органов государственного управления, иных органов, организаций и учреждений, участвующих в реализации государственной политики в рассматриваемой сфере, ее оптимизация, повышение эффективности и результативности;

3) оценку нормативно-правовой базы, ее состояния и совершенствования с учетом новых задач и перспектив развития общества и государства;

4) институт административной ответственности за экологические правонарушения, анализ их составов, а также характеристика мер административного обеспечения;

5) выявление проблем и определений путей их решения, совершенствования механизма государственного управления.

Рассмотрим их более подробно.

Первое. В соответствии с «Основами государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года» стратегической целью государственной политики в области экологического развития является сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Достижение данной цели предполагает решение ряда задач. В их числе:

- формирование эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности;

- обеспечение экологически ориентированного роста экономики и внедрение экологически эффективных инновационных технологий;

- предотвращение и снижение текущего негативного воздействия на окружающую среду; обеспечение экологически безопасного обращения с отходами;

- развитие экономического регулирования рыночных инструментов охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности и др.

Второе. Высшими государственными органами, осуществляющими политику в области охраны окружающей среды, являются: Президент РФ (при аппарате главы государства существует с 1992 г. Межведомственная комиссия Совета безопасности РФ по экологической безопасности; с 2016 г. – специальный представитель по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта), Федеральное Собрание – парламент РФ (в Совете Федерации образованы Комитеты по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии; по природным ресурсам и охране окружающей среды; в Государственной думе – Комитеты по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям; по экологии и охране окружающей среды), Правительство РФ, органы исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Главным государственным органом, исполняющим объем федеральных полномочий в области охраны окружающей среды является Министерство природных ресурсов и экологии РФ, подведомственные ему Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, федеральные агентства водных ресурсов; лесного хозяйства: по недропользованию и другие федеральные органы исполнительной власти.

Важно отметить, что нынешняя структура государственных органов, обеспечивающих управление в сфере охраны окружающей среды и природных ресурсов, стала результатом достаточно длительного процесса реформирования и оптимизации системы исполнительной власти. С 1997 г. более двадцати раз вносились изменения в структуру федеральных органов исполнительной власти, ответственных за состояние окружающей среды.

Такая динамика не могла не сказаться на качестве государственного управления в рассматриваемой области и отрицательно повлияла на многие управленческие процессы, направленные на обеспечение экологической безопасности личности, общества и государства. В качестве примера назовем факт, что длительное время федеральное агентство лесного хозяйства находилось в подведомственности министерства сельского хозяйства, явно не соответствуя своему статусному положению.

Третье. Нормативно-правовое обеспечение государственного управления в области охраны окружающей среды и природных ресурсов содержит более 1,5 тыс. нормативно-правовых актов, которые можно классифицировать на ряд групп:

1) международно-правовые акты – международные конвенции, договоры и соглашения, подписанные Российской Федерацией и ратифицированные в установленном законом порядке (Конвенция о биологическом разнообразии, Рамочная Конвенция ООН об изменении климата, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия и др.);

2) Конституция РФ (статьи 9, 36, 42, 58, 71, 72 и др.) и федеральные законы («Об охране окружающей среды», «Об охране атмосферного воздуха», «Об экологической экспертизе», «Об особо охраняемых природных территориях», «О недрах», Лесной кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ и др.);

3) указы и распоряжения Президента РФ («Об основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года», «О федеральных природных ресурсах», «О государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечения устойчивого развития», «О государственных надзорных органах» и др.);

4) постановления и распоряжения Правительства РФ («О Правительственной комиссии по природопользованию и охране окружающей природной среды», «О специально уполномоченных государственных органах Российской Федерации в области охраны окружающей природной среды», «О мерах по выполнению Конвенции о биологическом разнообразии» и др.);

5) нормативные акты федеральных министерств и ведомств, прежде всего Министерства природных ресурсов и экологии РФ и находящихся в его ведении федеральных служб и агентств и др.

Несмотря на достаточно разветвленную нормативно-правовую базу в рассматриваемой области, тем не менее, качество нормативного регулирования экологических процессов остается невысоким, среди очевидных недостатков следует назвать несоответствие ряда из них современным экологическим и экономическим реалиям, повторность и дублирование, несвоевременность и недостаточная продуманность принимаемых актов и др. Можно предположить, что устранение недостатков и повышение качества нормативно-правового регулирования можно достичь путем разработки и принятия единого кодифицированного акта типа Экологического кодекса РФ.

Четвертое. Одной из ключевых административно-правовых основ, направленных на обеспечение экологической безопасности российского общества является институт административной ответственности за совершаемые экологические правонарушения.

Административная ответственность за экологические правонарушения регулируется Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), федеральным законом «Об охране окружающей среды», иными актами, в том числе регионального уровня, содержащими перечни составов экологических правонарушений. Основной круг составов административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования определен главой 8 КоАП РФ (43 состава), а также другие экологические и смежные с ними правонарушения предусмотрены в главах 6, 7, 9, 10 данного Кодекса.

Основаниями административных наказаний, предусмотренных в главе 8 КоАП РФ, являются нарушения экологических требований (ст. 8.1, 8.2, 8.9-8.11, 8.40, 8.43), нарушения экологических правил (ст. 8.3, 8.5, 8.13-8.16, 8.18-8.21, 8.25-8.27, 8.31-8.33, 8.36-8.39), нарушения экологического порядка (ст. 8.12, 8.41-8.42), нарушения экологических стандартов и норм (ст. 8.17, 8.20, 8.22-8.24, 8.28-8.30, 8.34-8.35) и др.

Пятое. Проблемы в области охраны окружающей среды диктуются и определяются самой экологической ситуацией в стране. Государственный совет Российской Федерации «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений», состоявшийся 27 декабря 2016 г., наиболее акцентированное внимание обратил на следующие проблемы: поэтапный переход России к модели экологически устойчивого развития; достижение кардинального снижения выбросов вредных веществ в атмосферу, их сбросов в водоемы и почву за счет технологического перевооружения промышленности; совершенствование нормативно-правового регулирования в экологической сфере; совершенствование системы экологической информации и вовлеченность граждан и общественных организаций в решение экологических проблем и др.

Необходимо заметить, что базовыми стратегическими документами Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования яв-

ляются «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденные Президентом РФ 30 апреля 2012 г. и План действий по реализации «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2012 г. №2423-р.

Оба документа, по мнению ряда специалистов, не отвечают современным экологическим и экономическим реалиям. Причин несколько. Одна из них – неверное установление стратегической цели государственной экологической политики. На наш взгляд, таковой является не столько решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, а сколько реализация права граждан на благоприятную окружающую среду, прав будущих поколений на пользование природно-ресурсным потенциалом.

В числе других проблем в области охраны окружающей среды и природных ресурсов остаются:

- состояние особо охраняемых природных территорий, таких, как заповедники, национальные парки, заказники, которые созданы для защиты дикой природы.
- обезлесение многих регионов страны вследствие интенсивной рубки лесов.
- загрязнение водного бассейна в стране приобрело огромные масштабы. По некоторым оценкам, 75% поверхностных вод и 50% всех вод страны сейчас загрязнены. Это вызывает серьезные проблемы со здоровьем у жителей многих регионов страны.

- загрязнение атмосферного воздуха остается одной из ключевых проблем экологии страны. В 119 городах России (58% городов) степень загрязнения воздуха оценивается как очень высокое или высокое, и только 17% городов – как удовлетворительная [4, с. 5].

- отдельного внимания заслуживает Арктика, а точнее минеральные сокровища Арктики. Автор ранее не раз поднимал данную тему [2, с. 268-273]. Сегодня Арктика не просто регион стратегических интересов России, это главный геополитический, а в перспективе главный минерально-сырьевой плацдарм страны. В связи с этим, важным направлением в создании условий для развития российской арктической зоны является экологическое оздоровление территорий, вывоз и утилизация бытовых отходов и экологического мусора, доставшегося в качестве «наследства» от предшествующего (советского) периода.

По данным информационных агентств, сейчас в Арктике скопилось до двух миллионов пустых емкостей из-под горюче-смазочных материалов, до 80 млн. штук металлических бочек, из них около четверти миллиона полных емкостей; хранится до 60 тыс. тонн различных жидкостей [3, с. 36]. Все это медленно разрушается, а содержимое многочисленных емкостей просачивается в землю.

- важной и комплексной признается проблема глобального потепления, представляющая угрозу для всего человечества. Изменение климата большинство специалистов связывают преимущественно с ростом мировых выбросов в атмосферу так называемых парниковых газов: углекислого, метана, закиси азота и др.

Таким образом, государственное управление в области охраны окружающей среды и природных ресурсов является одним из приоритетных направлений в деятельности государства и всего общества, стратегической целью которого выступает сохранение природных систем, поддержание их целостности, повышения качества жизни, улучшение здоровья населения и в целом демографической ситуации, обеспечение экологической безопасности страны.

Автор считает, что в данной работе новыми являются попытки системного изложения административно-правовых основ государственного управления в экологической сфере на основе программно-целевых, институциональных, нормативно-правовых, проблемных аспектов, результаты проведенного исследования могут иметь как научную, так и практическую значимость.

Список литературы

1. Государственный совет Российской Федерации «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений», 27 декабря 2016 года // Российская газета. 2016, 28 декабря.

2. Дорохов Н.И. Освоение потенциала прибрежных зон как стратегический вектор государственной политики Российской Федерации в условиях новой геополитической ситуации: политико-правовые аспекты // Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон: материалы XI Международной научной конференции. – М., 2015. – С. 268-273.

3. Дорохов Н.И. Минерально-сырьевой комплекс России: проблемы государственно-правового регулирования // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». – 2016. – Выпуск 3. – С. 33-37.

4. Основные источники образования отходов в РФ/ Федеральная служба государственной статистики // Независимая газета. 2016, 28 декабря.

ГРУППОВОЙ ИСК В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Дорохова К.А.

магистрант, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье анализируются различные подходы к пониманию термина «групповой иск», на основе чего формулируется собственная позиция. Рассматриваются процессуальные особенности рассмотрения групповых исков. Осуществлен анализ современного состояния и перспектив развития правовых норм, регламентирующих процедуру рассмотрения групповых исков.

Ключевые слова: групповой иск, нарушенное право, судебная защита, неопределенная группа лиц, косвенный иск.

На современном историческом этапе развития нашего государства особое значение приобретает не только защита индивидуального интереса (что, бесспорно, актуально), но также и защита группового интереса. Немалая часть граждан Российской Федерации является представителями той или иной группы, объединенной общими правовыми интересами (акционеры, члены товарищества собственников жилья, пенсионеры). Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью рассматриваемого правового института, его сложностью и многогранностью, так как не всякий случай нарушения группового правового интереса свидетельствует о возможности применения группового иска.

Групповые иски могут возникать из различных правоотношений, в том числе, из правоотношений по защите прав потребителей, компенсации морального вреда, трудовых правоотношений, охраны окружающей среды. Данные правоотношения не входят в компетенцию арбитражных судов (для которых возможность

защиты групповых интересов предусмотрена Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (гл. 28.2)) [1]. Следовательно, они должны защищаться в рамках гражданского процесса.

Отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации нормативного регулирования института групповых исков является очень серьезной проблематикой [2]. Д.М. Забродин, анализируя гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство Российской Федерации, приходит к выводу, что названная коллизия гражданского процессуального законодательства обусловлена неправильным пониманием рассматриваемого института [16, с. 66].

Несмотря на отсутствие нормативного регулирования, говорить об отсутствии самих правоотношений некорректно, защита общих интересов группы лиц в гражданском процессе Российской Федерации имеет место в рамках существующих правовых институтов.

Вследствие отсутствия легального определения термина «групповой иск», в цивилистической доктрине сформировалось множество подходов к определению данного понятия.

Так, Д.А. Фурсов под групповым иском понимает иск, направленный в защиту интересов больших групп населения [19, с. 227]. Н.М. Коршунов определяет групповой иск как иск лиц, имеющих однородные требования, круг которых к моменту подачи заявления не определен, но может быть установлен путем оповещения всех заинтересованных лиц [14, с. 296]. Б.А. Журбин дает следующее определение группового иска: притязание о защите нарушенных субъективных прав участников, а также охраняемого законом интереса субъекта, обратившегося в суд за защитой названной группы [15, с. 22].

Полагаем, что групповым иском следует считать форму судебной защиты прав и законных интересов, когда иск подается группой людей, которые имеют однородные права и обязанности, и, как следствие, однородный предмет спора и основание для выдвижения требований.

В настоящее время в Российской Федерации процедура рассмотрения групповых исков детально не регламентирована законодательством, однако, говорить об отсутствии данного института было бы некорректно. Так, в соответствии со ст. 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в случаях, предусмотренных законом, органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. К законодательству, устанавливающему право на обращение в суд за защитой прав и законных интересов группы лиц, можно отнести Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [5], Федеральный закон Российской Федерации «О рекламе» [3], Федеральный закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» [4]. Интересным в связи со сказанным представляется позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная последним в Постановлении Пленума от 29 сентября 2015 года №43, согласно которой течение срока исковой давности по данной категории дел начинается с того момента, когда о нарушении прав узнало лицо, в интересах которого может быть подан групповой иск [11].

Помимо названного, норма ч. 1 ст. 46 Гражданского процессуального кодекса была предметом рассмотрения жалобы Конституционным Судом Российской Федерации. Так, заявитель оспаривал конституционность рассматриваемой нормы

в связи с тем, что она, по его мнению, лишает общественные объединения права обращения в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Конституционным Судом было отказано в принятии к рассмотрению жалобы, так как названные нормы были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации и не нарушающими конституционные права [9].

Защита групповых интересов может быть реализована, в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, посредством применения двух основных правовых форм: процессуального представительства и законного представительства. Помимо представительства, возможна ситуация, когда один из членов группы предъявляет иск в защиту групповых интересов, при совокупном соблюдении двух условий – требования касаются неимущественной сферы, а нарушенные права являются общими.

Для сравнения, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в ст. 225.10 устанавливает следующих субъектов, уполномоченных на обращение с иском в защиту групповых интересов: юридическое лицо, физическое лицо, органы, организации и граждане.

В случае, когда защита групповых правовых интересов осуществляется с использованием института процессуального представительства, необходимо говорить о том, что каждый член группы, полагаящий, что его права и законные интересы нарушены, выступает в процессе в качестве самостоятельной фигуры. При использовании института законного представительства, от всех членов группы, полагаящих, что их права и законные интересы нарушены, выступает особое лицо, уполномоченное на совершение данных действий законом. В ситуации, когда один из участников группы предъявляет иск в защиту групповых интересов, он действует от своего имени и в своих интересах, возникает конструкция «как бы представительства», однако, предполагается, что он действует в интересах группы. Данная конструкция может в любой момент преобразиться в процессуальное соучастие в случае предъявления исков иными лицами группы.

Основополагающим признаком названных ситуаций является однородность прав и обязанностей обладателей группового интереса, в то же время, права и законные интересы для каждого участника группы имеют общее основание. Данный критерий прямо предусмотрен для института процессуального соучастия в рамках действующего процессуального законодательства. Что касается защиты групповых интересов с использованием законного представительства, а также при подаче иска одним из участников в защиту групповых интересов – данный критерий вытекает из сущности групповых отношений. Членов группы объединяет общий правовой интерес, именно он выступает основанием возникновения их однородных прав и обязанностей.

Законный представитель и член группы в своем лице объединяют волю участников группы, своими действиями выражая их общее мнение и отстаивая в своем лице их позицию.

Необходимо обратить внимание на отличие рассматриваемого законного представительства от классического понимания данного института в гражданском процессе Российской Федерации. Так, законное представительство имеет своей целью защиту интересов тех лиц, которые в силу состояния здоровья или физических недостатков не могут самостоятельно осуществлять принадлежащие им права. Что касается законного представительства в институте группового иска в цивилистическом процессе, лица, в пользу которых действует законный представитель, обла-

дают возможность осуществлять принадлежащие им права, однако, его действия направлены на защиту законных интересов группы лиц, объединение для реализации данной цели интересов участников группы. Следствием названного выступает то, что участники группы могут выступить в защиту своих общих интересов и самостоятельно, иск может быть подан как представляемым, так и представителем. Таким образом, законное представительство в защите групповых интересов имеет значительное количество специфических особенностей.

Групповые иски в гражданском процессе России могут быть классифицированы на имущественные групповые иски и иски в защиту неопределенного круга лиц [15, с. 12].

В юридической литературе групповые иски предлагается классифицировать в зависимости от цели на иски с требованием о возмещении причиненного ущерба, а также иски, направленные на отмену нормативных предписаний [17, с.311].

Автор настоящей работы полагает, что классификация определенного объекта на группы по различным критериям имеет своей целью, в первую очередь, наиболее полное понимание сущности исследуемого явления для использования его функционала на практике. Однако, ввиду нераспространенности и недостаточного нормативного регулирования института группового иска в гражданском процессе России считаем процесс классификации данного института не обоснованным на практике.

Специалисты включают в конструкцию защиты участником группы групповых интересов институт корпоративных исков, а также «косвенных».

Выделяют следующие основные случаи использования косвенного иска:

1. Требование участника юридического лица к выступающим от имени юридического лица, лицам о возмещении причиненных юридическому лицу убытков.
2. Требование участника юридического лица о признании недействительной сделки, совершенной юридическим лицом.
3. Требование участника дочернего общества к основному обществу о возмещении ущерба, причиненного основным обществом.

Как справедливо отмечает Е.И. Вялых, специфика института группового иска, посредством которого реализуются права группы лиц, обуславливает приоритет интересов группы лиц над интересами отдельного лица [13, с. 58].

Как отмечает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28 января 2014 года №1, по смыслу ч. 1 ст. 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, заявление в связи с нарушением прав в сфере труда может быть подано в суд, в том числе, физическими и юридическими лицами, профессиональными союзами, комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства [10].

Процессуальное соучастие позволяет достаточно полно осуществить защиту прав и интересов всех членов группы, учитывая при этом множество мнений и процессуальных интересов. Однако, отличием процессуального соучастия от групповых исков выступает то, что соучастники действуют в процессе самостоятельно. Помимо названного, могут возникнуть определенные трудности с определением подсудности дела.

Законное представительство, как институт, заменяющий групповой иск, также не может разрешить всех возникающих на практике вопросов, в первую очередь, по той причине, что применение законного представительства возможно только в прямо предусмотренных законом случаях.

Как отмечает Сельков М.В., представительство интересов группы одним из ее участников, также имеет определенные недостатки [18, с. 186]. Так, представитель может действовать не в интересах группы, но в своих интересах. Членам группы предоставлено полномочие подачи отдельных исков, по которым не исключено принятие противоположных судебных решений.

В период разработки проектов Гражданского процессуального кодекса и Арбитражного процессуального кодекса широко обсуждалась необходимость введения института группового иска в названные нормативно-правовые акты [12, с. 43-44]. Однако, при принятии указанных законодательных актов, рассматриваемый правовой институт не был введен ни в один из них.

Вопрос о внесении в гражданское процессуальное законодательство России норм, регламентирующих процедуру защиты интересов группы лиц, поднимался неоднократно. Так, в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002-2004 года), одной из задач, стоящих перед Правительством, выделялось способствование развитию объединения интересов лиц, чьи права нарушены, в том числе, введение института коллективных исков для защиты неопределенного круга инвесторов [8].

В 2012 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Данный нормативно-правовой акт предполагал введение в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации главы 22.2 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц». 20 ноября 2012 года данный законопроект был принят Государственной Думой. Однако, дальнейшее рассмотрение законопроекта на данном этапе остановилось, о чем свидетельствует Паспорт проекта Федерального закона [7].

15 сентября 2017 года Минюст Российской Федерации вернулся к разработкам в сфере урегулирования групповых исков в цивилистическом процессе России. Информация об этом опубликована на едином портале раскрытия информации [15]. В соответствии с данными сведениями, в настоящее время разрабатывается проект нормативно-правового акта.

Как уже отмечалось, в настоящее время в цивилистическом процессе России существует возможность подачи исков в защиту интересов неопределенного круга лиц. Однако, данное правомочие возможно осуществлять только в случаях, прямо предусмотренных законом, в связи с чем на практике данный институт применяется не часто.

Полагаем, что данные недостатки являются очень серьезной проблематикой цивилистического процесса Российской Федерации, которую необходимо разрешать на законодательном уровне. Введение в Гражданский процессуальный кодекс положений, регламентирующих институт группового иска, безусловно, актуально. Основными преимуществами введения групповых исков в гражданское процессуальное законодательство, на наш взгляд, выступят следующие: процессуальная экономия, отсутствие противоречивости судебных актов, возможность защиты интересов большой группы лиц.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2002. №137.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017)// Российская газета. 2002. №220.
3. Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // Российская газета. 2006. №51.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. №6.
5. Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. №8.
6. Проект Федерального закона №133974-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 20.11.2012) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Консультант-Плюс.
7. Паспорт проекта Федерального закона №133974-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в части урегулирования порядка рассмотрения споров между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти, органами местного самоуправления) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Консультант-Плюс.
8. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 №910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002 – 2004 годы)» // Собрание законодательства РФ. 2001. №31. Ст. 3295.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 №816-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы регионального общественного фонда по Республике Татарстан «ВЕЛЕС» на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 27 Федерального закона «Об общественных объединениях» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Консультант-Плюс.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 №1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета. 2014. №27.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 №43 (ред. от 07.02.2017) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Российская газета. 2015. №223.
12. Батаева Н.П. Необходимо ввести групповой иск // Российская юстиция. 1998. №10. С. 43-44.
13. Вялых Е.И. Процессуальный статус лиц, присоединившихся к групповому иску // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. №3. С. 56-60.
14. Гражданский процесс : учебник / Под. ред. Н.М. Коршунова. М., 2005. 704 с.
15. Единый портал раскрытия информации // Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=73156> (дата обращения : 14.10.2017).
16. Журбин Б.А. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел по групповым и производным искам : автореф. дисс.... к.ю.н. Саратов, 2009. 25 с.
17. Забродин Д.М. Групповые иски в гражданском процессуальном праве России: проблема порядка присоединения к группе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. №9. С. 64-68.
18. Сахнова. Т.В. Курс гражданского процесса : теоретические начала и основные институты. М., 2008. 676 с.
19. Сельков М.В. К вопросу о допустимости групповых исков // Вестник Удмуртского университета. 2008. №2. С. 184-190.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ «ИСК» В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Дорохова К.А.

магистрант, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается исторический аспект становления категории «иск» в гражданском процессуальном законодательстве. Анализируются различные позиции ученых по рассматриваемой проблематике. Формулируется позиция относительно необходимости разграничения материальной и процессуальной составляющих категории «иск».

Ключевые слова: иск, гражданский процесс, материальная концепция, процессуальная концепция, истец, ответчик.

Актуальность выбранной темы обусловлена важным значением искового производства в гражданском процессе как гарантии становления и развития правового государства, гарантированности защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации. Помимо названного, актуальность рассмотрения понятия такого сложного правового феномена, как иск, обусловлена отсутствием легального определения данного понятия, в связи с чем отсутствует единообразие в подходах к его определению, а также стремительно развиваются научные дискуссии, что обуславливает возникновение еще бóльших противоречий.

Часть 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации говорит о том, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Данная норма является гарантом построения правового государства, гражданского общества, в которых все действия граждан и юридических лиц не могут нарушать права, свободы и законные интересы других лиц, где посредством применения судебной защиты реализуются права граждан на защищенность, социальное благополучие, а также на возможность защиты нарушенных прав и свобод.

Как отмечают ученые-юристы, в гражданско-правовой доктрине отсутствует более дискуссионный вопрос, чем определение понятия «иск» [6, с.12].

Иск в общем смысле представляет собой категорию защиты прав истца в гражданском процессе. Однако, необходимо обратить внимание, что категория «иск» одинаково применима как к действиям истца, так и к действиям ответчика. Относительно действий истца более применима категория предварительной защиты, она является инициативной, первичной защитой, направленной на восстановление нарушенного права. Защита ответчика же является последующей, представляет собой реакцию на выраженную истцом позицию.

В словарях иск определяется как заявлении в суд о разрешении какого-нибудь гражданского спора [9, с. 324].

Исковая форма защиты нарушенных прав в гражданском процессе является наиболее значимой, обширной и имеющей фундаментальное значение категорией. В связи с этим, вопросы относительно определения понятия «иск» стоят уже на протяжении очень длительного времени.

Первоначальные определения понятия «иск» мы видим в римском частном праве. Например, в Дигестах Юстиниана иск определен следующим образом. Иск представляет собой право лица осуществлять в судебном порядке принадлежащее ему требование [4, с. 218]. Таким образом, уже в столь древнем источнике права

отражены фундаментальные правовые категории применительно к иску – право, судебный порядок, требование.

Однако, в процессе последующего развития правовой доктрины понятие «иск» все более детально рассматривалось, сужалось либо расширялось.

В период дореволюционного этапа развития нашего государства также существовали представители юридической науки, рассматривающие понятие «иск», среди которых особо следует выделить К.Д. Кавелина, А.В. Нефедьева.

К.Д. Кавелин отмечал, что иск представляет собой всякое требование, основанное на праве, направленное одним гражданином к другому, и приводимое в исполнение через судебные места и судей [7, с. 169]. Е.А. Нефедьев под иском понимал требование лица, полагающего, что его право нарушено, о восстановлении нарушенного права через судебный орган [8, с. 205].

Таким образом, в рассматриваемый период развития учения об иске, необходимо констатировать наличие только материально-правовой составляющей в подходах к пониманию данного института гражданского процесса. Как известно, в настоящее время существует две основные концепции понимания иска – материально-правовая и процессуально-правовая. Под иском в материальном смысле понимается требование истца к ответчику о защите нарушенного или оспариваемого права. В данном понимании проявляется наличие частного интереса, в данном случае иск представляет собой институт частного права. В процессуально-правовом понимании иск представляет собой обращение заинтересованного лица в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов путем рассмотрения данного вопроса судебным органом. В данном случае явствует наличие публично-правового интереса, иск является институтом публичного права.

Однако, во второй половине XIX века в научной доктрине начала формироваться и процессуально-правовая составляющая в подходах к пониманию иска. Суть данной теории сводилась к тому, что иск предъявлялся не только к ответчику как нарушителю субъективных прав, но к суду как инструменту, управомоченному требовать восстановления нарушенного права. Таким образом, помимо частного интереса, иск включает в себя интерес публичный, основанный на том, что не только лицо, полагающее, что его права нарушены или оспорены (как носитель субъективных прав) имеет возможность обратиться к суду, но каждое лицо может обращаться в суд за защитой своих прав.

На основе данных исследований, в последующем некоторые юристы-ученые предложили право на иск разделить на две составляющие: право на подачу иска (процессуальная составляющая) и право на удовлетворение иска (материальная составляющая).

В советский период развития права преобладающее большинство ученых рассматривали иск исключительно в его процессуально-правовом понимании, как средство инициации судебного процесса, право на обращение к суду.

Знаменательным событием в истории становления и развития гражданской процессуальной категории «иск» стало издание профессором А.А. Добровольским монографии под названием «Исковая форма защиты права» [5]. В данной монографии автор разработал множество теоретических идей, которые основывались на комплексном и детальном изучении судебной практики.

Так, А.А. Добровольский отметил, что исковое требование не может адресоваться исключительно суду, о чем говорили на протяжении всего дореволюционного периода. Ввиду того, что суд как управомоченный субъект может требовать от

ответчика защиты нарушенных или восстановления оспариваемых прав, суд является одним из участников искового производства, однако, требование об устранении нарушений права адресуется непосредственно ответчику через суд как особый субъект, представляющий государство. Помимо этого, во всех исках присутствует материально-правовая составляющая, так как иск помимо названного, представляет собой требование конкретного лица как носителя субъективного нарушенного права. В дополнение к сказанному, А.А. Добровольский отмечает, что обе стороны иска, как материальная, так и процессуальная, имеют одинаково важное значение для правоприменительной деятельности.

Вполне естественно, что предлагаемый автором монографии подход не являлся единственным в советский период развития права, имелись еще другие, например, рассмотрение материально-правовой и процессуально-правовой составляющей иска как два самостоятельных понятия, совершенно не взаимосвязанных между собой. Однако, при рассмотрении разработок юридической доктрины советского периода под призмой времени и современных достижений ученых, наиболее значимым и детальным представляется подход профессора А.А. Добровольского.

Что касается современного этапа развития права, связанного с принятием и вступлением в действие Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации, споры, ведущиеся на протяжении всей истории формирования определения понятия «иск» в гражданском процессе, все также не угасают [2]. Необходимо отметить, что легальное определение понятия «иск» отсутствует как в гражданском, так и в гражданском процессуальном законодательстве.

Часть представителей современной цивилистической науки все также разграничивают понимание иска в материально-правовом и в процессуально-правовом аспектах [3, с. 631-632].

Необходимо отметить, что позиции авторов, утверждающих, что иск можно понимать в двух совершенно разных значениях – материально-правовом и процессуально-правовом, по нашему мнению, не отвечают требованиям универсальности и единства иска как средства судебной защиты.

Анализируя понятие «иск» в гражданском процессе, необходимо обратить внимание на соотношение категорий «иск» и «исковое заявление». В данном случае иск представляет собой внутреннее свойство, содержание, стержень, в то время, как исковое заявление является внешним выражением, формой иска.

В заключение необходимо отметить следующее.

Гражданско-правовая категория «иск» была известна еще римскому частному праву, когда предпринимались первые попытки определить данное понятие и выявить его сущностные характеристики. Полагаем, что достижения римских юристов, безусловно, очень важны, так как являются базой, фундаментом современной юриспруденции. В дореволюционный период развития нашего государства иск как особая форма защиты также привлекал внимание ученых, что подчеркивает значимость данной правовой категории. Однако, в данный период подходы к определению иска ограничивались его материально-правовым пониманием, что продолжалось вплоть до второй половины XIX века, когда представителями цивилистической науки стали формироваться процессуально-правовые подходы к иску.

В советский период профессором А.А. Добровольским была издана монография, которая значительно расширила существовавшее узкое понимание столь сложной категории, как иск.

На современном этапе споры относительно соотношения и приоритетности материально-правового понимания и процессуально-правового не угасают, существует множество научных дискуссий, что, полагаем, должно оцениваться положительно, так как только в спорах и доказательствах может рождаться истина.

На основе проведенного исследования, считаем, что разграничение материальной и процессуальной составляющей категории «иск» не является обоснованным, так как тогда происходит раздвоение одного сложного и многоаспектного юридического феномена, в противовес его универсальности и единству.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №31. Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Российская газета. 2002. №220.
3. Гражданское право. Учебник. В 4-х томах. Т 1. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2006. 720 с.
4. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. и сост. Л.Л.Кофанов. М.: Зерцало. 1997. 584 с.
5. Добровольский А.А. Исковая форма защиты права. М., 1965. 159 с.
6. Зубович М. М. Актуальное исследование проблем иска // Вестник юридического института ИГУ. 2011. № 3.
7. Кавелин К.Д. Основные начала гражданского судопроизводства и гражданского судопроизводства, в период времени от уложения до учреждения о губерниях. М., 1844. 204 с.
8. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. М., 1909. 402 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2008. 1376 с.

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДМЕТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Евстигнеева Д.И.

магистрант второго года обучения кафедры гражданского права и процесса,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье анализируются корпоративные отношения в предмете гражданского права, а также определение правовой природы таких отношений.

Ключевые слова: корпоративные отношения, предмет гражданского права, гражданское право, обязательственные отношения.

Степень изученности темы не совсем раскрыта как зарубежными, так и отечественными цивилистами. Именно поэтому нами была выбрана эта тема для детального, досконального изучения и охвата литературы разного уровня. Необходимо детально изучить историю появления корпоративных отношений в мире, чтобы понять специфику таких отношений, их содержание и детальную характеристику. Вполне можно сказать, что литература, взятая нами для изучения материала по выбранной тематике весьма немногочисленна. Ввиду того, что корпоративные отно-

шения в России – явление совсем новое, и не совсем изученное. Для полного изучения выбранной тематики нами был взят большой и обширный массив как отечественной, так и зарубежной литературы во всем её широком спектре. Рассматриваемая литература носит довольно яркий положительный окрас, как гражданского права, так и отдельной отрасли корпоративного права.

Большую роль играют постоянно возникающие вопросы определения так называемой правовой природы отношений, вытекающих из связи организаций и их участниками, еще они именуется корпоративные отношения. Такие отношения и составляют предмет корпоративного права и являются весьма популярными для полного и глубокого изучения учеными разного уровня. Такие отношения очень распространены и не являются редкостью. Изучив большой объем литературы, в которой трактуются определения корпоративных отношений, нами было взято наиболее подходящее и полное. Такое определение охватывает все необходимые признаки и характеристики отношений. Под корпоративными отношениями понимаются правовые отношения между участниками хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов с одной стороны и самими этими организациями с другой. Их ещё называют внутрикorporативными, что подчеркивает определенную ограниченность по составу их участников. Такие отношения совсем не похожи на гражданско-правовые отношения.

Анализируя отечественную цивилистику, можно сделать вывод о том, что касаясь природы корпоративных отношений, сложился весьма разнообразный спектр мнений отечественных ученых-цивилистов [6, с. 12-16].

Ввиду того, что учеными различных уровней и различных областей знаний не рассматривается возможность рассмотрения определенной гипотезы. А именно неимущественные права, напрямую связанные с участием в юридических лицах, как субъективные гражданские права, не имеют ни личный, ни имущественный характер, а выступают лишь средством подготовки к организации имущественных отношений и средством обеспечения имущественных интересов их владельца [8, с. 23-24]. Таким образом, корпоративные отношения выступают в понимании этих авторов как инструменты, используемые для организации гражданско-правовых имущественных отношений.

Рассмотрев огромный массив литературы по данной тематике, можно сделать вывод. П.В. Степанов считает, что корпоративные отношения имеют имущественную природу, поскольку в их основе лежат экономические отношения собственности [7, с. 35].

Существует мнение А.М. Эрделевского заключающееся в том, что ввиду того, что право на участие в управлении и право на информацию не имеют по своей сути имущественного содержания и вследствие чего являются неотчуждаемыми и абсолютными по природе, а также неразрывно связано с личностью, – личные неимущественные права [9, с. 70].

Немного похожую точку зрения имеет С.Н. Братусь, который разделял мнение о том, что права из членства в организациях относятся к личным неимущественным правам. По его мнению, они считаются, отчуждаемы, а также неотделимы от члена организации. И это очень понятно. Также С.Н. Братусь считал, что такие права принадлежат члену организации до тех пор, пока он состоит в членских отношениях [1, с. 74].

Существует также ученый О.А. Красавчиков, который предложил разделять неимущественные отношения. Он предложил делить их на три группы (виды), ко-

которые входят в предмет гражданского права. Можно выделить следующие: отношения, складывающиеся по поводу благ, неотделимых от личности; отношения, относящиеся к объектам творческой деятельности; и в добавок ко всему организационные отношения [3, с. 50-57].

В.А. Рахмилович отмечает, что членские отношения внутри организации корпоративного типа представляют собой конгломерат отношений имущественных и личных неимущественных; тем самым, по его мнению, трудно сделать однозначный вывод об имущественной природе организационных отношений [5, с. 122].

Таким образом, можно прийти к выводу о так называемом едином членском праве. Это представляет собой совокупность как имущественных, так и неимущественных прав членов. Такая отличительная особенность носит весьма спорный характер и рассматривается цивилистами весьма детально.

Природа неимущественных прав участника такова, что в отличие от классического понимания неимущественных прав, эти права могут передаваться другим лицам, т.е. являются отчуждаемыми [10, с. 70]. Примером этого можно привести передачу акций в доверительное управление.

Рассматривая в принципе традиционную для цивилистики классификацию правоотношений на абсолютные и относительные, нельзя не обратить внимание на сложности при определении места корпоративных отношений в одной из таких групп [4, с. 18].

Между корпоративными и обязательственными отношениями существует тесная взаимосвязь. Например, обязательственные отношения из учредительного договора как бы предшествуют возникновению корпоративных отношений, а с другой стороны, принятие решения о выплате дивидендов приводит к возникновению обязательственных отношений между участником общества и обществом [2, с. 61].

Подытоживая вышесказанное можно сделать вывод о том, что корпоративные отношения входят в группу гражданских правоотношений. О чем имеется ряд логичных и практически неоспоримых аргументов. А именно, они представляют собой отличительную группу организационных отношений, возникают на основе деятельности организаций, и могут быть определены и классифицированы как корпоративные имущественные и корпоративные неимущественные. Такая классификация трактуется многими учеными-цивиристами и носит весьма отличительный характер. Специфику данных правовых отношений определяет особый механизм, посредством которого возникает и формируется воля юридического лица – участника гражданско-правовых отношений.

Список литературы

1. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 74.
2. Гражданское право России: Курс лекций. Часть 1. М., 1996. С. 61 (автор главы – В.А. Рахмилович).
3. Красавчиков О.А. Организационные гражданско-правовые отношения // Советское государство и право, 1966. № 10. С. 50-57.
4. Мозолин В.П., Петровичева Ю.В. Факторно-нормативная теория как научная основа организации и деятельности юридических лиц в российском праве // Юридический мир, 2001. № 9. С. 18.
5. Рахмилович В.А. О достижениях и просчетах нового Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. N 4. С. 122.

6. Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. Том 1. М., 1985. С. 12-16.
7. Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство, 2002. № 6. С. 35.
8. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права. М., 1999. С. 23-24.
9. Цуканова Е.Ю., Берестнев Р.Е. Роль обычая и делового обыкновения в регулировании корпоративных отношений. // Международный научно-исследовательский журнал № 06 (60). – С. 71.
10. Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право, 1997. № 6. С. 70.

АТРИБУТИВНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Жезлов Н.В.

курсант пятого курса юридического факультета, Академия ФСИН России,
Россия, г. Рязань

С позиции философских учений и теории права в данном исследовании автором рассмотрены проблемы противодействия коррупции и снижения факторов, выступающих катализаторами ее проявления, во взаимосвязи с концепцией построения социального государства. Обоснована необходимость глубокого теоретического и социально-философского анализа явления коррупции в целях разрешения общих (междисциплинарных) вопросов, отсутствие исчерпывающих ответов на которые не позволяет эффективно решать частные задачи по изучению и разработке мер борьбы с коррупционными проявлениями.

Ключевые слова: коррупция, социальное государство, социальная философия, теория права, противодействие коррупции.

Коррупция – явление столь же древнее, как и сам институт государства даже в его первоначальных формах, которое сопутствует ему, к сожалению, и по сей день. Сложность решения вопросов, касающихся противодействия данному социальному феномену во всех сферах общественной жизни, их противоречивость и комплексный характер наглядно прослеживаются в том, что, несмотря на колоссальное количество исследований различных аспектов коррупции, они до сих пор не теряют своей актуальности и требуют постоянного обновления научного знания о них.

При этом рассмотрением проблем злоупотребления должностным положением вопреки интересам общества и государства в плоскости философии и теории права ученые-антикоррупционеры, как правило, пренебрегают. Именно возможность преодоления междисциплинарных границ, которая свойственна социальной философии, позволяет, прежде всего, решить проблемы общего характера посредством своей универсальной методологии для дальнейшего плавного перехода к устранению проблем частных [1, с. 146].

Проблема коррупционных проявлений как в государственном аппарате, так и в негосударственных структурах находится в одной плоскости с задачей построения социального государства. Общественная миссия социального государства со-

стоит в обеспечении достойного уровня жизни каждого члена социума, который способствовал бы его устойчивому и эффективному развитию, а также в недопущении и устранении социальных конфликтов. Коррупция представляет собой один из видов социального конфликта, так как он находится в политической, криминальной и политической сферах одновременно и состоит в незаконном присвоении материальных благ [2].

Нельзя не отметить, что основоположниками идей социального государства и борьбы с коррупцией в их взаимосвязи являются древнегреческие философы, которые в злоупотреблении властью видели прямой путь к самоуничтожению идеального государства (космополиса).

Л. Н. Кочеткова, проведя критический анализ философских взглядов на концепцию социального государства, вывела следующее его определение: «социальное государство – это государство, которое с целью сглаживания классовых противоречий и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной жизнедеятельности, которые позволяют ему реализовывать свое права на частную и публичную автономию» [4, с. 103-104].

Как отмечает О. И. Косенко, коррумпированное государство в принципе не способно функционировать в соответствии с идеалами социальной справедливости. Такое государство посредством продажных чиновников и бизнес-сообщества создают формальную иллюзию того, что в своей деятельности руководствуются принципами законности и социальности. «Вектор направленности их интересов прямо противоположен идеалам демократии, права и социальной справедливости, их главная забота – поиск удобных коррупционных схем, главная цель – получить максимальную личную выгоду» [3, с. 78].

Эффективное функционирование политической организации страны, основанной на началах верховенства права и учета интересов социума, предполагает ее позиционирование как государства-партнера, оказывающего отдельным гражданам, их группе и всей общественной массе необходимую помощь и содействие в свободном и последовательном развитии путем создания благоприятных условий для реализации каждым своих творческих, трудовых возможностей, поддержания плюрализма мнений, личных прав и свобод.

«... Правовое государство оставляет за собой задачу по формированию все-сторонне развитой, социально-активной личности, воспитания у нее достаточного уровня правосознания, уважения к законам, готовности участвовать на правовой основе в общественных отношениях» [5, с. 18].

В связи с этим недопустимо придание государству статуса некоего надсоциального, сверхобщественного образования, так как подобная ситуация приводит к нарушению основополагающих идей построения правового государства, которое зиждется на уважении и соблюдении прав и свобод людей, сохранении гармонии между всеми социальными слоями и развитии гражданского общества.

Существенную роль в этом процессе необходимо отвести институтам гражданского общества, а именно такой форме их взаимодействия с органами государства и местного самоуправления как общественный контроль. Отсюда следует, что все правовые отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в правовом государстве должно быть возможным подвергнуть общественному контролю со стороны независимых от государства объединений, входящих в структуру гражданского общества.

Общественное участие и контроль обусловлены желанием граждан иметь четкое и объективное представление о происходящих событиях и сложившейся си-

туации в государственной системе, чтобы своевременно реагировать на отклонения от установленных стандартов.

«Социальная регуляция должна быть присуща обществу на каждой из стадий его развития, однако в условиях становления и развития гражданского общества она должна присутствовать в своей безупречной форме, без каких-либо изъятий и несовершенств, которые могут быть обусловлены формой государства. Иначе выполнения задачи по построению данного общества не удастся добиться» [6, с. 112].

Современное общество крайне заинтересовано в поиске оптимальных форм эффективности противодействия коррупционным преступлениям, общественная опасность которых заключается в подрыве основ государственной власти и управления, ущемлении конституционных прав и интересов граждан, порождении дисбаланса демократических устоев и правопорядка, дискредитировании деятельности государственного аппарата, извращении принципов законности, создании барьера на пути проведения социально-экономических реформ. Кроме того, коррупция представляется не только опасной с социальной точки зрения как фактор, подрывающий государственную власть, но и как одна из главенствующих причин, определяющих организованную, экономическую, политическую преступность. Сложность решения задачи эффективного противодействия коррупционным правонарушениям обусловлена рядом объективных причин, к числу которых надлежит причислить то, что обозначенная проблема должна решаться комплексно, путем синтеза достижений многих отраслей научных знаний.

Список литературы

1. Везломцев В. Е. Осмысление коррупции в истории социально-философской мысли // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7. № 2. С. 146-149.
2. Коррупция как механизм социальной деградации / Ю. В. Голик, В. И. Карасев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
3. Косенко О. И. Противодействие коррупции как приоритетная задача социального государства : монография / под общ. ред. Н.Н. Гриценко. М.: ИД «АТиСО», 2012. 91 с.
4. Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 216 с.
5. Юнусов А. А., Юнусов С. А., Кученев А. В. Политико-правовая отчужденность, как фактор деформации правосознания сотрудника ФСИН России // Юрист Юга России и Закавказья. 2017. № 1. С. 18-22.
6. Юнусов Э.А., Жезлов Н.В. Общественный контроль в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2017. № 1. С. 112-117.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ДОКТРИНЫ СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА

Иванченко А.Г.

магистрант, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматриваются особенности формирования и становления доктрины «снятия корпоративной вуали» в англосаксонской правовой системе.

Ключевые слова: англосаксонская правовая система, доктрина, доктрина снятия корпоративной вуали.

Впервые в англосаксонской системе права был предложен механизм, позволяющий при наличии особых обстоятельств в судебном порядке отступить от принципа ограниченной ответственности корпорации путем привлечения к неограниченной ответственности заинтересованных в получении необоснованной выгоды лиц. Однако пределы и порядок применения механизма снятия корпоративной вуали до сих пор не определены. Объяснение данной неопределенности можно найти, обратившись к истокам формирования и становления доктрины снятия корпоративной вуали.

В 1897 г. решением по делу *Salomon v. A. Salomon & Co Ltd* (далее – *Salomon*) на территории Великобритании был утвержден принцип ограниченной ответственности юридического лица, исключаящий ответственность участников корпорации по ее обязательствам. Исходя из фабулы названного дела Соломон, мажоритарный акционер компании по производству кожаных изделий, столкнувшись с финансовыми трудностями, заявил о ее ликвидации. В процессе ликвидации вопрос об удовлетворении требований кредиторов за счет собственных средств г-на Соломона являлся ключевым. Он был решен Палатой лордов в пользу мажоритарного акционера. В свою очередь, Кан-Фройнд охарактеризовал вышеприведенное решение бедственным, так как, не получив от ограниченной ответственности никакой привилегии, кредиторы остались в незащищенном положении. Вилле предположил, что принятое решение по делу *Salomon* сыграло существенную роль в сохранении не-большого и среднего бизнеса, что препятствовало развитию масштабного управленческого капитализма. Маккуин утверждал, что большинство вопросов по делу *Salomon* составляют предмет горячих дискуссий в течение многих лет, но основная заслуга этого решения в том, что английское право утвердило компанию одного лица и стало воспринимать компанию отдельно от ее акционеров.

Таким образом, принимая во внимание прецедентную направленность англосаксонской правовой системы, решение по делу *Salomon* стало отправной точкой для применения ограниченной ответственности. Однако еще до принятия решения по делу *Salomon* идея ограниченной ответственности была закреплена на уровне статутного права Англии. В 1855 г. Парламент Великобритании принял Акт об ограниченной ответственности (далее – Акт 1855 г.), а в 1856 г. – Акт об акционерных компаниях (далее – Акт 1856 г.) [1, ст. 43]. Положения Акта 1855 г. допускали применение ограниченной ответственности к корпорациям, число участников которых было более 25. При этом в название корпорации в обязательном порядке включалось слово "ограниченный", а зарегистрированным по Акту 1844 г. компаниям разрешалось пользоваться преимуществами ограниченной ответственности только после получения от Совета торговли сертификата платежеспособности и при соблюдении установленных Актом 1855 г. требований.

Положениями Акта 1856 г. введена простая процедура регистрации корпорации с ограниченной ответственностью в количестве не менее семи учредителей без предъявления требований к минимальному размеру уставного капитала и к раскрытию информации. Данные преобразования стимулировали индивидуальных предпринимателей и партнерства использовать для ведения бизнеса более удобную форму – акционерные компании. Согласно статистическим данным за период 1856 – 1914 гг. число корпораций в Великобритании существенно увеличилось:

1856 г. – 700, 1883 г. – 7800, 1907 г. – 39600, 1914 г. – 58900. Принятие решения по делу *Salomon* и Актов 1855 г., 1856 г. способствовали закреплению в гражданском обороте ограниченной ответственности, на основании которой концепция самостоятельности юридического лица приобрела завершённый вид. Под самостоятельностью юридического лица понимается способность "корпорации представлять собой совокупность индивидуумов, которую следует трактовать как единое лицо, отличное от тех индивидуумов, которые являются ее членами". При этом корпорация отвечает по своим обязательствам обособленным от учредителей имуществом, а также, обладая собственной волей, действует в своем интересе. Ко всему прочему В.Д. Федчук отмечает, что "признание независимости юридической личности компании послужило катализатором разработки в английской доктрине и судебной практике различного рода принципов построения взаимоотношений между учредителями компаний и самими компаниями" [2, ст. 194]. Кроме того, концепция самостоятельности юридического лица и ограниченная ответственность оказали прямое влияние на доктрину снятия корпоративной вуали.

Веденная в оборот концепция самостоятельности юридического лица способствовала защите учредителей (участников) компаний от обязанности нести личную ответственность. В том числе положения законодательства того периода позволяли зарегистрированным компаниям фактически действовать как партнерства с ограниченной ответственностью. В частности, в Акте 1856 г. отсутствовали какие-либо требования к минимальному размеру уставного капитала и раскрытию информации. В результате защищенные учредители (участники) корпорации, обладая предоставленными преимуществами, стали активно злоупотреблять ими, а ущемленные в правах кредиторы призывали к стабилизации корпоративных отношений:

Оценивая возникший дисбаланс интересов, приводящий к ущемлению прав участников корпоративных отношений (кредиторов), суды англосаксонской правовой системы пошли по пути принятия решений, направленных на приоткрытие корпоративного занавеса юридического лица, – на привлечение контролирующих лиц компании к неограниченной ответственности. К таким решениям конца XIX – начала XX в. относятся: *Apthorpe v. Peter Schoenhofen Brewing, St. Louis Breweries v. Apthorpe, United States v. Milwaukee Refrigerator Transit Co* (далее – *United States*) и др.

Изучая обстоятельства дела *United States*, суд пришел к выводу: "Если понятие юридического лица используется для нарушения публичных интересов, оправдания правонарушения, сокрытия мошенничества, защиты преступления, закон будет расценивать корпорацию как ассоциацию лиц".

Нарастающая тенденция по применению судами англосаксонской правовой системы такого производного механизма, как привлечение контролирующих лиц компании к личной ответственности, способствовала появлению специальной терминологии. В 1912 г. в издании американского журнала вышла статья Уормсера, основное значение которой заключалось во введении в правовой обиход термина *piercing the corporate veil* (прокол корпоративной вуали). В том числе данный термин был успешно адаптирован и в Англии, но в несколько иной интерпретации: *lifting the corporate veil* (подъем корпоративной вуали). Ко всему прочему, накопленная база судебных решений по снятию корпоративной вуали активизировала процесс оформления выработанных положений в юридическую доктрину. К середине XX в. снятие корпоративной вуали становится одной из основополагающих доктрин англосаксонской правовой системы, дальнейшее развитие которой постав-

лено в зависимость от социально-экономических условий. При этом О.У. Холмс писал, что "определенные правовые доктрины развивались в ответ на изменения в социальной среде, и судьи при принятии решения должны учитывать исторические и социальные цели".

Стоит отметить, что снятие корпоративной вуали прослеживается не только в правопорядке таких ключевых представителей англосаксонской системы права, как США и Великобритания, но и в правопорядке Австралии, Индии, Канады, Новой Зеландии. Например, частота обращения австралийских судов к доктрине составляет 38,5% случаев. При этом в разных правопорядках доктрина снятия корпоративной вуали применяется только с производной от общего принципа позиции, и при решении определенного дела вопрос о потенциальной возможности приоткрытия корпоративного занавеса начинается, как правило, с обсуждения общеизвестного дела *Salomon*. Кроме того, механизм снятия корпоративной вуали в правопорядке стран системы общего права применяется в соответствии с устоявшимся подходом.

Суды США, как правило, снимают корпоративную вуаль, обращаясь к положениям иных доктрин, в чем и состоит основная суть новаторского подхода. Например, суды США часто прибегают к процедуре снятия корпоративной вуали посредством обращения к доктрине "альтер-эго", направленной на установление факта доминирования иных лиц в деятельности и управлении корпорации.

Применение доктрины снятия корпоративной вуали судами Великобритании основано на традиционном подходе, который заключается в неуклонном соблюдении основ устоявшихся концепций и принципов общего права. Так, изучив обстоятельства дела *Prest v. Petrodel Resources Limited and others*, Верховный суд Великобритании посчитал, что применение доктрины снятия корпоративной вуали совокупно с традиционными понятиями-принципами английского права часто рассматривается в качестве проникновения за корпоративный занавес, в действительности основано на иных правовых теориях: теории агентских отношений, теории трастовых отношений и пр. Следовательно, актуальное применение доктрины имеет место только в случаях, когда использование иных средств правовой защиты будет неэффективным или невозможным.

Таким образом, обращаясь к истокам формирования и становления доктрины снятия корпоративной вуали в англосаксонской системе права, можно прийти к следующим выводам: производный характер доктрины снятия корпоративной вуали состоит в отсутствии оснований для ее самостоятельного применения, поскольку необходимость ее возникновения вызвана общественной реакцией на введение в гражданский оборот концепции самостоятельности юридической личности и ограниченной ответственности, поэтому настоящая доктрина применяется как исключение; социальная направленность доктрины снятия корпоративной вуали обусловлена целью ее применения, которая заключается в урегулировании конфликта между участниками корпоративных отношений посредством пресечения недобросовестных действий со стороны контролирующих лиц, поэтому настоящая доктрина применяется как корпоративный инструмент сдержек и противовесов.

Список литературы

1. Батыршина К.А. Особенности формирования и становления доктрины снятия корпоративной вуали в англосаксонской системе права: историко-правовой аспект // Гражданское право. 2015. № 1. С. 43-45.

2. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 194.

ФОРМИРОВАНИЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Иванченко А.Г.

магистрант, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Екатеринбург

В статье рассматривается процесс становления и развития романо-германской правовой системы.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, суд, судопроизводство, частное и публичное право, производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, кодификация, проект закона.

Кодификация дает праву четкость, значительно улучшает его применение и является закономерным окончанием возникнувшего в континентальной Европе толкования правовой нормы и права целиком. Она завершает возникновение романо-германской правовой семьи как единое событие.

Значительную роль в этом сыграла французская кодификация. В частности, во многих государствах Европы и за ее пределами общепризнан Кодекс Наполеона 1804 г. (Гражданский кодекс (Code Civil)), воздействовавший на процесс утверждения принципов романо-германского права.

Заимствование римского права в Германии нашло широкое отражение в таком важном законодательном произведении, как Германское гражданское уложение 1900 г., основой которого послужило немецкое право. Воздействие римского права влияет на структуру Германского гражданского уложения.

Таким образом, романо-германская правовая семья первоначально сложилась в Западной Европе. Характерный труд в эту систему, о чем свидетельствует ее название, вложили правовая мысль и законодательство Франции и Германии [4, ст. 156].

Страны, в которых юриспруденция функционирует на основе римского права, входят в состав романо-германской правовой семьи. Здесь нормы права, которые трактуются как нормы поведения, отвечающие требованиям достоверности и морали [1, ст. 21], выдвинуты на первый план.

При исследовании романо-германской правовой семьи непременно возникает вопрос не только об истории ее возникновения и развития, ее сущности, содержания и других сторон ее внутренней жизни или внешних формах ее проявления, но также об особенностях данной правовой семьи. Главное качество романо-германской семьи – деление на романскую и германскую группы.

Первая группа состоит из правовых систем Франции, Италии, Испании, Бельгии, Люксембурга и Голландии.

Правовые системы Германии, Австрии, Швейцарии и другие входят в состав второй группы.

Романская правовая группа, в которую входит французская правовая система, с долгой правовой историей, в основе которой лежит современная система источников права, а также кодексы эпохи Наполеона.

Общепризнано, что, несмотря на многочисленные изменения, эти кодексы изжили себя, а в современный этап своей истории страна вступила с огромной массой правовых актов, находящихся за пределами современной кодификации.

Основным направлением регламентации правовых актов явилось создание кодексов по типу отраслевых сборников, в состав которых входят как законы, так и подзаконные акты. Начиная с середины XIX в., принято несколько таких кодексов, которые являются актами классифицирования и объединения действующего права по правовой природе.

Юристы Франции выделяют несколько отличий этих кодексов от наполеоновских кодификаций. Во-первых, они уделяют внимание весьма узким областям (кодекс сберкасс, лесной кодекс и т.д.). Во-вторых, эти кодексы достигают логической перегруппировки уже принятых законодательных актов и регламентов, а не добиваются задачи "переосмыслить" совокупность норм той или иной отрасли права. Принцип верховенства законов-кодексов в его общепринятом понимании эта кодификация истожила.

"Классическое" размещение полномочий между законодательной и исполнительной властями изменила Конституция Франции 1958 г. Она закрепила ряд вопросов, входящих в полномочия парламента, и тем самым сузила сферу его законодательной деятельности. Полномочия исполнительной власти значительно увеличились, и, соответственно, смысл ее актов в системе источников права возрос.

Основой действующего права Германии, так же как и во Франции, являются кодексы.

Они неоднократно менялись, в частности, после 1945 г., когда из них были убраны новеллы, внесенные во времена нацизма. Однако большинство изменений в праве Федеративной Республики Германия внесено не через кодексы, а с помощью законов, регулирующих различные сферы жизни общества. Значительная часть из этих законов принята после образования ФРГ в 1949 г., но есть и такие, которые, подобно кодексам, относятся к более давним временам.

Как и во многих развитых странах, в ФРГ встречается неизменное направление к увеличению удельного веса среди источников права подзаконных актов, прежде всего правительственных.

Конституция ФРГ 1949 г., в отличие от Франции, не признает за исполнительной властью право установления правил, регламентирующих их, и воспрещает практику декретов-законов. Лишь в рамках исполнения законов правительственные и иные подзаконные акты в ФРГ могут быть опубликованы, хотя на практике встречаются и исключения.

Немецкое право не знает таких закрепленных кодексов "нового типа", которые так распространены во Франции. Особенно значимые различия проявляются в свете той значительной роли, которую в государственных органах Германии играет Конституционный суд. Его решения – это источник права, находящийся на равных условиях с законом. Опубликованные парламентом толкования законов обязательны для всех органов, в том числе и для суда. Если обычный суд не уверен в конституционности подлежащей применению нормы, он прекращает дело, делает запрос в Конституционный суд, а затем в соответствии с заключением Конституционного суда принимает решение.

Во Франции существует иная практика. Конституционный Совет, имеющийся в этой стране, имеет более ограниченные полномочия. За конституционностью еще не вступивших в силу законопроектов ему допускается предварительный кон-

троль, и, следовательно, он не может воздействовать на применение уже действующих законов и иных нормативных актов (как это имеет место в Германии), а тем самым и на судебную практику. В Конституционный Совет суды обращаться не вправе.

Еще одно отличие от системы права Франции: источники права в Германии показывают федеративный характер государственного устройства страны. Каждая федеральная земля, входящая в состав Германии, имела свое законодательство (до принятия Германского гражданского уложения). Это фактор, усугубляющий систему источников права.

Рассматривая основные характеристики романо-германского права, проанализируем лишь некоторые, наиболее важные из них, по существу своему фактически определяющие его характер и содержание. Среди такого рода характеристик романо-германской правовой семьи выделим ее связь с римским правом, ее формирование и развитие на основе римского права [3, ст. 433].

Также романо-германской правовой семье присущ ряд характеристик, позволяющих подчеркнуть ее индивидуальность и различие с другими правовыми системами. К ним относятся следующие:

1) источниками права в романо-германской правовой семье являются в основном кодексы и другие нормативные правовые акты, тогда как в англосаксонской системе права большое значение придается прецедентному праву, судебному прецеденту, правилу обязывающей силы прецедентов и принципу аналогии.

Судебная практика в Германии обычно не относилась к источникам права. Сейчас в Германии играет важную роль Федеральный конституционный суд и другие высшие судебные учреждения, решения которых принимаются во внимание в качестве источника права как при применении закона, так и в случае выявления ошибок или недостатков в законодательстве;

2) в системе романо-германского права имеются характерные способы правовой аргументации, особенно при применении кодексов, что нетипично для систем "общего права";

3) в романо-германской правовой семье существенное значение придается разделению между публичным и частным правом, что нехарактерно для системы "общего права";

4) существуют специальные институты, характерные для романо-германской правовой семьи (нотариат, прокуратура, следствие);

5) в романо-германской правовой семье гражданский кодекс рассматривается как абсолютная необходимость. В него включаются нормы, регулирующие отношения собственности, в том числе интеллектуальной, семейные правоотношения, коммерческие правоотношения, отношения с иностранным участием.

Большинство стран "общего права", в свою очередь, не имеет гражданского кодекса, но есть исключения: в штате Калифорния, например, еще в XIX в. принят Гражданский кодекс, а если такие кодексы у них есть, то они не столь исчерпывающие и систематизированы, как гражданские кодексы континентальных государств. Поэтому большинство факультетов права в странах общего права не имеют ни кафедры гражданского права, ни профессоров гражданского права, а если имеют, то обычно это специалист по римскому праву [2, ст. 323].

В романо-германских странах сложилась традиция четко разделять типы гражданско-правовых договоров (хотя смешанные договоры не запрещены), тогда

как в странах общего права, как правило, не уделяют внимание классификации и более гибко относятся к формальностям при заключении договоров.

Анализируя особенные черты романо-германского права, особое внимание обращаем на развитие романо-германской правовой семьи, как упоминалось уже ранее, "на основе изучения римского права в итальянских, французских, германских и греческих университетах, созданных в XII – XVI вв. на основе Свода законов Юстиниана, общую для многих европейских стран юридическую науку". И ядром исследуемой правовой семьи явилось "римское *jus civil* – частное право, которое относилось лишь к римским гражданам и в отношениях между римскими гражданами на территории в пределах Римского государства". Следует добавить и то, что Свод законов Юстиниана был и остается если не основной составной частью права, то по крайней мере той силой, которая влияет на него прямо и весьма эффективно.

Список литературы

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 21.
2. Мартышин О.В. Теория государства и права. М., 2007. С. 323.
3. Марченко М.Н. Источники права. М., 2006. С. 433.
4. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2003. С. 156.

ПРОВЕДЕНИЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С УЧАСТИЕМ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Изотова В.В.

студентка четвертого курса юридического факультета,
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске,
Россия, г. Пятигорск

Статья посвящена вопросам проведения биомедицинских исследований с участием человека в России. В работе выделена нормативно-правовая база, регулирующая общественные отношения, связанные с проведением медицинского эксперимента с участием человека, проанализированы условия его проведения. Так как человек, вступая в данный вид деятельности, прежде всего, должен быть проинформирован о сущности и порядке данного эксперимента, а также о его последствиях.

Ключевые слова: биомедицинские исследования, правовое регулирование биомедицинских исследований с участием человека.

Медицинский эксперимент, проводимый на человеке, означает непосредственное воздействие на личную жизнь и его здоровье. Такое вмешательство в сферу здоровья человека Международная конвенция по правам человека в области медицины определяет как воздействие на организм человека физическими, биологическими и иными способами, применение которых может повлечь за собой нарушение процессов целостности организма или отдельных его органов и тканей, может стать результатом отклонения нормального функционирования органов, их систем или всего организма в целом, а также дойти и до смерти человека.

Благодаря научному прогрессу появляются новые лекарственные средства, устройства медицинского назначения, новые технологии. Все эти достижения в

значительной степени повышают качество медицинской помощи и условия жизни человека на земле. Во всех случаях для вмешательства в сферу здоровья человека врачами научных лабораторий и исследовательских центров необходима устойчивая правовая база, обеспечивающая гарантированную государством защиту прав человека на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность, т.е. любое вмешательство в сферу физического или психического здоровья человека должно быть осуществлено таким образом, чтобы при этом не нарушались права и законные интересы людей [1].

На сегодняшний день во многих государствах существуют достаточно жесткие правовые нормы, которые определяют порядок подготовки и проведения биомедицинских исследований с участием человека. Принят ряд международных документов, регламентирующих проведение медицинских исследований, призванных защитить право человека на жизнь и здоровье.

В настоящее время на международном уровне действуют следующие основные документы, определяющие порядок проведения клинических испытаний лекарственных препаратов:

1. Хельсинская декларация «Этические принципы медицинских исследований с участием человека в качестве испытуемого».

2. Рекомендации Совета международных организаций по медицинским наукам.

3. Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о биомедицине и правах человека, касающийся биомедицинских исследований.

4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека.

5. Рекомендации Совета Европы относительно исследований, проводимых на биологических материалах человеческого происхождения.

Систему правового регулирования биомедицинских исследований на человеке в РФ составляют:

1. Конституция РФ [2]:

Часть 2 ст.21 Конституции гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

2. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан 1993 г. [4]:

Статья 43 Основ устанавливает, что биомедицинские исследования проводятся только в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения и должны основываться на предварительно проведенном лабораторном эксперименте на животных. Данная статья устанавливает правило, по которому любое биомедицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения добровольного письменного согласия гражданина; статьи 31, 61 Основ регулируют право пациента на информацию о своем здоровье, а также обязанность сохранения врачебной тайны.

Основы законодательства РФ закрепляют право гражданина отказаться от участия в начавшихся исследованиях на любой стадии их выполнения.

3. ФЗ «О лекарственных средствах» от 22.06.1998 г. №86-ФЗ [3] создает правовую основу деятельности субъектов обращения лекарственных средств, устанавливает систему государственных органов, осуществляющих издание нормативных правовых актов, действия по контролю и надзору, оказание государственных услуг, правоприменительную практику в соответствии с настоящим Федеральным зако-

ном, распределяет полномочия органов исполнительной власти в сфере обращения лекарственных средств.

В соответствии с Законом разработка новых лекарственных средств включает в себя поиск новых фармакологически активных веществ, последующее изучение их лекарственных свойств, а также доклинические исследования.

В Законе говорится, что целью доклинических исследований лекарственных средств является получение научными методами оценок и доказательств эффективности и безопасности лекарственных средств.

При регулировании правоотношений в области проведения экспериментов необходимо отметить Стандарт отрасли ОСТ 42-511-99 «Правила проведения качественных клинических испытаний в Российской Федерации» (утв. Минздравом РФ от 29 декабря 1998 г.)

Настоящий стандарт устанавливает требования к проведению клинических испытаний лекарственных средств. Требования данных Правил должны соблюдаться при проведении клинических испытаний лекарственных средств, результаты которых планируется представить в разрешительные инстанции.

В соответствии с данными Правилами клинические испытания должны проводиться в соответствии с основополагающими этическими принципами Хельсинкской Декларации, Правилами GCP и действующими нормативными требованиями.

При правовом регулировании проведения не только медицинских исследований на человеке, но и иных исследований нет единого Закона, регулирующего сферу отношений в экспериментальной деятельности.

В настоящее время данная сфера правоотношений, несмотря на существующий массив подзаконных актов, должным образом не урегулирована. Ведомственные акты лишь регулируют порядок проведения исследований на человеке.

Вмешательство в сферу здоровья человека должна быть подкреплена правовой основой, которая в значительной степени обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина.

Прежде всего, проведение экспериментальных исследований на человеке должно осуществляться на основе соблюдения законодательства Российской Федерации и прав и свобод человека и гражданина в соответствии с гуманными принципами, провозглашенными международным сообществом, при этом интересы человека должны иметь приоритет над интересами общества или науки.

Список литературы

1. Ардашева Н. Понятие эксперимента в медицине и защита прав человека // Государство и право. № 12. 1995. С. 102-103.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
3. Федеральный закон «О лекарственных средствах» от 22.06.1998 N 86-ФЗ (ред. от 30.12.2008).
4. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 N 5487-1) (ред. от 07.12.2011).
5. Helsinki declaration of the World medical association: recommendations for the doctors participating in medicobio-logical researches in public on 1964 // Ostrovskaya I.V. Meditsinskaya ethics: col. documents. Moscow, 2001.

6. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации: рекомендации для врачей, участвующих в медико-биологических исследованиях на людях 1964 г. // Островская И.В. Медицинская этика: сборник документов. М., 2001.

ВОПРОСЫ БИОЭТИКИ: ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Ильченко К.В.

аспирант третьего кафедры теории и истории права и государства,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена изучению вопросов, касающихся правового и этического характера применения биомедицинских технологий в контексте вопросов биомедицинской этики. Автор рассматривает данную область научного знания как с позиции общесоциального, так и правового регулирования отношений между врачом и пациентом, а также между врачом и обществом в целом. В статье отражена значимость биоэтики как основы культурного развития современного общества в качестве науки «настоящего дня».

Ключевые слова: биоэтика, биомедицинская этика врача, права пациентов, биомедицинские технологии.

Жизнь человека и ее ценность, начиная с античных времен, определялась не сама по себе, а в совокупности с иными общественными положениями – силой и имуществом, а также статусом, который человек занимал в обществе на тот исторический период времени. Христианство и впоследствии концепция о правах человека определили новое фундаментальное понимание ценности человеческой жизни – в контексте самой ее природы.

Медицина на данный момент может не только поддерживать жизнь, но и имеет возможность «давать» ее в рамках развития технологий искусственного оплодотворения, определять и изменять ее качественные параметры на ранних стадиях развития человеческого существа посредством генной инженерии и генной терапии, а также раздвигать границы между жизнью и смертью, используя достижения в таких областях, как: реаниматология, трансплантология, геронтология. «Забвение нравственной компоненты медицины грозит обществу бездумным и бесконтрольным внедрением в практику новых технологий, применение которых связано с неопределенностью последствий и опасностью воздействия на жизнь конкретного индивида и всего социума» [1, с. 138].

На рубеже XX и XXI вв. творцами нового общественного сознания, оставив позади представителей религиозного устройства миропорядка и миропонимания, стали ученые и философы, создавшие картины грядущего будущего в образах «экономического кризиса» и «экологической катастрофы», проецируя страх мирового сообщества за перспективы существования окружающей экономической и экологической действительности, в то время как биоэтика стала отражением беспокойства относительно судьбы самой человеческой природы. Названные положения нашли свое выражение в трудах известнейших философов современности Юргена Хабермаса «Будущее человеческой природы» [5] и Френсиса Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» [4]. Биоэтика – это понятие, которое наряду с современными аспектами жизни, такими как: цифровая революция, виртуальная реальность и пр., является неотъемлемой частью культуры общества «настоящего дня».

Термин «биоэтика» был впервые предложен американским биохимиком и онкологом Ренселлером Ванн Поппером, который в 1970 г. опубликовал статью «Биоэтика – наука выживания», а в 1971 г. появилась книга под названием «Биоэтика – мост в будущее» [8]. «Тем самым был дан импульс для развития новой научной дисциплины, направленной на решение проблем, связанных с новыми перспективами в развитии биомедицинской науки» [6, с. 59].

Интенсивное развитие новейших биомедицинских технологий является своего рода катализатором общественных умонастроений, царящих в обществе, суть которых заключается в дискуссии относительно изменения формы существования человека. С одной стороны, такие современные области медицинского знания, как трансплантология органов и тканей, генетика, суррогатное материнство и др., должны рассматриваться с позитивной стороны, улучшая качество и одновременно продолжительность жизни человека, с другой – отсутствие необходимой регламентации порождает комплекс проблем морально-этического, общесоциального и правового характера. Так, трансплантация органов и тканей человека, направленная на цель по спасению жизни пациента при неизлечимой болезни, создает базу для криминализации этой сферы медицины. Клонирование, как наука, которая дает возможность изучить генетический потенциал человеческого рода и создать новых живых существ, тем не менее, становится фактором угрозы ценности человеческой жизни и ее главного аспекта – достоинства.

Отставание правовой науки и правоприменительной практики от достижений в области биомедицины создает проблематику ее правовой регламентации, где «широкое применение биотехнологий сопровождается на сегодняшний день недостаточностью, а иногда полным отсутствием специального правового регулирования в этой сфере деятельности. При этом, много достижений биомедицины в силу своей крайней востребованности начинают применяться, так и не получив настоящего регулирования со стороны права. Это обстоятельство тянет за собой серьезные нарушения прав и интересов людей. Одновременно с этим отсутствие законодательной базы приводит к торможению развития других перспективных технологий» [3, с. 3].

Рассматривая вопросы биоэтики в «узком смысле», в область ее исследований входят этические проблемы взаимоотношений врача и пациента. Добавим, что в круг названных вопросов входит проблематика положений медицинской этики, международный кодекс которой был принят в 1949 г. 3-й Генеральной ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации в Лондон и позднее дополнен в 1968 г. в Сиднее и в 1983 г. в Венеции, требующих обсуждения в контексте медицинского профессионального сообщества, с одной стороны, и широкого общественного обсуждения – с другой.

Биомедицина в силу широкого спектра вопросов, охватывающих данную область человеческого знания, имеет непосредственное отношение к медицине, но не исчерпывается ее положениями. Поэтому следует говорить в данном случае не о медицинской этике, а употребить термин «биомедицинская этика».

Отметим, что основополагающие аспекты этики и деонтологии врача практически до конца XX века базировались исключительно на нравственных началах, моральных кодексах, врачебных традициях и пр., т. е. носили сугубо рекомендательный характер.

Биомедицинская этика внесла в вышеупомянутую концепцию новое принципиально отличное направление, где многие ее положения перешли в правовую

форму, закреплённую в нормативно-правовых документах, носящих обязательный характер.

Моральная сторона взаимоотношений врача и пациента – это динамично развивающееся понятие. Поэтому центральное место в сфере здравоохранения должны занимать права пациента. Следует сказать, что в начале 1990-х гг. права пациента получают статус основополагающих и развиваются вплоть до наших дней. Содержание этих прав отразилось в таких международных документах, как: «Лиссабонская Декларация о правах пациентов» 1981 г., «Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе» 1994 г., «Европейская Хартия прав пациента» 2002 г. Перечень названных прав включает в себя: 1) право на информацию о диагнозе и прогнозе собственного заболевания; 2) право на выбор врача; 3) право на сохранение конфиденциальности медицинской информации; 4) право на неприкосновенность частной жизни; 5) право на обеспечение правила информированного согласия.

Исследуя проблематику биомедицины, можно выделить следующие противоречия в ряде вопросов, а именно: в отношении тяжело больных пациентов: 1) не существует четкого этического различия между отказом от лечения и прекращением лечения, поддерживающего жизнь; 2) сознательное обречение больного на смерть недопустимо, в то время как непрепятствование процессу умирания вполне допустимо; 3) сознательно ускорять смерть неэтично, однако допустимо назначать больному паллиативное лечение, которое способно ускорить смерть; 4) смерть мозга тождественна смерти человека; 5) изъятие жизненно важных органов никогда не должно быть непосредственной причиной смерти донора (правило «мертвого донора»). В рамках клинических исследований: 1) ни один пациент не должен подвергаться лечению, которое способно угрожать состоянию его здоровья (клиническое равновесие); 2) денежное вознаграждение для людей, принимающих участие в клинических исследованиях в качестве испытуемых, морально недопустимо, поскольку при этом они могут быть подвержены принуждению к участию в этом исследовании; 3) денежное вознаграждение для людей, принимающих участие в клинических исследованиях в качестве испытуемых, не может рассматриваться в качестве блага; 4) денежное вознаграждение для людей, принимающих участие в клинических исследованиях в качестве испытуемых, нельзя информировать о полученных в ходе исследования результатах, в противном случае испытуемые и ученые образуют «исследовательское сообщество» [7].

Следует подчеркнуть, что единственным документом, регламентирующим вопросы международно-правового регулирования применения биомедицинских технологий, является Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине), принятая 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо [7], с включением в нее трех протоколов: дополнительный Протокол, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (Париж, 12.01.1998 г.) [7], дополнительный Протокол относительно трансплантации органов и тканей человека (Страсбург, 24.01.2002 г.) [7], а также дополнительный Протокол в области биомедицинских исследований (Страсбург, 25.01.2005 г.) [7]. Все перечисленные документы вступили в юридическую силу.

Биотехнология как характерная особенность современной цивилизации, затрагивающая самую сущность природы человека, диктует необходимость участия в дискуссионном процессе не только юристов, философов, социологов, но и предста-

вителей основных религиозных конфессий, оказывающих определенное влияние на развитие технологий медицины XXI века. Вопросы биотехнологии отражены в положениях Основ социальной Концепции Русской Православной Церкви, утвержденной Архиерейским собором в Москве в 2000 г. Позиция Католической Церкви относительно данного вопроса базируется на Окружном послании Папы Иоанна Павла II епископам, священникам и диаконам, монахам и монахиням, верным мирянам и всем людям доброй воли, именуемом «Евангелие Жизни» («*Evangelium Vitae*»), о ценности и нерушимости человеческой жизни, озвученное 25 марта 1995 г. В упомянутом Послании Папа Римский обозначил проблему «культуры смерти», основанной на повсеместном применении биотехнологий.

На сегодняшний день в Российской Федерации не существует закона, регулирующего вопросы биоэтики. В 1997 г. в Государственную Думу был внесен законопроект «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» [2]. Однако 15 марта 2003 г. проект закона был отклонен.

В рамках действующего законодательства некоторые аспекты биоэтики затронуты в следующих правовых документах: ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» от 20 мая 2002 г., Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г., Федеральный Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» 1993 г. В рамках совершенствования российского законодательства в исследуемой области необходимо ратифицировать Конвенцию о правах человека и биомедицине Совета Европы, а также Дополнительные протоколы к ней.

Из всего вышеизложенного, следует вывод. Распространение биомедицины в глобальных и часто неконтролируемых границах демонстрирует явное отставание правовых регуляторов от реально существующих проблем применения биотехнологий в таких фундаментальных для развития человечества сферах, как репродукция, излечение от тяжелых болезней, жизнь и смерть.

Из этого следует, что сегодня необходима модернизация существующей и создание новой нормативно-правовой базы в нашей стране, затрагивающей такие аспекты, как: государственное регулирование биотехнологий, репродуктивная медицина, генная инженерия, клонирование. Также необходимо в рамках правовой науки осуществить меры по устранению пробелов и коллизий в вопросах регулирования положений биомедицинского знания.

Список литературы

1. Агеев Н. А. Этический аспект проблемы взаимоотношения врача и пациента // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 5. С. 138.
2. Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 69-82.
3. Сальников В. П., Старовойтова О. Э., Никитина А. Е., Кузнецов Э. В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – Фонд «Университет», 2003. – С. 3.
4. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004.
5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике?: пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2002.
6. Henk A. M. J. Potters notion of bioethics // Kennedy institute of ethics journal. – Baltimore, 2012. – Vol. 22, № 1. – P. 59.

7. Miller F. G. Truog R. D. An apology for Socratic bioethics. – Mode of access : <http://dx.doi.org/10.1080/15265160802248153> (last download: 19.01.2015).

8. Potter Van R. Bioethics: Bridge to the future. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall /Van R. Potter. – Inc., 1971.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Казначеев А.И.

магистрант третьего курса Института права и национальной безопасности, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Россия, г. Тамбов

В статье дана краткая характеристика института лицензирования, рассмотрены особенности правового регулирования лицензирования отдельных видов деятельности. Выявлены сущность и принципы правового регулирования в данной сфере, раскрыты основные проблемы, возникающие в процессе лицензирования, намечены пути их решения.

Ключевые слова: институт лицензирования, лицензионное производство, лицензионные требования, правовое регулирование, переоформление лицензии.

Лицензирование предпринимательской деятельности, являясь одним из основных инструментов государственного регулирования предпринимательской деятельности, традиционно используемых во всех странах с рыночной экономикой, направлено на охрану публичных, общезначимых интересов.

Рассмотрение лицензирования в контексте правового института, определение его места в системе права России, особенностей правового регулирования порядка лицензирования, выявление правовой природы и недостатков современного лицензирования, прогнозирование перспектив развития, вызывает повышенный интерес со стороны ученых.

Главная функция правового института состоит в том, чтобы в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода обеспечить цельное относительно законченное регулирование. Нормы о лицензировании объединены общим назначением и, вследствие этого, несмотря на свой разноотраслевой характер, образуют правовой институт [4, с. 76].

В настоящее время продолжается процесс апробации лицензионно-правовых норм в практической сфере. Правовой институт лицензирования по своей природе является комплексным, вбирающим в себя нормы, сосредоточенные в различных правовых плоскостях (в сфере административного, гражданского, уголовного, налогового права). Правовая природа института лицензирования обусловлена доминирующей ролью административно-правовых норм, которые обладают приоритетом, а также определяют характер и содержание норм других отраслей права в вопросах регулирования лицензионных правоотношений [5, с. 22].

В правовом отношении регулирование лицензирования отдельных видов деятельности осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 04.05.2011 г. №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – Закон).

Нормы указанного Закона регулируют общественные отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполни-

тельной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

В последние годы режим лицензирования претерпел значительные изменения, направленные на совершенствование процесса лицензирования в Российской Федерации, сокращался перечень лицензируемых видов деятельности, активно принимались соответствующие административные регламенты, в деятельность лицензирующих органов внедрялись электронные технологии [3, с. 21].

Однако на практике, механизм лицензирования несовершенен, ввиду очевидных недостатков.

Так, одной из особенностей последних лет является сокращение видов деятельности, подлежащих лицензированию, их укрупнение. Это делается с целью снижения коррупции и снятием избыточных административных барьеров.

Укрупнение лицензируемых видов деятельности привело к тому, что действующим Законом стала допускаться разбивка в положениях о лицензировании общего лицензируемого вида деятельности на подвиды работ (услуг). В то же время закон не предусматривает, что лицензионные требования должны соответствовать конкретным подвидам в составе общего вида лицензируемой деятельности.

На практике получается, что при сдаче документов соискателем лицензии, он должен соответствовать требованиям, установленным для общего вида лицензируемой деятельности, что в принципе лишает смысла выделения отдельных работ (услуг) в самостоятельные подвиды лицензируемой деятельности.

Для устранения возникшей проблемы, необходимо законодательно ограничить произвольную детализацию видов лицензируемой деятельности на конкретные подвиды, с установлением определенных лицензионных требований к соответствующим подвидам работ (услуг).

Следующей проблемой в сфере лицензирования выступает, привязка к месту осуществления лицензируемого вида деятельности.

В заявлении о предоставлении лицензии должны быть указаны предполагаемые места осуществления лицензируемой деятельности, и лицензирующий орган вправе провести выездную проверку таких мест. При положительном решении о выдаче лицензии в ее приложении указывается место или перечень мест осуществления лицензируемой деятельности. Лицензиат не вправе осуществлять лицензируемую деятельность в других местах, не пройдя процедуру переоформления лицензии и не включив указание на новое место в бланк лицензии [3, с. 23].

На практике указанные положения вызывают массу проблем как и для соискателей лицензии, так и для непосредственно лицензирующих органов, которые вынуждены тратить трудовые ресурсы на рассмотрение соответствующих заявлений.

В большинстве случаев такое понятие как «место осуществления лицензируемого вида деятельности» в принципе неприменимо, поскольку такая деятельность будет осуществляться в местах, которые заранее невозможно определить. Яркими примерами тому служит, частная охранная деятельность, деятельность по обеспечению пожарной безопасности зданий и сооружений или деятельность по перевозке пассажиров автомобильным транспортом, медицинская деятельность и т.д.

Еще одним из неудобств ограничения мест осуществления деятельности выступает такой фактор, как нахождение юридического лица в одном городе и наличие его филиалов в других городах (применительно для крупных сетей). В ряде субъектов Российской Федерации возникают проблемы с получением отдельно фи-

лиалами лицензии на тот или иной вид деятельности, поскольку привязка осуществляется непосредственно к месту нахождения юридического лица и приходится постоянно переоформлять и вносить изменения в уже действующую лицензию.

В реальности место осуществления того или иного вида деятельности имеет значение только тогда, когда положением о лицензировании установлены требования к местам осуществления данного вида деятельности (например, требования об оснащении конкретным оборудованием, техническими средствами и ресурсами). В иных случаях использование понятия «место осуществления лицензируемой деятельности» не имеет никакого смысла и создает лишь дополнительный административный барьер, так как вызывает необходимость в соответствующих случаях прибегать к переоформлению лицензии. Необходимо предусмотреть в законодательстве, что в таких случаях деятельность может осуществляться на всей территории страны без каких-либо ограничений [3, с. 24].

Одной из проблем, возникающей у лицензиатов и лицензирующих органов при переоформлении лицензии является то, что заявление о переоформлении лицензии подается в лицензирующий орган, предоставивший лицензию. Вместе с тем на практике в некоторых случаях реализовать в полном объеме данное требование невозможно.

Так, например, в случае наличия лицензии, полученной лицензирующим органом субъекта Российской Федерации, и желания лицензиата осуществлять лицензируемый вид деятельности на территории иного субъекта Российской Федерации, подать заявление о переоформлении лицензии (уведомление) необходимо в лицензирующий орган субъекта Российской Федерации, на территории которого планируется соответствующая деятельность. Аналогичная проблемная ситуация может возникнуть и в случае переоформления лицензии при реорганизации юридического лица и нахождении соответствующих юридических лиц на территориях разных субъектов Российской Федерации [2, с. 691].

Также Закон не предусматривает сроков, в течение которых лицензиатом должны быть поданы документы на переоформление лицензии.

Выявленные проблемы, неопределенность в понимании многих существенных моментов лицензирования отдельных видов деятельности позволяет сделать вывод о необходимости повышения качества правового регулирования общественных отношений в этой сфере.

В этой связи должна быть продолжена работа: по унификации лицензионного законодательства, посредством сокращения объема подзаконного регулирования; по установлению лицензионных требований для каждого подлежащего лицензированию вида предпринимательской деятельности (как для общих видов, так и для подвидов); упрощена процедура переоформления лицензии в связи с изменением места осуществления деятельности лица, а именно заменена подача заявления в лицензирующий орган и последующая проверка на уведомительный порядок; произведена оптимизация лицензионного производства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
2. Военкова Н.П. К вопросу о некоторых актуальных проблемах, возникающих при переоформлении лицензии // Административное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 687-699.

3. Кнутов А.В., Чаплинский А.В. Лицензирование отдельных видов экономической деятельности: история развития и современное состояние // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. №1. С. 21-25.

4. Троценко О.С. Проблемы лицензирования предпринимательской деятельности (Гражданско-правовой аспект). Автореф. Екатеринбург, 2005. – 176 с.

5. Юрьева Ю.С. О правовой природе института лицензирования // Административное право и процесс. 2008. №1. С. 26-34.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Калашников В.С.

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В данной статье рассматриваются проблемы современного законодательства о банкротстве физических лиц. Также проводится анализ баланса интересов сторон при процедуре банкротства. Федеральный закон «О банкротстве» имеет большое значения для всего общества, так как он является значимым способом обеспечения конституционного права на достойную жизнь.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, законодательство о банкротстве, баланс интересов сторон, принцип добросовестности.

В 2015 году в силу вступил закон, предусматривающий возможность признания физического лица банкротом. Нормы, содержащие порядок банкротства гражданина, были включены в Федеральный закон «О несостоятельности» десятой главой 1 октября 2015 года. Предусматриваются процессуальные особенности, а также последствия признания несостоятельности. Это объясняет актуальность данной статьи.

Следуя из доклада председателя Арбитражного суда Саратовской области, из рассмотренных 28 847 дел, 128 заявлений были о признании гражданина банкротом. Это составляет 0,004% от общего числа рассматриваемых дел.

Несмотря на то, что нововведение позволяет избежать долговых обязательств, воспользоваться своим правом решились единицы. Остановило потенциальных банкротов от подачи заявления в 2015 году незнание многих аспектов нового на тот момент закона. По словам руководителя Верховного Суда РФ Вячеслава Лебедева, всего в Российской Федерации было подано 4 тысячи заявлений о банкротстве.

На практике юристы сталкивались с клиентами, которые имели признаки банкротства, но не желали участвовать в судебных разбирательствах по данной категории. Непонимание и низкий уровень просвещенности отпугивали значительное большинство таких клиентов. Также стоп фактором является экономическая составляющая. Денежная дороговизна признания гражданина, неспособным платить, является главным парадоксом в концепции закона. Этот факт подтверждается необходимостью выплаты вознаграждения финансовому управляющему, оплатой публикаций и прочего. У человека возникает обязанность подачи заявления, которую он не может реализовать – это то, с чем пришлось столкнуться в процессе наблюдения, и то, что действительно необходимо изменить.

Тем не менее происходит рост подачи заявлений о банкротстве. Уже в первом квартале 2017 года количество дел о признании должника несостоятельным составило 34 595. В свою очередь, во втором квартале 2016 года количество дел составляло 10 234.

Постоянный рост процедур банкротства связан с тем, что раньше исследования данного института не проводились комплексно. До 2015 года все научные работы были посвящены рассуждениям о целесообразности введения данных норм. Во времена Советского Союза институт банкротства граждан исследовали такие учёные-юристы, как Ю.П. Титов, Е.А. Васильев, А.Г. Лордкипанидзе. После распада СССР о себе заявили такие исследователи различных аспектов данного вопроса, как А.И. Гончаров, С.А. Карелина, М.В. Телюкина.

Однако, полного исследования в научной сфере, посвященного балансу интересов, по действующему законодательству не проводилось.

На первый взгляд, экономически слабой и, соответственно, слабой стороной в правоотношении, является физическое лицо. И говоря о балансе интересов при банкротстве, закон наделяет наибольшими правами гражданина, нежели банки.

В 2017 году, правительство Российской Федерации предложило новый порядок реализации имущества граждан. Речь идёт о реализации единственного пригодного для проживания недвижимого имущества гражданина. Согласно проекту статьи гражданско-процессуального кодекса, такая возможность может существовать, при этом, не нарушая конституционные права граждан.

Так, несмотря на сравнительную новизну и неопределенность во мнении по поводу возможности банкротства, данный правовой институт не является новым как в зарубежной, так и в отечественной цивилистике. Значительный ряд концепций и положений дореволюционных правовых актов отчасти проявил своё отражение в современном законодательстве.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» принят и в интересах граждан, попавших в долговые обязательства, и для кредиторов, которые могут взыскать долг за счёт конкурсной массы.

Принимая во внимание основные положения закона о банкротстве физического лица, стоит отметить, что кредитная организация и гражданин как кредиторы имеют одинаковое положение, в то время как банк, до выдачи кредита, проводит анализ финансового состояния заёмщика. Банк подчиняется правилам риск-менеджмента, а именно: в процентной ставке заложен риск невыплат. То есть, если банк сделает кредитную ставку меньше необходимого, могут наступить рискованные события для банка, и невыплаченные кредиты потянут финансовое состояние кредитной организации вниз. В свою очередь, если кредитная ставка будет больше необходимого, то заёмщик может уйти в банк с меньшим процентом по кредиту. Банк является сильной стороной, в правоотношениях с заёмщиком. Банк работает на выгодных для него условиях, предвидя большинство рискованных ситуаций и сводя их к минимуму.

Если взять во внимание правоотношения, где сторонами являются физическое лицо и другое физическое лицо, то можно сделать обратный вывод. У гражданина более ограниченный запас денежных средств, нежели у кредитных организаций. Он не всегда может предусмотреть наступление негативных событий, связанных с неплатёжеспособностью заёмщика. Служба безопасности банка, в том числе, проверяет кредитную историю своего потенциального заёмщика. В свою очередь у физического лица такой возможности нет. При моделировании ситуации, в которой

гражданин берёт в долг сумму, невыплата которой может привести к банкротству, а именно 300 тысяч рублей, можно сделать некоторый вывод.

В соответствии со статьёй 11 Федерального закона от 02.12.1990 N 395-1 "О банках и банковской деятельности" минимальный размер уставного капитала банка должен составлять не менее 300 миллионов рублей. Средняя заработанная плата в Саратовской области, по данным интернет сайта bs-life.ru составляет 23,43 тысячи рублей в месяц. Получается, что два вида кредиторов – кредитная организация и физическое лицо – одинаковы в правах на получение денежных средств несмотря на то, что для обычного гражданина сумма в 300 тысяч рублей является более значительной.

Как отмечает доктор юридических наук Голубцов В.Г., модой в современной отрасли гражданского права стало внимание к принципу добросовестности в законодательстве. Данный принцип получил своё отражение в Гражданском кодексе в пункте 3 статье 1. Гражданский кодекс так же провозглашает презумпцию добросовестности. Изучая вопросы, связанные с банкротством граждан, можно убедиться в том, что и данная отрасль соответствует принципам добросовестности должника. И в Постановлении Пленума Верховного Суда говорится о том, что в случае установления факта недобросовестности в предоставлении сведений при банкротстве правила закона о банкротстве не подлежат применению. Это закрепление вышеупомянутого принципа является одновременно и санкцией. Законодатель даёт понять, что процесс банкротства не является универсальным инструментом избавления от долгов. Цель его состоит в том, чтобы были удовлетворены требования и интересы всех сторон.

Так, основными плюсами банкротства являются:

- в отличие от процедуры по взысканию долга при исполнительном производстве, при процедуре банкротства должнику может даваться отсрочка погашения долга;
- существует несколько разных вариантов по удовлетворению кредиторских требований.

Можно выделить основные проблемы, связанные с банкротством физических лиц:

- для несостоятельного гражданина процедура банкротства приносит значительные финансовые затраты;
- сложность в сборе документов для подачи заявления;
- банк и гражданин как кредиторы имеют одинаковые последствия при признании своего должника банкротом, в то время как для гражданина-кредитора прощение долга более негативно, чем для банка.

В целях закрепления принципа справедливости, а также совершенствования законодательства предлагается:

- Не списывать долг перед физическими лицами полностью. Установить минимум обязательной выплаты, которая будет взыскиваться в размере 10% с каждой зарплаты должника на протяжении пяти лет; в случае, если кредиторов-граждан несколько, то с распределением равномерными долями в том же процентном соотношении.

- Отказаться от обязательного участия арбитражного управляющего. Сделать возможным участие в роли финансового управляющего адвокатов, что значительно повысит предложение на рынке, а значит, понизит цену на услуги.

В целом, принятие данного закона является важной частью нашей правовой системы. Это связано и с личными правами людей. В случае невозможности оплатить свои долги человек подвергается множеству негативных социальных факторов, вплоть до самоубийства. Данный цивилизованный способ решения финансовых трудностей является значимым способом обеспечения конституционного права на достойную жизнь.

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 "О банках и банковской деятельности".
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2017).

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Комаров М.А.

магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с освобождением несовершеннолетнего от уголовной ответственности путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Исследуется и анализируется применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовная ответственность, освобождение, принудительные меры.

Проблема преступности несовершеннолетних всегда актуальна для общества, ведь от того, как она решается, зависит не только состояние и тенденции преступности в будущем, но и моральный климат в обществе в целом [11]. Исследуя причины такого сложного явления, как преступность несовершеннолетних, необходимо рассматривать все факторы, которые могут ее детерминировать, комплексно, в совокупности, не пытаясь абсолютизировать, или выделить один из них. Ведь несовершеннолетие – это период, когда молодой человек формируется как физически, так и психически, а поэтому значительно легче и больше подпадает под влияние окружающей среды. При этом несовершеннолетние пользуются особой защитой государства, в том числе и в рамках уголовно-процессуального права [12].

Принудительные меры воспитательного воздействия – приоритетная форма разрешения уголовно-правового конфликта, в котором участвует несовершеннолетний. Это положение продиктовано принципами гуманизма, справедливости и экономии мер уголовной репрессии.

Закон дает возможность суду, с учетом положений статьи 96 УК РФ, освободить от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспита-

тельного воздействия лицо, которое совершило преступление в возрасте 18-20 лет [1].

Пленум Верховного Суда РФ также ориентирует суды максимально гуманно применять нормы уголовно-правового воздействия к несовершеннолетним. В частности, Пленум ВС РФ указывает, что «суды не должны допускать случаев применения уголовного наказания к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление и перевоспитание может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ» [4].

Суды применяют принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступления, на основании ст.ст. 90 и 92 УК РФ. Эти нормы различаются правовой природой и процедурой применения. Меры, которые заложены в этих статьях, могут применять комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав к несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, на основании Федерального закона от 21.05.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3].

Статья 90 УК РФ определяет особенности применения принудительных мер воспитательного воздействия в порядке освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. Этот специальный вид основания освобождения от ответственности дополняет общий перечень оснований, установленных гл. 11 УК РФ. В связи с этим в каждом случае рассмотрения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего судам необходимо обсуждать вопрос о возможности применения к нему положений ст.ст. 75–78 УК РФ (ст.ст. 24–28 УПК РФ) об освобождении от уголовной ответственности.

Общие основания предусматривают безусловное и необратимое, а значит более льготное, освобождение от уголовной ответственности. Поэтому с учетом конкретных обстоятельств дела и личности несовершеннолетнего общие основания могут обладать приоритетом по отношению к положениям ст. 90 УК РФ.

В новых разъяснениях Пленум ВС РФ прямо указал, что если имеется несколько нереабилитирующих оснований, то суд в целях соблюдения требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела по каждому из этих оснований. Суд прекращает дело по тому основанию, против которого лицо не возражает [5].

Более того, при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные гл. 14 УК РФ. В частности, исчисление сроков давности уголовного преследования, погашения судимости, размер штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д. [6].

Основания освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия определены в ч. 1 ст. 90 УК РФ. Суд может освободить от уголовной ответственности несовершеннолетнего лицо, если существует одновременно несколько условий.

Во-первых, если лицо совершило преступление до достижения совершеннолетия. Не важно, совершено ли преступление впервые и было ли лицо ранее осуждено, применялись ли к нему прежде принудительные меры воспитательного воздействия.

Закон не урегулировал вопрос о возможности применения ст. 90 УК РФ в отношении лица, совершившего преступление до достижения 18 лет, но в момент принятия решения по уголовному делу достигшего совершеннолетия. Однако представляется, что освобождение такого лица от уголовной ответственности на основании ст. 90 УК РФ, по общему правилу, невозможно. В то же время закон не исключает возможности с учетом положений ст. 96 УК РФ освободить от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия лицо, которое совершило преступление в возрасте 18–20 лет.

Второе условие освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности – совершение им преступления небольшой или средней тяжести. По общему правилу категория преступления определяется законом на момент совершения деяния, но с учетом правил действия УК РФ во времени. В связи с этим законодательное изменение категории преступления в сторону понижения, согласно правилам ст. 10 УК РФ, следует рассматривать как «иное улучшение положения лица, совершившего преступление». Однако, если категория преступления изменилась после осуждения несовершеннолетнего, то суд не может применить в отношении него ст. 90 УК РФ. При этом не исключена возможность назначения ему принудительных мер воспитательного воздействия на основании ч. 1 ст. 92 УК РФ. Если при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего суд найдет основания для изменения категории совершенного им преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ, то применение ст. 90 УК РФ также становится невозможным. Однако суд вправе применить принудительные меры воспитательного воздействия в порядке ч. 1 ст. 92 УК РФ.

Третье условие освобождения от уголовной ответственности – когда суд признает, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Если первые два условия являются формальными, то последнее – оценочное. Вывод о том, что к несовершеннолетнему достаточно применить меры воспитательного воздействия, суд может сделать при надлежащей оценке всех обстоятельств совершенного преступления. В частности, личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания, механизма совершения преступления, постпреступного поведения и иных факторов.

Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 90 УК РФ возможно на любой стадии уголовного процесса: с момента вынесения постановления о привлечении несовершеннолетнего лица по делу в качестве обвиняемого и до удаления суда в совещательную комнату.

Следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе вынести постановление (единое) о прекращении уголовного преследования и путем представления ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ. Это постановление руководитель следственного органа или прокурор направляет вместе с уголовным делом в суд (ст. 427 УПК РФ).

Суд, не делая вывода о виновности несовершеннолетнего, должен убедиться на основании материалов дела, что преступление действительно имело место, что оно совершено несовершеннолетним, который может быть исправлен мерами воспитательного воздействия. Если суд оставит без оценки и проверки эти обстоятельства, то это будет существенным нарушением уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), которое повлечет отмену постановления [2].

Рассмотрев постановление органа предварительного расследования, суд выносит мотивированное постановление (единое) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, освобождении его от уголовной ответственности и о применении к нему принудительной меры воспитательного воздействия. Суд может прийти к выводу о том, что несовершеннолетний не причастен к преступлению, нет доказательств события преступления или к моменту рассмотрения материалов дела преступность деяния была устранена вступившим в силу новым уголовным законом. В этих случаях суд выносит на основании общих норм УПК РФ постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования без применения мер воспитательного воздействия.

Если суд придет к выводу о том, что следствие неправильно установило основания освобождения от уголовной ответственности, он вправе в соответствии со ст. 237 УПК РФ вернуть материалы дела прокурору.

В соответствии с правилами ст. 125 УПК РФ суд вправе признать постановление о прекращении уголовного преследования незаконным или необоснованным и направить свое постановление руководителю следственного органа для исполнения. В этих случаях расследование уголовного дела в отношении несовершеннолетнего продолжается. При этом органы расследования вправе повторно обратиться в суд с ходатайством о применении принудительной меры воспитательного воздействия.

Принять решение об освобождении от ответственности на основании ст. 90 УК РФ суд может и самостоятельно. По уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, суд вправе вынести постановление (единое) об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и применении к нему принудительной меры воспитательного воздействия. Такое решение суд может принять как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства.

Статья 90 УК РФ устанавливает нереабилитирующее основание освобождения от ответственности. Поэтому орган расследования или суд может принять решение о прекращении уголовного преследования или уголовного дела только при согласии несовершеннолетнего обвиняемого или подсудимого. Если несовершеннолетний или его законный представитель возражает против этого, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке. Однако суд может применить принудительные меры воспитательного воздействия на основании ст. 92 УК РФ при освобождении несовершеннолетнего от уголовного наказания.

Принудительный характер мер воспитательного воздействия определяется тем, что при освобождении от уголовной ответственности они применяются вне зависимости от желания или согласия несовершеннолетнего или его законного представителя (кроме меры в виде передачи под надзор родителей). Исполнение этих мер также обеспечено государственным принуждением.

Принимая решение о применении принудительной меры воспитательного воздействия на основании ст. 90 УК РФ, суд должен разъяснить несовершеннолетнему и его законному представителю положения ч. 4 ст. 90 УК РФ. В частности, что в случае систематического неисполнения принудительной меры суд ее отменит и направит материалы дела для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Факт такого разъяснения суду нужно отразить в протоколе судебного заседания.

Контроль за исполнением требований принудительной меры воспитательного воздействия суд вправе возложить на специализированное учреждение для несовершеннолетних. Это суд отражает в постановлении о применении (ч. 4 ст. 427 УПК РФ). Вид такого учреждения или органа законом не определен. Пленум Верховного Суда признает таковым участковую комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Статья 90 УК РФ устанавливает исчерпывающий перечень принудительных мер воспитательного воздействия. Это:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо направление несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков к его исправлению, но на срок не более 3 лет [7, с. 701], что уже соответствует такой мере наказания как ограничение свободы;
- возложение на несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста и имеющего имущество, средства или заработок, обязанности возмещения причиненного имущественного вреда. Однако по сути это является другой интерпретацией наказания в виде штрафа;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению на срок, определяемый судом.

В случае уклонения несовершеннолетнего от принудительных мер воспитательного характера эти меры отменяются, и к несовершеннолетним применяется наказание, определенное приговором суда [9, с. 142].

Законодатель установил правило, согласно которому суд может назначить несовершеннолетнему одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия. Сами меры при этом не подразделяются на основные и дополнительные.

Если несовершеннолетний систематически не исполняет назначенную ему меру, то по представлению специализированного государственного органа суд отменяет ее, а материалы дела направляет для привлечения его к уголовной ответственности. Если несовершеннолетний систематически не исполняет принудительную меру воспитательного воздействия, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав вправе обратиться в суд с представлением об отмене этой меры.

Систематическим неисполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия понимается неоднократное (более двух раз) нарушение в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия. Например, нарушения ограничений досуга, особых требований к поведению, которые зарегистрировала комиссия по делам несовершеннолетних.

Если в период исполнения срочной меры воспитательного воздействия несовершеннолетнее лицо совершит новое преступление, то само по себе это не означает неисполнения этой меры и не влечет ее отмены. Если суд назначил несовершеннолетнему одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия и в течение определенного срока он допустил единичные нарушения (не более двух раз по каждой из них), такие нарушения не являются систематическими и не дают оснований для отмены принудительных мер воспитательного воздействия.

Представление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав об отмене принудительной меры воспитательного воздействия суд рассматривает в порядке ст. 399 УПК РФ.

Если меры воспитательного воздействия применялись по ходатайству органа предварительного расследования, суд выносит решение об отмене постановления суда о прекращении уголовного дела и направляет его вместе с материалами дела руководителю следственного органа или начальнику органа дознания. Следователь (дознатель) должен окончить расследование дела и составить обвинительное заключение (акт) [8].

Если меры воспитательного воздействия применил непосредственно суд при рассмотрении или подготовке к рассмотрению уголовного дела, то суд отменяет решение о применении принудительной меры и направляет уголовное дело на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции со стадии судебных прений для решения вопроса о выборе необходимой формы реализации уголовной ответственности несовершеннолетнего. При этом закон не содержит запрета на освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ при повторном рассмотрении его дела судом.

Суд не вправе в порядке ст. 399 УПК РФ изменить или продлить принудительные меры воспитательного воздействия либо заменить их иными мерами (уголовным наказанием).

При расследовании и рассмотрении уголовных дел в случае отмены решения о применении принудительной меры воспитательного воздействия на основании ч. 4 ст. 90 УК РФ органу расследования и суду следует помнить о сокращенных сроках давности привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ст. 94 УК РФ) [10].

Таким образом, основной проблемой уголовной ответственности несовершеннолетних является определение выбора между наказанием и применением мер воспитательного характера, а также применение мер наказания, которые будут действовать в рамках дальнейшей гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних. Однако надо учитывать, что как это уже не раз указывалось, данные меры должны быть применимы к каждому отдельному случаю индивидуально и полностью соответствовать психологическим и культурным особенностям подростка. Поскольку в случае постоянного смягчения наказания для всех несовершеннолетних преступников не позволит эффективно бороться с преступностью на должном уровне.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4, апрель.
5. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : пункт 23 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016) // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8.

6. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : пункт 5 постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2016 г. № 56 // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1.

7. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.

8. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 113-120.

9. Осадчая Н.Г. Проблемы применения наказаний, не связанных с изоляцией к несовершеннолетним преступникам // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 1-5. С. 140-143.

10. Рыжаков А.П. Уголовная ответственность несовершеннолетних // СПС КонсультантПлюс. 2016.

11. Пархоменко С.В., Радченко Е.В. Преступность: проблемы уголовно-правового регулирования // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №1. С. 63-70.

12. Пархоменко С.В., Литвинцев А.А. Наемничество в отношении несовершеннолетнего В сборнике: Несовершеннолетний как субъект права. Материалы Всероссийской научно-практической конференции // Министерство образования и науки РФ ФГБОУ-ВО «Иркутский государственный университет», Юридический институт. 2015. С. 115-118.

ОСОБЕННОСТИ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Комаров М.А.

магистрант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

В данной статье рассмотрены проблемы связанные с особенностями наказания несовершеннолетних по уголовному праву Российской Федерации. Исследуются российские нормативные источники института наказания несовершеннолетних, возраст человека с которого может наступать уголовная ответственность, анализируется вид наказания, назначаемого несовершеннолетним – лишение свободы на определенный срок.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовная ответственность, наказание, лишение свободы.

Преступность среди несовершеннолетних является крупной социальной проблемой в любом обществе, не является исключением и Российская Федерация. Но даже если подросток переступил закон, отношение к нему не может быть таким же как к взрослому человеку совершившего подобное деяния. Таким образом появляются Особенности наказания несовершеннолетних за совершенные преступления.

Основанием уголовной ответственности, несовершеннолетних, как известно является совершение преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В УК РФ, в разделе V регламентированы особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (гл. 14 УК РФ) [1]. Это связано с тем, что применять меры уголовной ответственности, которая является самым строгим видом юридической ответственности, в отношении этой категории лиц необходимо, исследуя социально-

психологическую характеристику личности, оценку рисков совершения повторного преступления, возрастные и психологические особенности несовершеннолетнего, что и обозначено в ст. 89 УК РФ. В соответствии со ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются физические лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

В юридической литературе, однако, не существует единого мнения по этому поводу и указывается на необходимость конкретизации данного положения при назначении несовершеннолетним наказания или освобождения от него. Так, в этой связи примечательно мнение А. О. Долматова, который, признавая значимость законодательного регламентирования положений ст. 89 УК РФ, указывает, что «Закрепление необходимости учета «иных особенностей личности» можно трактовать излишне широко. Таким образом, возникает необходимость корректировки законодательной формулировки «иные особенности личности» на «возрастные особенности личности». Данное положение позволит избежать двойного учета одних и тех же особенностей, а также необоснованного увеличения наказания или его уменьшения» [5, с. 9].

В целом соглашаясь с тем, что формулировка, закрепленная законодателем в ст. 89 УК РФ является несколько расплывчатой, нельзя ее сводить только к возрастным особенностям личности, поскольку их изучение невозможно в отрыве от личности несовершеннолетнего преступника. Возрастные особенности несовершеннолетних обуславливают целесообразность освобождения данной категории лиц от уголовного наказания, поскольку именно они зачастую служат основой их преступного поведения.

Судебной практикой РФ произведены расчеты размеров и сроков определенной последовательности назначения несовершеннолетним наказания, например результат уменьшается на $\frac{1}{2}$ или на $\frac{1}{4}$, если наказание признается за приготовление или покушение на убийство (ст. 66, 88 УК РФ), а если во время действия несовершеннолетний преступник раскаялся, применяются нормы о смягчении наказания (ст. 62 УК РФ) [3].

Отдельно надо сказать о специальных возрастных ограничениях. В настоящее время почти все страны мира устанавливают определенные возрастные рамки уголовной ответственности. В. В. Богданов, Ф. В. Габдрахманов, О. В. Корнеева, проанализировав особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в России, Белоруссии и Казахстане, отметили схожесть подходов национальных законодательств в вопросах сужения круга уголовных наказаний, снижения верхних и нижних пределов наказаний, учета международного законодательства в части гуманизации уголовной ответственности несовершеннолетних. Границы возраста уголовной ответственности широко варьируются в зависимости от исторических и культурных особенностей соответствующей страны (от 7 до 18 лет) [7, с. 538].

Уголовно-правовой режим несовершеннолетних в России (особенности уголовной ответственности несовершеннолетних) предусматривает значительное смягчение репрессивных мер в отношении лиц подросткового возраста вследствие их психофизиологической и социальной незрелости, не сформировавшейся у них системы социальных ориентиров, значительной подверженности влиянию со стороны взрослых преступников [2].

Рассмотрим самую серьезную меру наказания – лишение свободы на определенный срок. Меры, связанные с изоляцией несовершеннолетних, должны применяться лишь в случаях крайней необходимости. Данные региональной судебной

статистики свидетельствуют о гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики в отношении несовершеннолетних.

В ст. 88 УК РФ урегулированы определенные особенности назначения строгого вида наказания, которое может быть применено к несовершеннолетним. Так, в соответствии со ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы лицам, не достигших к совершению преступления 16 летнего возраста, может быть назначено на срок не более 6 лет, кроме случаев совершения особо тяжкого преступления, соединенного с умышленным лишением жизни человека, лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему, впервые совершил преступление небольшой тяжести. При этом в ст. 89 УК РФ отмечены особые условия назначения наказания с учетом всех факторов предшествующих совершению преступления.

При назначении наказания несовершеннолетнему совокупность преступлений или приговоров, окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать десяти лет. Лишение свободы на определенный срок является самым суровым наказанием, примененным к несовершеннолетнему лицу, которому на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет. Это наказание должно применяться к лицам только тогда, когда у суда есть убеждение, что применение более мягкого наказания не будет способствовать исправлению осужденного. Выводы суда о необходимости применения к несовершеннолетним лишения свободы, если санкцией статьи, по которой он осуждается, предусмотрены и другие виды наказаний, должны быть мотивированным в приговоре.

Но даже в случае реального наказания с отбыванием его в исправительном учреждении, есть определенные послабления. Так в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством РФ, осужденные несовершеннолетние отбывают наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях, в которых они содержатся отдельно от взрослых. Это обусловлено необходимостью предупреждения отрицательного влияния более опытных взрослых преступников на несовершеннолетних [9, с. 75].

Несовершеннолетние осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы на определенный срок в воспитательных колониях и переводятся из воспитательной колонии в исправительную колонию минимального уровня опасности с общими условиями содержания после достижения ими совершеннолетия для дальнейшего отбывания наказания.

Согласно официально опубликованным данным, в ведении Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) функционируют 23 воспитательных колонии, расположенные в 23 субъектах Российской Федерации. Из них 21 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 (в Белгородской и Томской областях) – для содержания несовершеннолетних женского пола. На 01.07.2017 отбывали наказание в воспитательных колониях 1530 осужденных, в т. ч. 106 несовершеннолетних женского пола. Доля несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, по видам преступлений: осуждены за кражу 15,6%, за грабеж 13,8%, за разбой 12,0%, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью 11,6%, за убийство 9,1%, за изнасилование 11,6%, прочие преступления 26,3% [10].

Однако, как уже говорилось, суды как правило идут на смягчение наказания, в частности часто используют условную форму. Надо сказать, что условное осуждение – это основное средство уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, однако, имеющий низкий коэффициент эффективности. Стоит отметить,

что в странах с развитой ювенальной юстицией условное осуждение применяется в комплексе средств социального воздействия под названием «программы воспитательного правосудия», как дополнительная форма традиционного правосудия.

Принудительные меры воспитательного характера являются наиболее гуманным способом освобождения несовершеннолетних от наказания и его отбывания, основной целью которого выступает экономия репрессии, и заключаются в максимальном избежании применения к несовершеннолетним любых ограничений их прав и свобод. В этом контексте отметим, что следует согласиться с О. Н. Антиповой, которая отмечает, что «целью принудительных мер воспитательного характера, применяемого к несовершеннолетним, являются: пресечение преступной деятельности подростков и привлечения их к положительной социальной деятельности, в том числе и путем устранения причин и условий, формирующих противоправные действия; исправление несовершеннолетнего с помощью принудительных мер воспитательного характера, а также предупреждение совершения новых преступлений со стороны подростка и других лиц» [4, с. 73].

Такая система существует на основе уголовно-исполнительного законодательства. В соответствии с тем, на каких условиях отбывает наказание несовершеннолетний, и определяется объем его прав и свобод в учреждении. Характерной особенностью воспитательных колоний является то, что в них создаются льготные условия содержания осужденных по сравнению с колониями для совершеннолетних преступников.

Основная цель и роль пенитенциарного учреждения не только наказание путем лишения свободы, но главное осознание вины осужденными подростками и их перевоспитание, что и объясняет особые условия содержания и порядок данного учреждения. Несовершеннолетние – особый контингент отбывающих наказание, который требует более мягких условий содержания по отношению к взрослым преступникам. В воспитательной колонии необходимо применять весь спектр воспитательно-педагогических методов для успешной адаптации подростка в обществе после освобождения, а также приучения их к трудовому образу жизни.

Однако к мерам воспитательного характера в таком аспекте, среди специалистов по ювенальной юстиции довольно разное отношение. Одни ученые предлагают расширить их применение, разрешить их использование по решению комиссии по делам детей и по желанию родителей, а не только по решению судов; активизировать работу социально-педагогических и психологических центров для выявления детей с риском десоциализации еще на стадии начальной школы, с целью оказания им своевременной помощи; создать программы по упорядочению работы комиссий по делам детей, а также школ для учеников со специальными воспитательными потребностями.

Другие, наоборот, считают целесообразным ограничить применение этой меры уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних. Нам импонирует мнение Ю. А. Кашуба, который отмечает, что «с самого начала создания таких учреждений направления в них несовершеннолетних рассматривают далось как своеобразный вид лишения свободы» [6, с. 23]. Заметим, что главной идеей ювенальной юстиции является преимущественное использование мер, не предусматривающих содержания несовершеннолетних в исправительных учреждениях. Это связано с тем, что негативные последствия этого мероприятия могут быть значительными, поскольку лишение свободы, изоляция от общества сказываются на несовершеннолетних в большей степени, чем на взрослых и затрагивающих несовершеннолетнего на начальной стадии развития его личности.

При этом в отличие от наказания, принудительные меры воспитательного характера не влекут за собой судимости. Применение условно-досрочного освобождения несовершеннолетних от отбывания наказания регламентировано специальной нормой – ст. 93 УК РФ, однако применяются и предписания, содержащиеся в общей норме об этом виде освобождения от наказания – ст. 79 УК РФ.

Кроме того, законодатель сократил размеры наказаний, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, погашения судимости при применении их к несовершеннолетним. Еще одной особенностью является применение к ним видов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания, предусматривающих применение принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, основной проблемой уголовной ответственности несовершеннолетних является определение выбора между наказанием и применением мер воспитательного характера.

В заключение хотелось бы сказать, что подрастающее поколение – это будущее нашего государства. Поэтому подростки с их еще не устоявшимся мировоззрением и подвижной системой ценностей должны быть объектом повышенного внимания и заботы. Действующий УК РФ учитывает относительную гражданскую, физическую и духовную незрелость несовершеннолетних содержит ряд норм, позволяющих дифференцировать и индивидуализировать их ответственность за преступления в сторону ее гуманизации.

Также необходимо отметить, что при назначении наказания надо ставить акцент на перевоспитании несовершеннолетних. И это целесообразно, так как усилением ответственности подростков за совершенные ими правонарушения проблему преступности не решить.

Особенности назначения наказания несовершеннолетним, равно как и ограничение их видов при осуждении таких лиц, создают необходимые предпосылки для достижения в этих случаях, целей уголовного наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения новых преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4. апрель.
4. Антипова О.Н. Некоторые особенности назначения наказания несовершеннолетним // Проблемы права. 2016. № 5. С. 73-76.
5. Долматов А.О. Специальные обстоятельства, подлежащие особому учету при назначении уголовного наказания несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014. 11 с.
6. Кашуба Ю.А. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб. : Мир, 2015. 125 с.
7. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.

8. Мамедов А.И. Помещение судом несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 15 с.

9. Пархоменко Д.А. Кратность преступлений как основание дифференциации уголовной ответственности // Закон и право. 2017. Т. 8. № 8. С. 75-78.

10. Статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). URL: <http://www.fsin.su/structure/social/vosp%20kolonii/> (дата обращения: 28.09.2017).

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВА

Кузнецов Н.А.

студент юридического факультета,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются историко-правовые вопросы формирования государственных образований и становления правового сознания и правовой культуры. Важность изучения развития государственности обосновывается с позиций социального предназначения права и государства.

Ключевые слова: право, государство, правосознание, правовая культура, социальное государство.

Сам по себе процесс возникновения государства представляет значительный научный и практический интерес. Его изучение необходимо, прежде всего для того, чтобы лучше понять особенности и закономерности, сущность государств, а также для выявления исторических тенденций его развития в будущем. Процесс происхождения государства позволяет глубже понять социальную и правовую природу государства, черты и особенности.

Проблема происхождения первых государств волновала и интересует многих ученых – юристов до сих пор. Её изучали философы, историки, правоведы, антропологи, археологи, социологи, юристы, экономисты, и многие другие. «Объективный исторический взгляд позволяет уверенно констатировать: прошедшие столетия подтвердили необходимость государства как явления общественной жизни... государство как форма системной организации общества оказалась весьма жизнестойким, позволило обеспечивать целостность общества и консолидацию населения», справедливо отмечает известный теоретик права и государства Ю.А. Тихомиров [7, с. 12, 13].

Важным достижением фундаментальной юриспруденции последних десятилетий можно считать то, что на основании сравнительных общеправовых и конкретно-исторических исследований удалось заложить основы новой общей теории государства и права, изучающей социокультурные, политические, экономические и иные процессы эволюции всего общества в целом, государственности.

Как утверждают историки, государство появилось примерно 5-6 тыс. лет тому назад. Человек как разумное существо сформировался примерно 40 тыс. лет назад. Первой в истории человечества формой жизнедеятельности людей, в эпоху от появления человека до образования государства, было первобытное общество. Власть в первобытном обществе – это власть уважения и авторитета, человека, ко-

торый был первым среди равных – старейшины, военначальника, вожака рода. Но в этот период не было еще специальных государственных органов, которые бы контролировали поведение людей (администрации, суда, полиции). Благодаря успехам археологии и этнографии, представления об этапах и тенденциях развития первобытного общества до настоящего времени существенно обогатились. Очень важна для теории государства и права сама периодизация, основанная на данных философии, археологии, истории, юриспруденции.

«Неолитическая революция» в исследованиях общенаучного подхода демонстрирует один из основных этапов развития первобытного общества. На этом этапе происходит переход от «добывающего» образа жизни (охоты, рыболовства и собирательства) к земледелию, скотоводству, металлургии и металлообработке, керамическому производству – т.е. производящему способу жизнедеятельности. Данный переход изменил почти всю материальную основу жизни первобытного общества, её социальную, экономическую, политическую и духовную организацию. Человек начал производить больше, чем потреблять, что требовало специальных (правовых) форм регулирования системы общественных отношений. Это привело не только к становлению и закреплению новых форм собственности – коллективной, групповой, частной, но и к дальнейшему социальному расслоению общества, которое нужно было оформлять соответствующим образом. Происходит «отделение» верхушки общества от основной массы производителей. И эта верхушка не участвует в материальном производстве. Стало быть, «неолитическая революция», переход человечества к производящей экономике приводит объективно к социальной дифференциации первобытного общества, появлению сословий и классов, зарождению первых форм государства и необходимости устанавливать правила поведения людей, не нарушающие порядок в данном обществе.

Первоначальной формой государства становятся города-государства. Население, состоявшее из свободных общинников-земледельцев, представляло не семейную, а соседскую общину. Последняя выделяется из некоторой группы селений и постепенно перерастает в административно-хозяйственный центр-город. Этот город, с прилегающей к нему сельскохозяйственной местностью, становится городом-государством. В нём проживают вожди и жрецы, происходят собрания, заседания советов. Такое государство имеет чёткую социальную дифференциацию, имущественное расслоение, разделение труда здесь закрепляется формально. Территориально появляются кварталы горшечников, ткачей, медников, других ремесленников, выделяется знать, формируется первоначальный аппарат управления обществом. Для содержания государственного аппарата конечно нужны средства. В качестве государственной казны собираются налоги, дань, устанавливаются и другие формы обязательств.

Государственный аппарат для выполнения своих функций наделяется властью, т.е. возможностью, когда возникает необходимость, с помощью принуждения, насилия подчинять другие слои населения своей воле, обеспечивать достижение тех или иных поставленных властью целей. Для этого в первичном государстве, в отличие от социальной организации первобытного общества, появляются такие специфические социально – правовые структуры как суды, тюрьмы, полиция, армия, другие органы государства, ориентированные на возможность применения принуждения.

Появление государства стало объективной необходимостью развития человеческой цивилизации, которая не могла оставаться в родоплеменных рамках, на

данном организационном этапе своего существования. Оно возникает как необходимость более совершенного и эффективного человеческого общежития, как потребность естественного стремления людей к более справедливой и разумной самоорганизации. Немаловажной причиной возникновения государства является необходимость защиты и укрепления своих территорий от внешних врагов, охраны личной и государственной собственности.

Наряду с государством право и правовая культура возникают тогда, когда появляются сословия, классы, власть и т.д., когда возникает необходимость осуществлять правосудие, в том числе при помощи государственного принуждения. Государственное принуждение к выполнению установленных правил считалось «отправной точкой» между доправовой и правовой организацией общества. Необходимость устанавливать наказание в целях сохранения целостности государства осознается формируемой властью [4]. Таким образом, эволюция всех сфер жизни социума порождает необходимость установления одних видов общения, отказ от других, воспроизводство новых способов жизнедеятельности [2, с. 50].

Правовая культура является одним из особо важных элементов правовой системы в любом государстве. Хотелось бы отметить, что правовая культура определяет уровень правосознания, правопонимания и законности. Понимание права в период становления государства, по мнению правоведов, было идеальным. То есть право представлялось членами догосударственного общества справедливой и разумной мерой свободы и равенства, и воля установления такого права формировалась в общественном и индивидуальном сознании и осознании необходимости и потребности введения такого института [5].

Особенности правового сознания и правовой культуры того периода составляют отдельный предмет изучения теории права и государства, их развитие зависит от многих факторов (политических, экономических, моральных, психологических и др.), которые в своей совокупности должны быть направлены на предупреждение неодобряемых обществом взглядов внеправового (маргинального) поведения [6].

Под правовой культурой в современной теории права и государства понимается качественное состояние правовой жизни общества, которое отражает уровень развития всей правовой системы и его отдельных элементов: образования, правосознания, правовой науки, действующего законодательства и юридической практики и др., а также степень гарантированности прав и свобод личности государством и гражданским обществом [1].

Ранее, при формировании государственных устройств и правовой культуры необходимо было решить ряд важных задач, а именно:

во-первых, обеспечить надлежащую ориентацию и формулирование основных принципов права;

во-вторых, создать базу для повышения уровня правового поведения субъектов права посредством принятия соответствующих законов и механизмов их реализации.

Особенно важными характеристиками становления правовой культуры являются ее национально-исторические особенности и корни. Они представляют собой «правовую преемственность», так как каждый исторический этап развития государств передает другому свой опыт как основу, из которой должно развиваться новое право. Преемственность определяет связь старого с новым в процессе своей эволюции [8, с. 286-289].

В процессах становления государства большое внимание уделялось государственным и общественным интересам, имеющим большое социальное значение.

Поэтому можно сказать, что история формирования правовой культуры и правового сознания в эволюции государства важна для понимания и формулирования научных положений о социальном государстве, в котором гарантируется достойный уровень жизни человека [3].

Список литературы

1. Власова Т.В. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Власова Т.В., Дуэль В.М., Занина М.А.– Электрон. текстовые данные. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2011. – 213 с.– Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/5768>. – ЭБС «IPRbooks»
2. Солдатов Я.В., Солдатова А.В. Исторические особенности правового регулирования неправомерного поведения. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. В 4-х томах. 2017. С. 49-52.
3. Солдатов Я.В. К вопросу об истории развития теории социального государства. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах. 2016. С. 47-52.
4. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права). Образование и право. 2017. № 3. С. 194-199.
5. Степаненко Р.Ф. Проблемы правопонимания в исследовательских практиках общеправовой теории маргинальности: опыт методологии междисциплинарности. Право и государство: теория и практика. 2015. № 6 (126). С. 25-33.
6. Степаненко Р.Ф. Особенности правового сознания и правовой культуры маргинальной личности. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 25-30.
7. Тихомиров Ю.А. Государство: монография / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
8. Юн Л.В. Исторические особенности эволюции российской правовой культуры (общеправовые аспекты). Образование и право. № 4. 2017 г. С. 286-289.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ладанова А.А.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье в исторической ретроспективе рассматривается становление института обеспечения иска в отечественном процессуальном законодательстве. Исследуется назначение данного института применительно к отечественным реалиям, а также его особенности. Выделяются основные меры обеспечения, присущие каждому конкретному историческому этапу развития России.

Ключевые слова: институт обеспечения иска, меры обеспечения, история, гражданское судопроизводство.

Институт обеспечения иска – это социально-правовое явление, сложившееся в рамках многолетней отечественной традиции. Данный институт всегда находился в развитии, приобретал всё новые уникальные, специфические черты, а также отсе-

кал архаичные элементы. Однако при этом институт обеспечения иска никогда не утрачивал своего значения в современном российском гражданском судопроизводстве, а даже наоборот его роль постепенно возрастала.

Самой первой, известной отечественной литературе мерой обеспечения иска считается поручительство. Данная мера представляла собой основной вид процессуального обеспечения. Благодаря поручительству о явке ответчика в суд обеспечивалось правильное ведение процесса и предупреждался имущественный ущерб одной из сторон. Наряду с поручительством получила распространение и такая уникальная мера обеспечения как кабал. Она представляла собой написание сторонами спорного правоотношения встречных долговых расписок. Однако в сравнении с поручительством кабал применялся значительно реже.

Аналог усовершенствованного поручительства описывается в «Лекциях и исследованиях по древней истории русского права» В.И. Сергеевича. Главное внимание уделяется рассмотрению Судебника 1550 года. Проанализировав его положения, можно понять, что представляло из себя поручительство тех лет. После подачи иска «приставные» (приставы) разыскивали ответчика и «накидывали на него срок», т.е. обязанность явиться в судебное заседание. Ответчик же должен был представить «поруку» в том, что явится в суд. «Поручную запись» должны были подписывать сами поручители; в случае неприезда ответчика они платили штраф, а в ряде случаев всю сумму, требуемую истцом [6, с. 109].

Стоит отметить, что в отечественном законодательстве до 18 века использовались исключительно способы обеспечения иска, связанные с личностью, такие как: упомянутое выше поручительство, отобрание подписки о невыезде, арест, чтобы быть уверенным в том, что ответчик «станет на суд и не съедет с суда».

К началу же 19 века меры против личности перестали применяться практически на всей территории России. Здесь сказалось влияние гражданского процессуального законодательства большинства европейских стран, которое признало, что для обеспечения исполнения решения суда нет необходимости в личной явке ответчика в суд.

Институт мер по обеспечению иска получил дальнейшее широкое распространение в гражданском и коммерческом процессе России 19-20 века. Меры по обеспечению иска все чаще упоминались в законодательных актах того времени, рассматривались в популярных работах авторов дореволюционного периода.

Так, Устав гражданского судопроизводства 1864 года, кардинально пересмотрел большую часть процессуальных норм, существовавших в России до его принятия. Однако это не коснулось правил обеспечения иска. Они были включены в Устав, не претерпев при этом существенных изменений. Это продемонстрировало их практическую ценность для гражданского судопроизводства. По Уставу 1864 года обеспечение иска понималось как принятие судом по просьбе тяжущегося мер, которые гарантировали бы исполнение судебного решения. В соответствии со статьей 602 Устава выделялось четыре способа обеспечения иска: наложение залога на недвижимость, арест недвижимости, поручительство и подписку о невыезде [4, с. 30].

Обеспечение иска получило свое развитие и в созданном позднее проекте изменений Устава в области частного производства и, таким образом, еще раз показало свою теоретическую и практическую значимость.

Однако, Октябрьская революция 1917 года практически уничтожила коммерческий оборот в нашей стране. Это спровоцировало снижение внимания к ме-

рам обеспечения иска в советском гражданском судопроизводстве. Это отчетливо прослеживается в нормах ГПК РСФСР 1923 года, где был минимизирован перечень мер обеспечения иска.

Согласно нормам ГПК 1923 года обеспечение иска заключалось в возможности наложения ареста на имущество ответчика с целью гарантировать истцу возможность исполнить решение суда о присуждении спорного имущества. То есть меры обеспечения иска были связаны только с имуществом и не ограничивали личной свободы должника [1, с. 135].

Начиная с ГПК РСФСР 1964 года началось постепенное укрепление статуса института обеспечения иска. Был расширен перечень мер обеспечения, он включал в себя:

- арест имущества или сбережений, принадлежащих ответчику;
- запрет совершать определенные действия;
- запрет на передачу имущества ответчику другими лицами;
- приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке;
- приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста.

Институт обеспечения иска также укрепил свои позиции в Законе «О Государственном арбитраже в СССР» 1979 года и одноименном Положении, утвержденном постановлением Совета Министров РСФСР в 1980 году [8, с. 134].

Указанные акты уделяли большое внимание институту обеспечения иска. В перечень мер обеспечения они включали наложение ареста на имущество или денежные суммы, принадлежащие ответчику или находящиеся во владении последнего; запрещение ответчику совершать определенные действия; приостановление взыскания по оспариваемому истцом исполнительному или иному документу, по которому взыскание производится в бесспорном (безакцептном) порядке. Помимо этого, арбитр мог совершать и иные действия, направленные на обеспечение правильного и своевременного разрешения спора.

Последующие АПК РФ 1992 года и АПК РФ 1995 года значительно не отличались от принятых ранее гражданско-процессуальных кодексов и специализированных актов [7, с. 56]. В этом смысле стоит выделить современные АПК РФ и ГПК РФ 2002 года. В них уже четко прослеживается особое внимание законодателя к проблемам обеспечения иска. Действующие редакции новых Кодексов уделили внимание положениям, существовавшим в ранее принятых проектах, при этом они в лучшую сторону отличаются от советских предшественников [5, с. 43].

Безусловно, современное гражданское судопроизводство невозможно представить без обеспечения иска. Институт обеспечения иска получил окончательное признание и утвердил свои позиции в ГПК РФ 2002 года и АПК. В современной России он воспринимается как важная гарантия защиты интересов сторон. Действующие ГПК РФ и АПК РФ не только закрепляют перечень мер обеспечения, но и уделяют большое внимание описанию процессуального порядка их принятия, отмены и замены [3, с. 6].

Необходимо отметить, что институт обеспечения иска последовательно развивался на протяжении достаточно длительного периода времени. С каждым вновь принятым законом отношение законодателей к обеспечению иска существенно менялось. Существование в гражданском судопроизводстве данного института на протяжении столь длительного периода времени позволяет считать его частью рос-

сийской правовой традиции. Стоит отметить, что ни один из существовавших в России кодифицированных актов не отказался от категории «обеспечение иска» [2, с. 98].

Список литературы

1. Гурвич М.А. Советское гражданское процессуальное право. М.: Изд. ВЮЗИ, 1957. 370 с.
2. Денисов И.С. Институт обеспечения иска в российском гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 176 с.
3. Игнатович Н.М. Обеспечение иска как способа защиты гражданских прав // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6. С. 5-10.
4. Патрушева Е.Н. Обеспечение иска по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года // Актуальные проблемы права. 2011. № 2. С. 29-32.
5. Помарина Ю.В. Обеспечительные меры в арбитражном процессе // Бухгалтер и закон. № 10. 2008. С. 41-46.
6. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: типография М. М. Стасюлевича. 1910. 674 с.
7. Тимонов М.А. Особенности применения обеспечительных мер в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 189 с.
8. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 133 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Мазец А.А.

кафедра конституционного права и муниципального права,
Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В статье рассмотрены объективные признаки превышения должностных полномочий. Родовой объект превышения должностных полномочий представляет собой совокупность общественных отношений, которые складываются в сфере реализации публичной власти. Видовой объект – это совокупность общественных отношений, которые складываются в сфере деятельности органов власти по осуществлению и обеспечению выполнения полномочий публичной власти, а также лиц, которые выполняют функции публичной власти по специальному полномочию в соответствии с законом.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, объективные признаки превышения должностных полномочий, родовой объект превышения должностных полномочий, видовой объект превышения должностных полномочий.

Несмотря на то, что государство прилагает усилия, предпринимает меры по предотвращению случаев превышения должностных полномочий в органах федеральной и муниципальной власти, в последние годы существенно снизилась эффективность муниципальной службы. Нарушения законности в работе правоохранительных органов, а также судов обрели массовый характер. Существенно снизился моральный и профессиональный уровень тех, кто вступает на муниципальную и государственную службу, занимает высокие должности. В качестве ответной реакции со стороны общества на данные явления стало снижение уровня доверия к государству, его муниципальным и государственным служащим, различным органам. Люди не верят в способность государства защитить права граждан, их закон-

ные интересы. Такое противостояние населения и власти является доминантным признаком политического и социального кризиса, преодоление которого названо в качестве основной задачи современной власти в Российской Федерации.

Обеспечение защиты граждан от коррупции, прочих опасных для общества деяний, совершенных должностными лицами на службе – это приоритетное направление политики государства. На основании того актуальным является рассмотрение проблемы регламентации ответственности за преступления, которые совершаются с незаконным применением человеком собственного должностного положения. Самым распространенным, вместе со злоупотреблением должностными полномочиями является превышение должностных полномочий, чрезмерная опасность для общества, которая обусловлена особым характером действий должностных лиц. Зачастую их действия носят насильственный характер, что показывает вседозволенность власти, а также неуважение к правам и законным интересам граждан.

На основании части 1 статьи 286 УК РФ, уголовная ответственность наступает за превышение должностных полномочий, за совершение должностным лицом действий, которые явно выступают за пределы его полномочий, влекут существенное нарушение законных интересов и прав граждан, организаций, интересов, охраняемых законом, государством.

В этой статье мы рассмотрим объективные признаки указанного преступления. Нужно отметить, что в литературе и науке вопрос определения объекта преступления, который предусмотрен статьей 286 УК РФ, считается дискуссионным. Например, многие авторы уверяют, что объектом преступления являются также общественные интересы, отношения, которым причиняется ущерб при совершении преступления [13, с. 8].

Есть авторы, которые указывают на видовой объект – как нормальную деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов исполнительной, законодательной и судебной власти, органов местного самоуправления по осуществлению задач, которые стоят перед ними [20, с. 98].

Противником данной позиции является Н.А. Егорова, по мнению которой такое определение в целом верно, но является абстрактным, т.к. в нем не раскрыта суть правильной (нормальной) работы государственных и муниципальных организаций. Объектом должностных преступлений автор считала деятельность лиц, которые указаны в примечаниях к ст. 285 УК РФ. При этом, деятельность должна осуществляться согласно законодательству [8, с. 36]. Далее объектом она признавала управленческие отношения [8, с. 37].

Противником обеих позиций является Е.В. Львович, которая считает деятельность органов государственной власти должна определяться посредством легальности, которая означает юридическое обоснование власти, её соответствие правовым нормам [13, с. 9].

Ряд авторов полагают, что родовой, видовой и непосредственный объекты должностных преступлений совпадают [12, с. 8] и составляют один общий объект – нормальную деятельность органов государственного управления, государственной службы и местного самоуправления.

А.В. Галахова выступает против такой позиции и указывает, что деятельность учреждения или органа может нарушаться путем причинения существенного вреда, как государственным или общественным интересам, так и правам, и интересам граждан или тем и другим интересам одновременно. По ее мнению, нарушение

прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, является способом совершения преступления [4, с. 48].

Анализ диспозиции ст. 286 УК РФ показывает, что основным объектом является нормальная деятельность органов государственного управления, государственной службы и местного самоуправления, а права и законные интересы граждан, организаций, охраняемых законом интересов общества и государства, являются дополнительным объектом.

Законодатель установил, что превышение должностных полномочий совершается только путем активных действий, в связи с чем, полагаем, что позиция о возможности совершить данное преступление путем бездействия [19, с. 89], является ошибочной. Такой подход установлен в Постановлении № 19 Пленума ВС РФ, и в судебной практике.

Так, согласно приговору П. являясь начальником отделения милиции по г. Магнитогорску, своим решением передал на ответственное хранение алкогольную продукцию, изъятую у ООО «ОРП», полученную от ОАО «ЛВЗ» по договору поставки и не оплачена в срок. В связи с чем, у ООО «ОРП» перед ОАО «ЛВЗ» возникла задолженность. Представители ОАО «ЛВЗ» обратились с вопросом о возврате им продукции к П., который разрешил передать ОАО «ЛВЗ» продукцию. Суд второй инстанции установил, что обстоятельства не свидетельствуют о каком-либо существенном нарушении права собственности ООО «ОРП» и причинении ему материального вреда. В связи с чем, приговор районного суда был отменен, производство по делу прекращено [14].

Отметим, что законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 286 УК РФ не определены конкретные виды противоправного поведения должностного лица, а указывается лишь общая характеристика его действий как «явный выход за пределы полномочий». В литературе так же нет единой позиции на определение понятия явности. Так, ряд авторов считают, что явность является не только объективным, но и субъективным признаком, и, в частности, определяет очевидный, бесспорный характер выхода лица за пределы его служебных полномочий, как со стороны самого виновного, так и с позиции права [7, с. 49].

Отметим, что в п. 19 Постановления № 19 Пленума ВС РФ установлены четыре формы действий, которые составляют объективную сторону превышения должностных полномочий: действия, которые относятся к полномочию другого должностного лица, в т. ч., вышестоящего или равного по статусу; действия, которые могут совершаться только при наличии особых обстоятельств, которые указаны в законе или ином нормативном акте; действия, которые совершены должностным лицом единолично, но, должны быть осуществлены только коллегиально либо только согласно установленного законом порядка, либо по согласованию с другим должностным лицом или органом; а так же действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Таким образом, в каждом конкретном случае правоприменитель должен установить не только нормы права, которые нарушены должностным лицом, но и его права и обязанности, а также круг совершенных действий [21].

В ходе исследования проанализировано 20 судебных решений (которые опубликованы), вынесенных судами субъектов страны. Из них 48% решений четко определяют форму выхода за рамки должностных полномочий. Присвоение полномочий составляет 6%. Действия, которые могли совершаться непосредственно должностным лицом при наличии тех или иных обстоятельств, упомянутых в за-

коне, подзаконном акте – 68%, а также обстоятельства, которые никто, при любых ситуациях не имеет права осуществлять – 26%.

Ряд авторов считают, что действия должностного лица, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, не являются формой превышения должностных полномочий. Так, А.В. Галахова считает, что в данном случае – это одна из двух других форм превышения власти, но, которая совершена при квалифицирующих обстоятельствах [4, с. 31].

По мнению Н.А. Егоровой – это форма злоупотребления правом [9, с. 29]. Полагаем согласиться с данными мнениями, поскольку термин «никто не вправе совершать», означает, что такие действия не могут являться полномочиями должностного лица, соответственно и превысить их нельзя.

Отметим, что в постановлении № 19 Пленума ВС РФ его содержание также не раскрыто. Однако, суды в приговоре признают действия таковыми.

Например, Базарно-Карабулакский районный суд Саратовской области признал действиями, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, действия инспектора лицензионно-разрешительной работы, который оказал услугу своему знакомому в подборе и приобретении охотничьего ружья, а именно, передал во владение ФИО7 охотничье гладкоствольное ружье, которое принадлежало ФИО6, без согласия собственника [2].

Особенность объективной стороны превышения полномочий заключается в том, что действия должностного лица не могут рассматриваться только в рамках компетенции, т.к. они совершаются в связи с должностным положением, в силу которого лицо наделено правом воздействия на поведение других лиц и при этом, обладает еще и фактической возможностью его реализации. А.В. Галахова утверждает, что действия при превышении власти всегда носят преступный характер, и они не могут совершаться в рамках действий по службе [4, с. 48].

Спорным является вопрос о квалификации по ст. 286 УК РФ действий лица, который занимает должность в государственном органе, если он совершает их в период отпуска. Так, П.С. Яни считает, что подобные действия связаны с должностными полномочиями [25, с. 23]. Против данной позиции справедливо выступает В.И. Динека, по мнению которого действия лица нельзя квалифицировать по ст. 286 УК РФ, т.к. противоправное деяние совершено вне периода непосредственной должностной деятельности [6, с. 37].

Наступление общественно опасных последствий является обязательным элементом состава превышения полномочий. Так, в литературе в зависимости от внешнего, вещественного характера вреда различают материальные (имущественный, физический вред), и нематериальные последствия (моральный, политический (ослабление государственной власти, подрыв ее основ), организационный (дезорганизация деятельности предприятий, организаций, срыв работы транспорта) вреда [15, с. 364]. Отметим, что в п. 18 постановления № 19 Пленума ВС РФ дано разъяснение, что признается существенным нарушением прав граждан или организаций.

Проведенный анализ судебной практики показал, что в 69% решений существенным признано нарушение законных прав и интересов граждан, в 21% – нарушение интересов общества и государства.

Анализируя характер вреда в делах данной категории видно, что в 77% случаев гражданам причинялся физический вред. Например, судом установлено, что летом 2013 года Пяткин, будучи сотрудником отдела наркоконтроля в Троицке, находясь при исполнении должностных обязанностей, на почве внезапно возник-

шей личной неприязни, неоднократно наносил удары потерпевшей по телу и голове, причинив ей физическую боль и повреждения, не причинившие вреда здоровью. Своими действиями он нарушил охраняемые законом права и свободы потерпевшей [22].

В 6% решений суда было указано на существенное нарушение права на свободу. В 17 % в решениях судов указывалось на подрыв авторитета органов власти, что является свидетельством распространенности этого последствия.

Например, суд установил, что Коробейников, занимая должность главы Каслинского района, достоверно зная о невыполнении условий муниципального контракта по модернизации центральной котельной города Касли, подписал документы, свидетельствующие о приемке выполненных строительно-монтажных работ, на их основании организация-исполнитель необоснованно получила денежные средства. В результате действия Коробейникова повлекли дискредитацию исполнительной муниципальной власти района [23].

Существенным нарушением прав и интересов так же необходимо считать сокрытие должностным лицом как тяжкого, так и любого другого преступления.

Так, участковый С., осознавая, что в отношении Ш. совершаются преступные действия, проигнорировал его просьбу о помощи, которому впоследствии был причинен тяжкий вред здоровью. О произошедшем он не сообщил ни прибывшему наряду ОВО при ОВД, ни в дежурную часть, т. е. укрыв преступление от учета [16].

Анализ судебных решений о превышении полномочий показывает, что толкование существенности имущественного вреда неоднозначно. Отметим, что законодатель не перечисляет всех последствий существенного причинения вреда, что, по мнению исследователей, создает угрозу злоупотребления со стороны реализующих их лиц [11, с. 178].

Имеют место случаи, когда при применении ст. 286 УК РФ следственно-судебные органы не обосновывают существенность материального ущерба с учетом имущественного положения гражданина, организации [18].

Ряд исследователей считают, что существенность последствий должна быть закреплена легально, иные, что подобные разъяснения должен дать Пленум ВС РФ [24, с. 167]. Н.М. Ковалева определяет его по аналогии с определением вреда в примечаниях к ст. 158 УК РФ [12, с. 138]. Некоторые авторы предлагают определить в УК РФ минимальный предел стоимостного выражения существенности имущественного ущерба [3].

Полагаем согласиться с указанной точкой зрения, в частности, ст. 286 УК РФ изложить: «1. Умышленное совершение должностным лицом действия, явно выходящего за пределы предоставленных ему полномочий и повлекшее причинение крупного ущерба или иное существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей».

Считаем неверной точку зрения А.В. Шнитенкова, который предлагает исчислять такой ущерб исходя из минимального размера оплаты труда, поскольку это противоречит ст. 3 ФЗ «О минимальном размере оплаты труда», в которой указан перечень оснований его применения. Применение МРОТ для других целей не допустимо [1].

Третьим обязательным признаком объективной стороны превышения должностных полномочий является причинная связь между деянием и наступившим

общественно опасным последствием. В науке уголовного права применяется теория «необходимого причинения», которая заключается в том, что причинная связь определяется как объективная связь между очевидным для должностного лица выходом за пределы его компетенции и существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Итак, рассмотрев объективные признаки указанного преступления, можно сделать следующие выводы.

Родовой объект превышения должностных полномочий представляет собой совокупность общественных отношений, которые складываются в сфере реализации публичной власти. Видовой объект – это совокупность общественных отношений, которые складываются в сфере деятельности органов власти по осуществлению и обеспечению выполнения полномочий публичной власти, а также лиц, которые выполняют функции публичной власти по специальному полномочию в соответствии с законом.

Противоправные действия при превышении должностных полномочий направлены на конкретные общественные отношения. При превышении полномочий должностное лицо совершает противоправные действия, которые, не должны соответствовать его компетенции, в связи с чем, наступают негативные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо законных интересов общества или государства. Особенность объективной стороны состоит в том, что действия должностного лица неправомерно рассматривать только в рамках его компетенции, их совершение должно быть взаимосвязано с его должностным положением, в силу которого оно наделено правами и обязанностями в отношении иных лиц.

В случаях, когда должностное лицо не находится при исполнении своих полномочий, при этом совершает противоправные действия, соответственно, такие действия должны квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ. Поэтому между превышением полномочий и нахождением лица на службе должна быть тесная взаимосвязь.

Предлагаем ч.1 ст. 286 УК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Умышленное совершение должностным лицом действия, явно выходящего за пределы предоставленных ему полномочий и повлекшее причинение крупного ущерба или иное существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей».

Список литературы

1. Федеральный закон от 19.06.2000 N 82-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства РФ. 26.06.2000. N 26. ст. 2729.
2. Базарно-Карабулакский районный суд Саратовской области/ Дело № 1-26 (1)/2012 от 05 мая 2012 года// <http://bazarnj-karabulaksky.sar.sudrf.ru>
3. Басова, Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: дис. ... доктора юрид. наук./ Басова Т.Б. – Владивосток, 2005. – С. 190-192;

4. Галахова, А.В. Должностные преступления. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления/Галахова А.В. – М.: Изд-во Рос. правовой акад. МЮ РФ, 1998. – С.48.
5. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика/ Гаухман Л.Д. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. – С. 79.
6. Динека, В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России (уголовно-правовой и криминологический аспект): автореф. дис. ... доктора юрид. наук/ Динека В.И. – М., 2000. – С. 37.
7. Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация/ Здравомыслов Б.В. – М.: Юрид. лит., 1975. – С.109, 110; Смелова, С.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий. Монография/ Смелова С.В. – Волгогда, 2012. – С. 49.
8. Егорова, Н.А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Лекция/ Егорова Н.А.- Волгоград, 2000. – С. 19, 36, 37.
9. Егорова, Н. Управленческие преступления: понятие и система/ Егорова Н. // Уголовное право. – 2006. -№ 2. – С. 6-7, 28.
10. Каплин, М. Н., Бражник, С. Д. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)/ Каплин М. Н., Бражник С. Д. // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. №1.
<http://cyberleninka.ru/article/n/suschestvennyy-vred-kak-priznak-prevysheniya-dolzhnostnyh-polnomochiy-st-286-uk-rf>.
11. Кобзева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 178, 179.
12. Ковалева, Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук/ Ковалева Н.М. – Ростов н/Д, 2004. – С. 138, 139.
13. Львович, Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Львович Е.В. – Саратов, 2004. – С.8.
14. Обзор судебной практики Челябинского областного суда от 12.04.2010 "Обзор судебной практики за первый квартал 2010 года"
<http://www.consultant.ru>.
15. Полный курс уголовного права: В 5 т. /Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1: Преступление и наказание. – С. 364, 365.
16. Приговор Аргаяшского районного суда Челябинской области.
<http://arg.chel.sudrf.ru>
17. Рарог, А. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений/ Рарог А. //Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 41.
18. Саратовский гарнизонный военный суд.
<http://saratovgvs.sar.sudrf.ru>
19. Ткачева, Г.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): Дис. ... канд. юрид. наук/ Ткачева Г.В. – Ростов н/Д, 2004. – С. 89.
20. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. 4-е изд., изм. и доп. – М., 2008. -С.98. – 1008 с.
21. Фрунзенский районный суд г. Саратова. Дело № 22-2178 от 8 апреля 2011 года.
<http://fr.sar.sudrf.ru>.
22. Челябинский областной суд. Приговор Троицкого городского суда.
http://www.chel-oblsud.ru/?html=n_press_rel&nid=1455
23. Челябинский областной суд. Приговор Каслинского городского суда.
http://www.chel-oblsud.ru/?html=n_press_rel&nid=1353&print=1
24. Шнитенков, А.В. Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях / Шнитенков А.В. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – С. 167.
25. Яни, П.С. Совершение должностных преступлений во внерабочее время/ Яни П.С.// Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 23.

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ У ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВА НА НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ ПО НАЛОГУ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Меликсетян М.Л.

магистрант кафедры административного и финансового права,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Светличная Т.Б.

научный руководитель, доцент кафедры административного и финансового права,
кандидат юридических наук, Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается право организаций на налоговые вычеты по налогу на добавленную стоимость. Для установления проблем, возникающих при пользовании организациями данным правом, в статье приводятся примеры из судебной практики. По итогам анализа аналогичных ситуаций делается вывод о единственно верном решении по уменьшению количества налоговых споров в части налога на добавленную стоимость.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, налоговые вычеты, источник налогового права, правоприменение, упрощенная система налогообложения.

Налог на добавленную стоимость (далее – НДС) – это федеральный косвенный налог, представляющий собой форму изъятия в бюджет государства части стоимости товара, работ или услуг, которая создаётся на всех стадиях производства товаров, работ и услуг.

Правовое регулирование НДС осуществляется главой 21 Налогового Кодекса Российской Федерации «Налог на добавленную стоимость» (далее – НК РФ).

Так, согласно ст. 143 НК РФ существует 3 категории плательщиков налога на добавленную стоимость, одной из которых являются организации.

Согласно ст. 11 НК РФ для целей НК РФ под организациями законодатель подразумевает юридических лиц, образованных в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также иностранные организации, созданные на территории Российской Федерации [3].

Юридическими лицами согласно ст. 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК – РФ) признаются организации, зарегистрированные в едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ, имеющие обособленное имущество и отвечающие им по своим обязательствам, которые могут от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцами и ответчиками в суде [1].

Организации согласно ст. 171 НК РФ имеют право уменьшить общую сумму налога на добавленную стоимость, исчисленную в соответствии со ст. 166 НК РФ к уплате в бюджет, на установленные ст. 171 НК РФ налоговые вычеты [4].

В случае, если по итогам налогового периода сумма налоговых вычетов превышает общую сумму налога, исчисленную по операциям, признаваемым объектом налогообложения, полученная разница подлежит возмещению (зачету, возврату) налогоплательщику.

После представления налогоплательщиком налоговой декларации по итогам налогового периода (квартала) с суммой налога, подлежащей возмещению из бюд-

жета, в соответствии со ст. 88 НК РФ налоговым органом проводится камеральная налоговая проверка, в ходе которой проверяется обоснованность суммы налога, заявленной к возмещению, в том числе – обоснованность заявленных налоговых вычетов и др.

Рассмотрим следующий пример. Организация «А», зарегистрированная в г. Ставрополе, применяя упрощенную систему налогообложения (далее – УСН) с объектом налогообложения «доходы» с 2014 года вело строительство торгового рынка подрядным способом, выступая заказчиком и инвестором. По уведомлению о смене системы налогообложения организация в добровольном порядке перешла с 2016 года на общую систему налогообложения (далее – ОСН). После ввода в эксплуатацию объекта строительства, в декларации за 4 квартал 2016 года организацией заявлена сумма, исчисленная к возмещению из бюджета по счетам-фактурам, выставленным генеральным подрядчиком за весь период строительства [8].

Так, согласно п. 6 ст. 171 НК РФ суммы налога, предъявленные налогоплательщику подрядными организациями при проведении ими капитального строительства, подлежат вычету.

В соответствии с п. 2 ст. 346.11 НК РФ организации, применяющие УСН, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость, за исключением налога на добавленную стоимость.

Но в силу п. 6 ст. 346.25 НК РФ организации, применявшие упрощенную систему налогообложения, при переходе на общий режим налогообложения выполняют следующее правило: суммы налога на добавленную стоимость, предъявленные налогоплательщику, применяющему упрощенную систему налогообложения, при приобретении им товаров (работ, услуг, имущественных прав), которые не были отнесены к расходам, вычитаемым из налоговой базы при применении упрощенной системы налогообложения, принимаются к вычету при переходе на общий режим налогообложения в порядке, предусмотренном главой 21 НК РФ для налогоплательщиков налога на добавленную стоимость.

Пункт 1 статьи 346.14 НК РФ определяет объект налогообложения единым налогом, уплачиваемым в связи с применением УСН как «доходы» и «доходы, уменьшенные на величину расходов». При этом пунктом 2 указанной статьи установлено, что выбор объекта налогообложения осуществляется самим налогоплательщиком. В первом случае ставка составляет 6%, во втором – 15%.

Налоговым органом по итогам камеральной налоговой проверки принято решение об отказе в возмещении суммы налога на добавленную стоимость в части работ, выполненных в 2014 году.

Налоговый орган в своем решении руководствовался Определением Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «НЬЮ ТРЕЙД» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 346.25 Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Определение КС РФ) [5].

Позиция КС РФ основывается на следующем:

Норма, содержащаяся в пункте 6 статьи 346.25 НК РФ, действует только в случае, когда организации, применяющие УСН, имели в соответствии с налоговым законодательством возможность отнести суммы налога к расходам, вычитаемым из налоговой базы при применении УСН. В связи с тем, что при выборе объекта налогообложения «доходы» налогоплательщик не вправе отнести какие-либо суммы к расходам, для них установлена более низкая налоговая ставка, чем в случае, если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов.

Переходя в добровольном порядке к упрощенной системе налогообложения, налогоплательщики, по общему правилу, сами выбирают для себя объект налогообложения (пункт 1 статьи 346.11 и пункт 2 статьи 346.14 НК РФ). Таким образом, они самостоятельно решают, когда и каким образом им выгоднее распорядиться принадлежащим им правом, в том числе с учетом налоговых последствий своих действий (размера налоговой ставки, особенностей ведения налогового учета и последствий перехода на иную систему налогообложения).

Таким образом, при переходе с УСН на ОСН налогоплательщик имеет право на вычеты по НДС в размере расходов, которые не только не были использованы лицом для уменьшения налоговой базы, но ещё и в принципе должны быть вычитаемыми из налоговой базы [5].

Налоговым органом не учитывается тот факт, что в отличии от проверяемого налогоплательщика, перешедшего на ОСНО заблаговременно до ввода в эксплуатацию объекта, ООО «НЬЮ ТРЕЙД» в связи с вводом в эксплуатацию объекта 23.11.2011 г. и соответственно превышением остаточной стоимости основных средств 100 млн. рублей, общество в силу пункта 4.1 статьи 346.13 НК РФ утратило с 1 октября 2011 года право на применение УСН и перешло на общий режим налогообложения, то есть с данного момента ООО «НЬЮ ТРЕЙД» стало плательщиком НДС.

Также хотелось бы обратить внимание на следующий факт: налоговые органы не учитывают, что в соответствии с подпунктом 1 пункта 3 статьи 346.16 главы 26.2 «Упрощенная система налогообложения» НК РФ расходы на сооружение основных средств (далее ОС) в период применения УСН принимаются к учёту с момента ввода этих основных средств в эксплуатацию.

Следовательно, затраты по незавершенному строительству не могут приниматься к расходам и не могут быть в принципе вычитаемыми ни при одной из систем налогообложения (УСН «Доходы» и УСН «Доходы, уменьшенные на величину расходов»).

Рассматриваемая в нашем приведенном примере организация «А», заявляя к вычету суммы НДС по работам на объекте строительства за 2014 год, руководствуется разъяснениями, изложенными в письмах Минфина России от 16 февраля 2015 г. № 03-11-06/2/6844, от 01.10.2013 г. №03-07-15/40631 (направлено Письмом ФНС России от 25.10.2013 г. № ЕД-4-3-/19225), от 16 мая 2013 г. №03-07-11/17002, от 11.09.2008 г. № 03-07-11/303) [6].

Данный пример указывает нам на неоднозначность двусмысленных норм налогового законодательства.

Согласно пункту 1 статьи 34.2 НК РФ Минфин России дает письменные разъяснения налоговым органам по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

На основании подпункта 5 пункта 1 статьи 32 НК РФ налоговые органы обязаны руководствоваться письменными разъяснениями Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Вместе с тем, письма Минфина России, в которых разъясняются вопросы применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, не содержат правовых норм, не конкретизируют нормативные предписания и не являются нормативными правовыми актами. Эти письма имеют информационно-разъяснительный характер по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

В случае, когда письменные разъяснения Минфина России (рекомендации, разъяснения ФНС России) по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах не согласуются с решениями, постановлениями, информационными письмами Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также решениями, постановлениями, письмами Верховного Суда Российской Федерации, налоговые органы, начиная со дня размещения в полном объеме указанных актов и писем судов на их официальных сайтах в сети «Интернет» либо со дня их официального опубликования в установленном порядке, при реализации своих полномочий руководствуются указанными актами и письмами судов [7].

Решения КС РФ, содержащие нормы, так или иначе регулирующие область налогообложения, являются важными источниками налогового права.

При этом российская правовая система не признает судебный прецедент – правовоположение, сформулированное судом по конкретному делу и имеющее обязательный характер для широкого круга лиц, включая суды и налоговые органы, – в качестве источника права.

Источник налогового права – это те правовые формы, в которых следует искать нужное налоговое правило. Формально и судебные решения по налоговым спорам и официальные разъяснения по налоговым вопросам остаются за рамками системы источников налогового права в Российской Федерации.

В то же время отметим, что судебной практике по налоговым спорам отводится особая роль в случае необходимости регулирования налоговых отношений, которая выходит далеко за рамки, отведенные индивидуальным (казуальным) актам правоприменения. При рассмотрении налоговых споров судами, как правило, применяются правовые позиции, изложенные в решениях высших судебных органов, что в конечном итоге формирует представление о судебной практике по налоговым спорам как об источнике права *de facto* [2, с. 23].

По нашему мнению, налоговые органы, при принятии решений должны исследовать и специфические особенности каждой ситуации, к примеру, позицию КС РФ мы считаем не обоснованной по следующему основанию:

При применении УСН налогоплательщик в добровольном порядке выбирает объект налогообложения «доходы» или «доходы, уменьшенные на величину расходов», выбор объекта «доходы» не является таковой льготой, при проведении несложных расчётов можно установить, что в некоторых случаях для организаций объект налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов» является более выгодным, чем «доходы».

Таким образом, в спорных вопросах, возникающих при принятии решений, связанных с подтверждением правомерности и обоснованности применения налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость, вследствие неоднозначных двусмысленных норм налогового законодательства, налоговые органы придерживаются позиций, изложенных в судебных решениях по аналогичным спорам, не рассматривая специфические особенности возникшей ситуации. В целях уменьшения судебных процессов по налоговым спорам, является необходимым устранение пробелов в признанных источниках права.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 № 259-ФЗ). // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].
2. Козырин А.Н. Введение в российское налоговое право: Учебное пособие / А. Н. Козырин. – М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. – 304 с.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 18.07.2017 № 173-ФЗ). Часть первая // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].

4. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 № 254-ФЗ). Часть вторая // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2014 г. № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «НЬЮ ТРЕЙД» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 346.25 Налогового кодекса Российской Федерации» // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].

6. Письмо Минфина России от 16 февраля 2015 г. № 03-11-06/2/6844 (Вопрос: О принятии к вычету НДС, предъявленного организации, находящейся на УСН (объект – доходы), при строительстве котельной, вводимой в эксплуатацию после перехода на ОСН) // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].

7. Письмо Минфина России от 7 ноября 2013 г. № 03-01-13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики» // Консультант Плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс].

8. Решение МИФНС России №12 по СК об отказе в привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения от 11.09.2017 года.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ИЗДАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ АКТОВ

Мижуринна М.А.

студентка второго курса магистратуры,
Тамбовский государственный технический университет, Россия, г. Тамбов

В статье корпоративный акт рассматривается как ключевой источник локального нормотворчества. Исследуются основные признаки и виды корпоративных актов. Приводятся некоторые особенности, которые необходимо учесть при подготовке и издания корпоративных актов для придания им эффективности.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративный акт, локальное нормотворчество, источник корпоративного права, юридическая сила.

Источником корпоративного права являются локальные корпоративные акты. Локальное нормотворчество – это сфера самоуправления (саморегулирования) корпоративных юридических лиц. Данное направление состоит в развитии области локального нормотворчества и соответственно сужении области централизованного регулирования деятельности предпринимателей, в закреплении в нормативных актах централизованного регулирования лишь минимальных (необходимых и достаточных) требований к предпринимательству, составляющих объективно-правовые границы свободы предпринимательства. Это в полной мере относится к регулированию корпоративных отношений. Именно для них, как отмечает В.Ф. Яковлев, саморегуляция является главным элементом механизма их реализации, который, будучи основанным на законе, приобретает наибольшую эффективность [5, с. 178].

Локальные корпоративные акты закрепляют индивидуально-правовой статус организации, они принимаются органами управления организации и обязательны к исполнению в данной организации.

Корпоративный нормативный акт – один из основных, наиболее совершенных источников корпоративного права. Корпоративные акты, которыми разрешаются конкретные дела, в отличие от нормативных актов называются корпоративными индивидуальными актами. Корпоративные нормативные акты, наряду с актами законодательными, содержат юридические основания для разрешения индивидуальных дел.

Корпоративные нормативные акты – это документы органов управления корпорации, содержащие корпоративные нормы.

Корпоративные акты создаются имеющимися на предприятии органами управления, компетентными в решении тех или иных вопросов производственной и социальной жизни коллектива. В них в той или иной мере должна выражаться воля коллектива, отсюда проистекает их власть, даже некоторая авторитарность, а также официальность и обязательность [1, с. 199].

Корпоративный акт обладает следующими признаками.

Во-первых, он имеет правотворческий характер, т. е. в нем либо устанавливаются корпоративные нормы, либо изменяются, либо прекращается их действие.

Во-вторых, корпоративный акт должен издаваться органом управления только в пределах своей компетенции, иначе по одному и тому же вопросу в организации будет существовать несколько нормативных решений, между которыми наверняка обнаружится несхожесть, а то и противоречия. Все это отнюдь не способствует качественному регулированию внутрикорпоративных отношений.

В-третьих, корпоративный акт всегда облекается в документальную форму (решение общего собрания, совета директоров, приказ руководителя и др.). Причем этот документ или документы должны иметь реквизиты (вид корпоративного акта, его наименование, орган управления, его принявший, дата принятия, номер и др.). Письменная форма необходима для достижения единообразия понимания требований корпоративного акта, возможных санкций за его неисполнение.

В-четвертых, корпоративные акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, законодательству и корпоративным актам, имеющим большую юридическую силу, например приказ руководителя – решению общего собрания [2, с. 178].

Корпоративные нормативные акты должны отражать объективную реальность. Это означает, что в процессе их принятия до момента вступления в силу необходимо просчитать экономические возможности их выполнения, предусмотреть организационные издержки и барьеры в их реализации, учесть особенности коллектива (половые, возрастные, квалификационные и т.д.). Допустим, какой толк принимать корпоративный акт о выплате дополнительной пенсии в размере 100% от пенсии государственной работникам, проработавшим в корпорации длительное время, если не ясно, каково будет финансовое положение в следующем году. Или, оправдано ли будет установление слишком раннего начала рабочего дня, если коллектив предприятия состоит в основном из женщин, на которых чаще всего лежит обязанность накормить семью завтраком, отправить детей в детский сад, школу и т.п. При игнорировании этого обстоятельства есть риск придать опозданиям на работу массовый характер.

Корпоративные нормативные акты должны иметь определенную структуру, а не представлять собой хаотичный набор нормативных положений. При издании очень важных корпоративных актов не помешает ввести в его структуру небольшую преамбулу (вводную часть). Обычно в этой части излагаются цели и задачи

нормативного акта, причины, побудившие его принять, круг лиц, на который он распространяется, и др. В составе корпоративного акта может быть выделена часть, в которой определяются термины, используемые в дальнейшем [3, с. 57]. Классическое построение корпоративных нормативных актов по схеме: субъекты правоотношений, объекты, права и обязанности, льготы и санкции, употребляемой чаще всего при создании законов, в большинстве случаев вряд ли возможно. Однако непреложным остается факт, что корпоративные акты, выдержанные с точки зрения системности и логики, имеют больший коэффициент полезного действия, нежели акты, содержание которых хаотичное, сумбурное.

Корпоративные нормативные акты должны быть доступными для понимания всех членов, работников корпорации. В коллективе встречаются разные по возрасту и интеллекту люди. Аксиомой должно стать следующее правило: корпоративные акты должны быть рассчитаны на людей среднего и даже ниже среднего интеллектуального уровня, работающих в корпорации, кредитующих ее. Кроме того, в них не должно содержаться мудреных специфических, специальных юридических терминов. Например, если руководитель крупного предприятия передает право налагать дисциплинарные санкции начальнику структурного подразделения, то в своем приказе об этом он не должен употреблять фразу типа: дисциплинарная юрисдикция входит в компетенцию руководителей структурного подразделения.

Одним словом, содержание корпоративных актов лучше излагать простым и ясным языком. Кроме того, они должны отличаться строгостью стиля и соответствовать правилам формальной логики, а также не носить как слишком абстрактного характера, так и не увязать в деталях, примерах.

Корпоративные акты должны быть снабжены всеми необходимыми реквизитами, к которым относятся: вид корпоративного акта; обычно при этом указывается орган, его принявший: общее собрание, совет, правление, руководитель предприятия или структурного подразделения и т.д.; наименование акта; указание этого реквизита оказывает дисциплинирующее влияние на субъект, который его издает, тем, что он позволяет более или менее точно определить предмет нормативного регулирования. Допустим, наименование акта «Порядок выплаты дивидендов» не позволяет «растекаться мысли по древу», увязать попутно в других вопросах. Наименование корпоративных актов облегчает, кроме того, процесс их систематизации и обеспечивает удобство при их нахождении и использовании; дата принятия акта; этот реквизит способствует быстрому нахождению корпоративного акта в случае, когда по одному и тому же вопросу принято таковых несколько; подписи должностных лиц; это имеет особое значение при оспаривании корпоративных актов в суде в качестве неправомерных; номер акта; имеет определенное значение для проведения систематизации корпоративных нормативных актов [4, с. 118].

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что изготовление корпоративных актов – дело непростое. Однако при разумном, умелом составлении они могут стать мощным фактором в процессе организации деятельности корпораций. Следует иметь в виду, что они несут на себе печать субъективности в большей мере, нежели законодательные акты. Содержание корпоративных актов в значительной степени зависит от разработчиков, от того, как и в чем они видят задачу корпоративного акта, какими средствами пытаются ее решить, как формулируют сами правила поведения, какой круг адресатов выбирают, какие санкции определяют. Вот почему при неразумном использовании корпоративные нормативные акты могут быть источником психологической напряженности в коллективе, страха, неуверенности, а то и нарушения интересов членов коллектива.

Крайне важным в связи с этим является создание руководства по выработке нормативных актов на предприятии. На некоторых предприятиях такие акты уже стали появляться, но пока они регулируют в основном порядок принятия корпоративных актов. Вопросы же их внутренней формы (структуры, языка, стиля изложения и т.п.), а тем более их содержания не затрагиваются. Об этом приходится, конечно, только сожалеть и успокаивать себя тем, что корпоративное нормотворчество у нас – явление, не так давно возникшее.

Список литературы

1. Афанасьева Е.Г. Корпоративное право: Учебник. М: КНОРУС. 2015. 1080 с.
2. Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. М.: Изд. гр. ИНФРА'М-КОДЕКС. 2013. 554 с.
3. Козлова Н. Правовая природа учредительных документов юридического лица//Хозяйство и право. 2014. N 1. С. 55-58.
4. Макарова О.А. Корпоративное право: Учебник. Волтерс Клувер. 2014 г. 194 с.
5. Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право. (Вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН. 2010. 254 с.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Ногайлиева Ф.К.

юрист, ООО «Монтем», Россия, г. Санкт-Петербург

В статье проведено исследование по выявлению подходов к изучению содержания имущественной ответственности в российском трудовом праве в современных условиях. Подробно раскрыты лингвистические и социокультурные аспекты появления и закрепления термина «ответственность» в праве. Во второй части статьи доказывается существование собственного механизма имущественной ответственности в трудовом праве, не сводимого к гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: имущественная ответственность, материальная ответственность, субъекты трудового права, отрасль права, дифференциация.

Дискуссия о правовой ответственности ведется в отечественной теории права долгие годы и фактически свелась к спору о терминах. В трудовом изучение ответственности осложняется еще и тем, что за обсуждением вопросов о самостоятельности собственных видов ответственности насущные проблемы совершенствования их механизмов в рыночных условиях остаются «за скобками». Поэтому в настоящей статье постараемся приблизиться к пониманию имущественной ответственности с точки зрения самого феномена ответственности и развития трудовых норм.

Между тем, если постараться проследить историю появления этого слова в русском языке, то сложно не поддаться изумлению относительно того, как в строго формализованный тезаурус права вошел столь расплывчатый термин, которому в дальнейших процессах научного осмысления и нормативного закрепления придавалась еще большая неопределенность.

Российские словари вплоть до конца XIX столетия не содержат статей к слову «ответственность», а анализ источников права Руси и России, этимологических

и литературных источников в целом, позволяет утверждать, что ранее это слово просто не существовало. Дело в том, что суффикс *-ость*, изначально свойственный только книжным стилям, проник в русское диалектное словопроизводство в результате нарушения стилистической замкнутости отвлеченных имен, начавшегося еще в XVIII в., так что появление большинства слов, оканчивающихся на *-ость*, приходится на вторую половину XIX-начало XX вв. [11, с. 34].

Таким образом, слово «ответственность», связанное с точки зрения этимологии со словами «ответ», «ответственный», появилось в русской речи в результате литературизации выражений «дать ответ», «отвечать». Изменение условий социальной жизни привело к естественному усложнению языка, поставленного перед необходимостью описывать не только объекты и действия, но и *состояния вещей и явлений*. Иначе говоря, слово «ответственность» возникло как указание на определенное качество взаимоотношений, состояние, свойство связей между субъектами. Наибольшее распространение и развитие термин получил уже в юридическом языке, однако значение его долгое время не обладало правовой спецификой; слово использовалось, в обобщенном виде, не имея ясных границ.

В трудах российских юристов рубежа XIX-XX вв. слово «ответственность», если и выносилось авторами в название труда, то в самом исследовании фигурировало крайне редко (чаще в заголовках) и почти никак не раскрывалось. Вероятно, острая необходимость в таком раскрытии вовсе отсутствовала, а подразумеваемого значения слова было достаточно для понимания передаваемых автором мыслей. Ведь, как правило, отправной точкой в перечисленных и других исследованиях служило правонарушение, а конечной – применение санкций, последствия правонарушения в виде тех или иных взысканий.

Заимствуя свой словарь из общего языка, право извлекает из него те термины, которые наилучшим образом приспособлены для точного выражения юридических понятий. Вот как описывает этот процесс французский ученый-правовед Жан Луи Бержель: «Право, имея в распоряжении массу общеупотребительных понятий, не обладающих особыми чертами, трансформирует их в юридические понятия, общая им специфику» [3, с. 396]. Как видно, речь идет в данном случае о более или менее осознанном и целенаправленном заимствовании. Что же касается правовой ответственности, то рецепция юриспруденцией именно этого слова изначально не сопровождалась четким научным или легальным осмыслением обозначаемого им явления, описанием его приобретенных юридических свойств и качеств («специфики» Ж. Бержеля).

Если термин не затачивался при своем появлении под нужды законодательства и правовой доктрины, а скорее имел собирательное значение для всех тех мер, которые претерпевались нарушителями порядка, выходит, что в научный и практический юридический оборот вошел термин, универсальность которого основывалась лишь на его лексической общеупотребительности; формально не определенная правовая ответственность лишь в самых общих чертах обозначила *явление, вызываемое совершением правонарушения*.

Сложно отрицать, что правонарушение – явление столь же древнее, как и само право: конфликт интересов и нарушение прав, равно, как и способы их разрешения, включая механизмы ответственности в современном понимании, онтологически заложены в суть права как феномена общественной жизни. Тем не менее долгое время механизм права исправно функционировал, не имея в своем арсенале инструмента под названием «правовая ответственность», что дает основание пола-

гать, что юриспруденция и поныне могла бы обходиться без понятия ответственности. Этот вывод ни в коей мере не посягает на будущность дальнейшего существования рассматриваемого термина, а лишь подводит к более критичному восприятию регулярно предпринимаемых попыток дать собственное, новаторское и уникальное определение. К тому же, осмысление явления не может ограничиваться лишь выработкой для него определения. Вспомним, к примеру, подход М.М. Агаркова в его исследовании обязательства по гражданскому праву: «Определение ... лишь первый шаг на пути установления содержания. Содержание понятия дается также соотношением институтов права с другими институтами гражданского права и права вообще» [1, с. 6]. Соотнесение правовой ответственности с понятиями защиты права, санкции правовой нормы, злоупотребления правом существенно обогащает понимание ответственности. Отсекая то, что ответственностью не является, мы в конечном итоге приближаемся к пониманию ее сущности.

Так или иначе, несмотря на солидный объем проведенных исследований, правовая ответственность продолжает оставаться «вещью в себе»: сформированное о ней представление, граничащее с мифологическим, позволяет отнести этот термин к «идолам площади» («*idola fori*» по Ф. Бэкону), т.е. заблуждениям, вызванным неточностью, условностью обыденного словоупотребления. Притом частота и длительность использования понятия ответственности сами по себе еще не дают оснований утверждать, что слово приобрело специфические свойства юридического термина. И коль скоро избавиться от этого «идола площади» в ближайшей перспективе вряд ли удастся, следует задаться целью вписать феномен правовой ответственности в юридические рамки.

На это можно возразить, указав, что понятие прочно вошло в практический юридический обиход, используется в законодательстве, а значит, какой-то смысл в него вкладывается. Отнюдь, само по себе это обстоятельство еще не свидетельствует об осознанности словоупотребления. К примеру, законодатель применил слово ответственность в Трудовом кодексе РФ, как минимум, в двух значениях: 1) как возложенную на лицо обязанность выполнения какой-то функции, не связанную с правонарушением (ст. 21, 238 ТК РФ – «если работодатель несет ответственность за сохранность имущества...», ст. 239 ТК РФ – «лицо, назначенное ответственным за организацию работы...»); 2) как последствие совершения правонарушения. Подобное возражение сложно принять и потому, что подобная разнородность никак не согласуется с принципом правовой определенности правовых норм.

Приступая, следует сразу оградить себя от иллюзии сформировать суждение о правовой ответственности, в равной степени справедливое и вразумительное для всех ее разновидностей и отраслей. Отчасти мифическое представление об ответственности как о самодостаточной, монолитной правовой категории уходит корнями в широко разделяемую триаду «социальная ответственность – правовая ответственность – ответственность в отраслях права». Такая конструкция, вероятно, может быть удобна в учебных целях, но в действительности она неверна.

Во-первых, социальная и юридическая ответственность соотносятся между собой подобно тому, как соотносятся их регуляторы: «социальные законы в научном смысле указывают, как действуют люди, ... а нормы права указывают, как должны действовать люди» [15, с. 629]. Если мы не пытаемся выстроить иерархические связи между нормами права, морали, нравственности, религии, то почему же должны допускать «генетическое родство» [14, с. 13] санкционированных ими

видов ответственности? Все, что авторы включают в понятие «социальной ответственности», не столько разноуровневые, сколько разнохарактерные явления, протекающие каждый на своем отрезке действительности, по своим правилам и преследующие разные цели. Поэтому всякий раз сталкиваясь с определением социальной ответственности как родовой категории, нужно понимать, что самое большее, с чем мы имеем дело, это собирательное понятие, не имеющее научной ценности.

Во-вторых, не существует единой юридической ответственности и ее отраслевых разновидностей. Наиболее распространенная классификация видов правовой ответственности по отраслевому признаку, строго говоря, классификацией не является, поскольку три выделяемых вида ответственности (уголовная, административная, гражданская) применяются за нарушения норм также иных отраслей, а еще два вида принадлежат исключительно одной отрасли (дисциплинарная, материальная). Поэтому здесь налицо простое вычленение отдельных разновидностей ответственности, сформировавшихся, надо отметить, не случайным образом.

На сегодняшний день российская правовая наука располагает объемом научных разработок в сфере правовой ответственности, значительно превосходящим объем, пожалуй, всей европейской доктрины по этой теме. Обобщенный анализ самих воззрений на природу и суть ответственности демонстрирует и их чрезвычайную разноликость. Каждая из рассмотренных позиций не случайна и, безусловно, связана с обнаружением реально существующих зависимостей и срезов правовой ответственности. В совокупности выявленные значения образуют, своего рода, эпидигму понятия правовой ответственности. Нормативная составляющая выражена в понимании правовой ответственности как реализации санкции [7, с. 97]; собственные рациональные объяснения механизма ответственности обнаружим в определении ее как исполнении обязанности на основе принуждения [5, с. 95; 4, с. 113], как наказания, умалении личного или имущественного блага [6, с. 312; 8, с. 30].

Но остановимся подробнее на наиболее широко разделяемом сегодня определении ответственности как особой обязанности; своеобразие ее содержания формулируется каждым отдельным автором по-разному, но в общих чертах ответственность предстает как обязанность нарушившей стороны претерпеть негативные последствия за совершенное правонарушение и возместить причиненный вред.

Во-первых, в ряде ситуаций правонарушение составляют неисполнение обязанности по передаче вещи, выплате денежной суммы. Очевидно, что исполнение первоначальных обязанностей в конечном итоге ответственностью не является, что может создать впечатление об отсутствии таковой вообще. С другой стороны, покуда такие действия признаются правонарушениями, возникает вопрос, что считать в таком случае ответственностью. Вероятно, мы имеем дело с диспозитивностью, предоставляющей кредитору выбор правовых средств для привлечения к ответственности нарушителя (требование неустойки, возмещения материального или морального вреда). Эти средства существуют *абстрактно* до тех пор, пока кредитор не остановится на одном из них, в то время как обязанность в относительных отношениях всегда *конкретна*, что наводит на мысль о том, что понятие ответственности в некотором смысле шире понятия обязанности, а точнее, существует в иной плоскости как состояние связанности с действиями кредиторами.

Во-вторых, как мера, масштаб должного поведения юридическая обязанность, с одной стороны, действительно, характеризует правовое состояние того, кто нарушил норму права, но при этом «в тени» остается фигура пострадавшего

(кредитора), объем и содержание будто зависят от обязанностей нарушителя (должника), хотя, на самом деле, порядок зависимости обратный. Взгляд с позиции должника указывает на то, «как» осуществляется ответственность, но не «что» она собой представляет. В-третьих, в законодательстве в ряде случаев ответственность прямо называется правом или связывается с тем, что является юридически защищенной возможностью управомоченного лица.

Однако перед нами не стоит задача доказать, является ли ответственность правом или обязанностью: эти категории лишь косвенно выражают содержание ответственности, а кроме того, находятся в корреспонденции и взаимообуславливают друг друга. Важнее показать, что ответственность – это не только обязанность или право, а скорее, *правовое состояние* юридической связи (в трудовом праве, договора), возникшее в результате нарушения субъективных прав.

В работах по теории права отмечалась методологическая плодотворность категории правового состояния при анализе целой группы различных политико-юридических явлений, в частности, при анализе юридической ответственности [2, с. 40]. Следует подчеркнуть, что наука трудового права давно располагает опытом обращения к данной категории в целях характеристики дисциплинарной ответственности. В.Н. Смирнов под правовой ответственностью предлагал понимать ущербное правовое состояние совершившей правонарушение личности, определяемое совокупностью обязанностей и правомочий [12, с. 58]. Ученым анализируется правовое состояние субъекта-нарушителя в абстрактных абсолютных правоотношениях, в то время как ответственность в договорных отношениях предполагает обращение к обязанностям и правомочиям как должника, так и потерпевшего.

В современных исследованиях отмечается, что правовое состояние характеризует бытие юридических объектов и субъектов, фиксируя момент устойчивости в их изменении, развитии, движении юридических в некоторый момент времени [10, с. 5-6]. Данная категория сегодня достаточно изучена и фактически используется в качестве самостоятельной законодателем, практикой и наукой.

Применение категории правового состояния к ответственности позволяет объяснить некоторые теоретические затруднения. Так, например, меры ответственности могут не применяться к должнику, что может создать впечатление отсутствия ответственности: нет реализации ее мер, нет и ее самой. Если же опираться на понятие ответственности как правового состояния, то она возникает в любом случае и существует в виде возможности до тех пор, пока не будет реализована по волеизъявлению кредитора. Для окружающих правовое состояние ответственности может существовать только, будучи реализованным.

Практическая польза предлагаемого «функционального» подхода позволяет рассматривать ответственность как правовое состояние, наполняемое необходимым содержанием исходя из задач отдельной отрасли права, особенностей, входящих в нее институтов и тех функций, что возложены на правовую ответственность в данной отрасли. Особую значимость такая возможность приобретает в отрасли трудового права, где в рамках одного юридического режима существует несколько самостоятельных, относительно независимых механизмов юридической ответственности – дисциплинарная и имущественная ответственность. Поначалу подобная самостоятельность двух видов ответственности была расценена нами как отсутствие отраслевого единства, «родства», на чем, кстати говоря, акцентирует внимание законодатель, выводя отношения по материальной ответственности сторон трудового договора за пределы трудовых отношений. Выказанная критика и

осмысление ответственности как правового состояния позволили, напротив, констатировать предметное органическое единство двух видов ответственности при их совершенно различном функциональном наполнении и сферах действия.

Весьма распространенным является воззрение об отсутствии в трудовом праве собственных механизмов имущественной ответственности и их заимствовании из гражданского права. Целостному восприятию имущественной ответственности в трудовом праве препятствует неоднородность правового положения субъектов трудового права и ее смешанный частно-публичный характер. Предметом отрасли являются как трудовые отношения, так и отношения, тесно связанные или производные от трудовых (отношения, предшествующие трудовым; отношения, сопутствующие трудовым; отношения, вытекающие из трудовых). Каждый вид отношений обеспечивается мерами, в том числе, и имущественной ответственности. Сообразно с этим возможно выделение имущественной ответственности в трудовых отношениях (материальная ответственность сторон трудового договора); имущественной ответственности работодателя за незаконный отказ в приеме на работу; имущественной ответственности сторон в отношениях по обеспечению занятости; имущественной ответственности ученика перед работодателем; имущественной ответственности в социально-партнерских отношениях. Представляется, что перечисленные разновидности (разумеется, это не классификация), обладая существенными особенностями, подлежат обособленному научному осмыслению.

Наиболее исследована в науке трудового права проблема взаимной имущественной ответственности работника и работодателя, именуемая в силу сложившейся законодательной традиции материальной ответственностью. Отдельными учеными отмечалось, что нормы о материальной ответственности являются генетической разновидностью гражданско-правовых норм об имущественной ответственности, претерпевших количественные и качественные изменения в соответствии с их новой трудово-правовой природой [9, с. 11]. При такой трактовке создается впечатление заимствования трудовым правом института имущественной ответственности из области гражданского права, искусственного привнесения его извне.

Но, во-первых, в корне неверно отождествлять ответственность гражданскую и ответственность имущественную. В приведенной нами ссылке автор эти понятия разделяет, но, как правило, эти понятия используются как синонимичные, что приводит к смешению отраслевой типизации и классификации ответственности по характеру мер ответственности (имущественная/восстановительная и неимущественная/карательная). Гражданскому праву знакомы случаи и неимущественной ответственности (к примеру, лишение родительских прав). Поэтому считать имущественную ответственность принадлежностью исключительно гражданского права неверно в той же степени, как считать таковой конструкцию договора, или институт представительства.

Во-вторых, от того, что трудовое законодательство оперирует в отдельных случаях терминологией и конструкциями гражданского права, не изменяется трудово-правовая природа самих норм. Более того, даже перенесение этих норм в Гражданский кодекс РФ не сможет изменить существа возникающих отношений, а значит, и ответственности. Российской законотворческой практике известны случаи вычленения и переноса целых институтов трудового права в нормативные акты иной отраслевой принадлежности, которые не повлекли за собой изменения трудово-правовой природы этих дублированных норм (имеются в виду положения Феде-

рального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ»).

Трудовое право, действительно, не сразу выработало собственный алгоритм действия правовых средств при причинении сторонами имущественного вреда и, пожалуй, все еще находится в процессе определения места этого института в системе трудового права. Но большим упущением было бы вовсе обойти вниманием шаги, проделанные трудовым правом на этом пути. Л.С. Таль, обращаясь к германскому закону 21 июня 1869 г. об аресте заработной платы и жалования от взысканий нанимателя как к первому общему закону, содержащему прямое указание на трудовой договор, цитирует: «аресту не подлежит вознаграждение за работы и услуги, исполненные на основании трудового или служебного отношения, насколько этим отношением всецело или большею частью поглощается хозяйственная деятельность лица, получающего вознаграждение» [13, с. 326]. Разумеется, речь идет о любых случаях удержаний, но, очевидно, что именно у работодателя велик соблазн заплатить работнику как можно меньше, прибегнув при этом к законным процедурам, в частности, имущественным санкциям.

Ограничение размеров ответственности и пределов удержаний, процедура привлечения к материальной ответственности, возможность снижения размера возмещения вреда и иные инструменты, наконец, законодательное урегулирование ответственности работодателя в большей или меньшей мере имеют в виду в качестве выгодоприобретателя фигуру работника. Аргумент представителей цивилистической науки мог бы заключаться в том, что уменьшение размера возмещения вреда судом с учетом имущественного положения гражданина-причинителя известно и гражданскому праву (ст. 1083 ГК РФ). Но контраргумент таков, что именно для трудового права необходимость обеспечения человека минимальными средствами для существования стала императивом с развернутой, предельно четкой регламентацией.

Дифференциация правового регулирования, приумножение и развитие форм занятости, предполагающих большую самостоятельность работника, широкая самозанятость работников, обеспечивающая альтернативные средства к существованию, расширение договорной свободы (на индивидуальном и коллективном уровнях) – неполный перечень тех перемен, учет которых в состоянии коренным образом преобразовать облик имущественной ответственности в трудовом праве и взглянуть на нее как на динамичный способ обеспечения действия правовых норм.

Некоторые формы реагирования на происходящие изменения можно уже сейчас наблюдать в складывающейся (не всегда легально) корпоративной практике: к примеру, пересматриваются пределы материальной ответственности работников с точки зрения производимого взысканиями экономического эффекта, а также устанавливаются градации размеров присуждаемого ущерба в зависимости от содержания трудовой функции работника. Скрытой формой имущественной ответственности за ненадлежащее выполнение трудовых обязанностей можно считать широко и давно применяемые схемы депремирования. Таким образом, мы имеем дело с той ситуацией, когда необходимость в изменениях продиктована самой практикой общественной жизни, а задача науки заключается в постановке и решении возникающих проблем.

Список литературы

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с.

2. Байтин М.И., Баранов В.М. О логико-гносеологической и юридической природе правового состояния// Вопросы теории государства и права. Саратов, 1991. С. 39-47.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. 576 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 216 с.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.
6. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 380 с.
7. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. 239 с.
8. Малейн Н.С. Об институте юридической ответственности// Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Тарту, 1989. С. 30-35.
9. Молодцов М.В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. М., 1985. 175 с.
10. Парфенов А.В. Понятие и социально-юридическая природа правового состояния // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 2. 2007. С. 4-10.
11. Попова Т.Н. Наблюдения над сложными суффиксальными формантами в диалектных субстантивах // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004. С. 33-34.
12. Смирнов В.Н. Понятие дисциплинарной ответственности // Правоведение. 1969. № 3. С. 52-61.
13. Таль Л.С. Задачи науки гражданского права в области найма труда // Трудовой договор: цивилистическое исследование. М., 2006. 539 с.
14. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. 950 с.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. 805 с.

В КАКИХ СЛУЧАЯХ ВОЗМОЖНО ИССЛЕДОВАТЬ ДАнные О ЛИЧНОСТИ ПОДСУДИМОГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ?

Осодоева Н.В.

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, канд. юрид. наук,
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Иркутск

Статья посвящена исследованию данных о личности подсудимого в суде присяжных. Анализируются мнения ученых, судебная практика по указанной проблеме. Автор убежден, что данные, характеризующие личность подсудимого, не должны приводиться для доказательства виновности или невиновности подсудимого, но иногда они имеют отношение к делу и подлежат исследованию в присутствии присяжных заседателей, при этом они исследуются лишь в той мере, в какой необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый.

Ключевые слова: суд присяжных, допрос, личность подсудимого, приговор, судимость.

В соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ установлены пределы исследования с участием присяжных заседателей данных о личности подсудимого. УПК РФ предусматривает, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого [1].

В развитие этих положений Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», указал правоприменителям, что «по смыслу закона и с учетом компетенции присяжных заседателей с их участием не должны также исследоваться данные, характеризующие личность подсудимого: характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и др.» [2].

Среди ученых обсуждается следующая проблема.

Следует признать, что положение, изложенное в ч. 8 ст. 335 УПК РФ, не однозначно трактуется в юридической литературе.

Запрет, содержащийся в законе, создает на практике много проблем, если одновременно присяжным заседателям вменяется в обязанность решить, заслуживает подсудимый снисхождения или особого снисхождения. Быть может, как раз некоторые данные о личности подсудимого могут быть приняты во внимание при вынесении такого решения [3, с. 66].

Некоторые ученые подчеркивают, что вопрос об исследовании доказательств, касающихся личности подсудимого, должен рассматриваться при ответе на вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения» [4, с. 91-124; 5, с. 58].

По мнению отдельных юристов, данные о состоянии здоровья, о семейном положении и другие сведения о личности подсудимого могут исследоваться с участием присяжных заседателей в тех случаях, когда они необходимы для правильного и справедливого решения вопросов о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения (например, сведений о тяжелой неизлечимой болезни подсудимого или о том, что на его иждивении находятся несовершеннолетние дети) [6, с. 354; 7, с. 258].

А. С. Александров, С. П. Гришин полагают, что в виде исключения на допросе могут быть проверены утверждения подсудимого о том, что у него нет судимости, или что он не употребляет наркотики или не является алкоголиком [8; 9, с. 94].

В. В. Золотых полагает, что исследование данных о личности возможно, «когда с помощью этих доказательств устанавливаются определенные элементы состава преступления, когда сам подсудимый ходатайствует об этом, избирая, таким образом, собственную позицию защиты». В последнем случае «обвинитель... вправе представить другие доказательства, относящиеся к характеристике личности подсудимого, с тем, чтобы опровергнуть предъявленные подсудимым доказательства» [10, с. 5].

М. А. Гайсинович указывает на особую значимость исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого для определения мотива действий подсудимого и потерпевшего, принятия присяжными решения о снисхождении и сохранении принципа равенства участников процесса, если по инициативе защиты исследуются данные о личности потерпевшего [11, с. 29-32].

Характерными являются следующие примеры из судебной практики Верховного Суда РФ.

Так, органами предварительного следствия П. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 321 УК РФ, а именно в дезорганизации деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, выразившейся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении сотрудника места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности. Согласно предъявленному обвинению П., содержащийся под стражей в связи с уголовным преследованием по другому уголовному делу, узнал, что младший инспек-

тор С. составлял рапорт о нарушении им правил внутреннего распорядка исправительного учреждения, выразившегося в неявке без уважительных причин на утреннюю проверку. На просьбу П. не писать рапорт С. ответил отказом, после чего П. нанес ему четыре удара рукой в область лица и головы, причинив тем самым легкий вред здоровью, вызвавший кратковременное его расстройство.

В судебном заседании по ходатайству стороны защиты были исследованы данные, свидетельствующие о хроническом заболевании и инвалидности П. для обоснования вывода о том, что его неявка на утреннюю проверку была обусловлена его болезненным состоянием, а возмущение поведением С. – несправедливостью и неоправданной грубостью его действий.

Тем самым указанные обстоятельства имели значение для правильного установления цели и мотивов совершенных П. действий, в связи с чем их исследование было допустимо [12].

Кроме того, вердиктом присяжных заседателей от 13 ноября 2008 г. Ф. признан виновным в том, что 29 февраля 2008 года около 9 часов 30 минут в зале суда после провозглашения судьей приговора в отношении него и С., которым они были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 162 УК РФ, ч. 4 ст. 166 УК РФ, на почве личных неприязненных отношений, возникших к судье И. в связи с исполнением ею обязанностей по отправлению правосудия и вынесением обвинительного приговора, с целью унижения чести и достоинства судьи И. публично в присутствии участников процесса и других лиц оскорбил ее грубой нецензурной бранью, чем унизил честь и достоинство судьи И., подорвал авторитет судебной власти.

Доводы осужденного Ф. о том, что в судебном заседании с участием присяжных заседателей были необоснованно исследованы данные о его личности и судимости, признаны не состоятельными, поскольку они исследовались государственным обвинителем в соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ, то есть в той мере, в какой они были необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого Ф. обвинялся [13].

Думается, что в целом данные, характеризующие личность подсудимого, не должны приводиться для доказательства виновности или невиновности подсудимого, но иногда они имеют отношение к делу и подлежат исследованию в присутствии присяжных заседателей, при этом они исследуются лишь в той мере, в какой необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1. С. 2-11.
3. Немытина М. В. Российский суд присяжных: Учеб.-метод. пособие. М.: БЕК, 1995. 218 с.
4. Lupinskaya P.A. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных // Рассмотрение дел судом присяжных: Научно-практическое пособие для судей. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 1997. С. 91-124.
5. Маркова Т.Ю. Решение вопроса о снисхождении присяжными заседателями // Уголовный процесс. 2007. № 4. С. 55-58.
6. Уголовный процесс: Учеб. для вузов / отв. ред. А. В. Гриненко. М.: Норма, 2004. 480 с.

7. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных: Учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2003. 480 с.
8. Александров А.С., Гришин С.П. О некоторых процессуальных правилах перекрестного допроса в уголовном суде. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). М.: Юрлитинформ, 2007. 592 с.
10. Золотых В.В. Исследование данных о личности подсудимого // Российская юстиция. 1996. № 8. С. 5.
11. Гайсинович М.А. Принцип состязательности в суде присяжных заседателей // Законность. 1995. № 9. С. 29-32.
12. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 24 февраля 2009 г. № 67–009–5 СП. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.
13. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 16 марта 2009 г. № 89–009–8сп. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ПРИ ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ СФЕРЫ ГОСУСЛУГ В РОССИИ

Рубцова М.В.

ст. научный сотрудник научно-исследовательского института,
Академия Генеральной прокуратуры РФ, Россия, г. Москва

В статье рассматриваются правовые отношения взаимодействия кредитных организаций, государственных органов и граждан при предоставлении банковских услуг. Особенности предоставления банковских услуг, понятие банковских услуг, основные характеристики, проблемы, совершенствование правовых отношений в данной сфере.

Ключевые слова: банковские услуги в России, система госуслуг, банковская деятельность, порядок предоставления, совершенствование законодательства, нормативные акты, страхование, кредитные организации, государственные органы, юридические лица, финансовый рынок, национальная экономика.

Банковские услуги является одним из важнейших сегментов национальной экономики, обеспечивающим ее функционирование и развитие, а также составляет один из важнейших сегментов финансового рынка. Банковские услуги характеризуют следующие основные особенности. Прежде всего, только кредитные организации, имеющие лицензию ЦБ РФ на осуществление банковских операций, могут оказывать банковские услуги в соответствии с такой лицензией. Банковская услуга – это банковская операция по обслуживанию клиента. Предоставление банковских услуг – это основная деятельность любого банка. Для того, чтобы получить прибыль, банковское учреждение должно создать свою услугу, необходимую клиенту, определить ее цену, выйти с ней на рынок и реализовать ее. Иными словами, банковская услуга – это услуга, удовлетворяющая какой-нибудь спрос и предназначенная для продажи на рынке) [1].

Важнейшим свойством банковских услуг является их производительный характер. Уже в такой простейшей форме, как прием от населения и предприятий во

вклады, заключен огромный производительный смысл. Банк не просто собирает деньги – он превращает «неработающие», неиспользуемые денежные ресурсы в работающие активы. В равной степени это относится к кредитам, предоставляемым предприятиям и организациям на развитие своей производственной и финансовой деятельности. Характерным свойством банковских услуг является и то, что их объектом выступают не просто деньги, перемещаемые в огромных суммах с помощью каналов банковской связи с одного счета на другой, из одного региона (предприятия, сектора экономики) в другой. Движение по счетам предприятий – это преимущественно движение капиталов в денежной форме. Свойство банковских услуг состоит и в том, что они охватывают как активные, так и пассивные операции. Принимая вклады и осуществляя тем самым пассивные операции, банки дают возможность своим клиентам не только хранить денежные средства в безопасном месте, но и получить определенный доход в виде процентов по депозитам. Размещая акции клиентов, предоставляя им ссуду, выполняя валютные и другие активные операции, банки оказывают существенные услуги хозяйствам, способствуют продвижению товарных масс, купле-продаже товаров, экономии общественных затрат [2]. Только комплекс банковских услуг способен удовлетворить конкретную финансовую потребность клиента и позволяет говорить об операции банка в качестве его услуги. Правоотношения между банками и потребителями в сфере оказания финансовых услуг регулируются: Законом «О защите прав потребителей» [3], ГК РФ (части первая, вторая) [4], Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» [5], нормативными актами Банка России, рядом иных нормативно-правовых актов. Согласно законодательству современной России, банковские услуги предоставляются кредитными организациями. Однако в экономическом смысле, а в некоторых случаях и на основании нормативных актов эти операции осуществляются юридическими лицами, не являющимися кредитными организациями.

С 1 февраля 2018 года вступят в силу разработанные Минэкономразвития России постановление Правительства от 2 октября 2017 года №1202 и распоряжение Правительства от 3 октября 2017 года № 2147-р, совершенствующие действующий порядок взаимодействия кредитных организаций, государственных органов и граждан при предоставлении банковских услуг, где запросы о предоставлении необходимых документов и сведений будут формироваться банками самостоятельно. С согласия клиента они будут передаваться в госорганы через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), а результаты их рассмотрения – автоматически направляться в банк. Это позволит значительно упростить процедуру и сократить срок получения банковских услуг, поскольку отпадет необходимость обращаться в госорганы за документами, чтобы, например, получить кредит или оформить ипотеку.

Данные нововведения находятся в русле всех текущих тенденций развития сферы госуслуг. Принятыми актами предусмотрена возможность получения кредитными организациями 16 юридически значимых сведений. Среди них, например, сведения о налоге на доходы физических лиц, выписки из ЕГРН, сведения о наличии решения о приостановлении (об отмене решения о приостановлении) операций по счетам налогоплательщика – организации и переводов его электронных денежных средств в банке и т.д. В числе органов, предоставляющих сведения – ФНС России, Росреестр, Росстат, ФАС России, а также АО «Электронный паспорт». В перспективе перечень предоставляемых государственными органами сведений может быть расширен [6].

С 3 апреля 2017 года осуществляется работа с электронными банковскими гарантиями. На сегодняшний день их уже выдают 13 банков. С апреля 2017 года в таможи поступило 1284 электронных гарантии, из которых 1237 (96,3%) были приняты в качестве обеспечения. Главное преимущество электронной банковской гарантии перед «бумажной» заключается в экономии времени и финансовых ресурсов участников ВЭД. При работе с электронными гарантиями не требуется представлять в таможенную сопроводительные документы (например, подтверждение полномочий лиц, подписавших гарантию). Наконец, участник ВЭД избавлен от необходимости представлять гарантию в таможенный орган, так как это делает непосредственно банк.

Таможня и банки активно переходят на электронное взаимодействие. Это нужно участникам внешнеэкономической деятельности. Именно они являются главными бенефициарами применения технологии электронных банковских гарантий. Это упрощает и ускоряет их работу [7]. Также Банк России предлагает создать национальную систему регистрации финансовых транзакций, в которой будут фиксироваться все приобретенные физлицами финансовые услуги. Это станет важным элементом для перехода основного объема услуг на финансовом рынке в интернет: потребитель, купив что-то дистанционно, сможет зайти в свой личный кабинет и удостовериться, что продукт действительно приобретен, юридически услуга гарантирована [8]. Кроме того, Банк России изучает возможность создания национальной системы передачи финансовых сообщений на основе технологий распределенных реестров (блокчейна). При этом рубль в любом случае останется валютой, подконтрольной Банку России. Вместе с участниками ассоциации «ФинТех» Банк России к середине следующего года представит прототип платформы для быстрых денежных переводов между физическими лицами (P2P-переводы) по номеру телефона или аккаунту в соцсети. Платформа будет использовать расчетную систему Банка России. Это гарантирует безопасность и надежность платежей. Пользователям это позволит рассчитывать на снижение тарифов за межбанковские переводы – физлица должны платить минимум за эту услугу, возможно, какие-то банки сделают комиссию нулевой.

Другой ключевой проект для банковского сектора – удаленная идентификация клиентов. Механизм удаленной идентификации позволит физическим лицам открывать вклады, брать кредиты и совершать другие базовые операции без посещения офисов банков. Это особенно важно для жителей небольших населенных пунктов, где банки представлены слабо или их нет вовсе. Удаленная идентификация даст новый импульс сокращению числа банковских офисов. Этот процесс идет с 2013 года – с тех пор было закрыто почти каждое четвертое отделение. Банки узнают клиентов по сочетанию голоса и изображения лица, соответствующую биометрическую систему создает «Ростелеком». Эти данные будут храниться в Единой биометрической системе, интегрированной с порталом госуслуг, на котором уже зарегистрированы свыше 55 миллионов пользователей. Удаленная идентификация позволит гражданам открывать вклады и брать кредиты, не посещая банки. Биометрические эталоны будут применяться также для удаленного получения госуслуг, причем для разных видов услуг может использоваться свой набор параметров. Но финансовый сектор станет пионером удаленной биометрической идентификации [9].

В целях обеспечения потребителям банковских услуг достаточной степени комфорта и защищенности, чтобы не отстать от новых требований жизни, банкам

необходимо внедрять новые технологии и законодательные положения, учитывая развивающуюся сферу государственных услуг в России.

Список литературы

1. URL: <http://works.doklad.ru/view/FzyfeiUzTOU/all.html> (Дата обращения: 11.05.2017).
2. URL: <http://www.vvpnews.ru/referat259.htm> (Дата обращения: 19.10.2017).
3. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
5. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».
6. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depgosgv/2017101010> (Дата обращения: 12.10.2017).
7. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=25825:-13-&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (Дата обращения: 12.10.2017).
8. URL: <https://rg.ru/2017/10/06/cb-sozdast-nacionalnuiu-sistemu-finansovyh-tranzakcij.html> (Дата обращения: 19.10.2017).
9. URL: <https://rg.ru/2017/10/05/sistema-mgnovennyh-platezhej-mezhdu-fizlicami-zarabotaet-v-2018-godu.html> (Дата обращения: 19.10.2017).

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ РФ

Румянцев М.Б.

научный сотрудник, кандидат юридических наук,
Всероссийский научно-исследовательский институт пищевых
систем им. В.М. Горбатова, Россия, г. Москва

В работе предпринята попытка дать основные особенности действия нормативных актов РФ во времени. Границы возможностей субъектов правотворчества по установлению временных пределов действия нормативных актов ограничены законом. Акт издания закона или нормативного акта меньшей юридической силы не означает его немедленного вступления в силу. В современном российском правотворчестве зачастую руководствуются принципом немедленного издания законов и других правовых актов под воздействием удовлетворения сиюминутных интересов, а не решения долгосрочных проблем.

Ключевые слова: нормативный акт, субъект, правотворчество, возможность, интересы, действие во времени.

Нормативные правовые акты имеют четко выраженную направленность своего действия во времени, в пространстве и по кругу лиц. Пределы распространения их юридической силы в каждом из указанных направлений зависят от вида нормативного правового акта и воли субъекта правотворчества, который их издает. При этом субъекты, издающие нормативные правовые акты, действуют в соответствии с установленными законом полномочиями. Это означает, что границы их возможности установления пределов действия нормативных правовых актов во времени ограничены законом.

Действие нормативного правового акта во времени продолжается с момента вступления его в силу и до момента ее утраты. Издание нормативного правового

акта еще не означает, что он вступает в действие и приобретает юридическую силу. Между фазой издания (принятия) нормативного правового акта и до начала его действия существует небольшой промежуток времени (для разных видов нормативных правовых актов он может быть не одинаков), в течение которого осуществляются такие процедуры как подписание данного акта и опубликование (обнародование).

Следует также иметь в виду, что в соответствии со ст. 15 Конституции РФ «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Порядок опубликования и вступления закона в силу определен федеральным законом от 14.06.1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» [5].

Согласно ст. 2 указанного федерального закона датой принятия закона коллегиальным органом считается день принятия (издания) его в окончательной редакции, что подтверждается экземпляром данного акта с подписями должностных лиц соответствующего правотворческого органа и протокола его заседания.

Датой принятия (издания) нормативных правовых актов иными правотворческими органами считается день подписания акта руководителем соответствующего правотворческого органа.

Тексты федеральных конституционных законов, а также обычных федеральных законов в соответствии со статьями 107 и 108 Конституции РФ подписывает Президент РФ в течение четырнадцати дней.

Законы субъекта федерации подписываются высшим должностным лицом этого субъекта (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта федерации) в течение срока, установленного его Конституцией (уставом).

Устав муниципального образования, нормативные правовые акты представительного органа муниципального образования подписываются главой муниципального образования в срок, предусмотренный его уставом.

После подписания нормативного правового акта ему необходимо придать статус официального акта, свидетельствующего, что он издан в полном соответствии с требованиями, предъявленными к такого рода правовым документам. Для этого законы, подписанные президентом РФ, публикуются в соответствующих официальных печатных органах – «Собрание законодательства Российской Федерации» или в «Российской газете». В этих же печатных органах публикуются нормативные правовые указы Президента РФ и постановления Правительства РФ в течение десяти дней после их издания. Нормативные правовые акты министерств и ведомств публикуются после их государственной регистрации в ведомственных органах печати – «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, кроме актов и отдельных их положений, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, или сведения конфиденциального характера, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, как не

вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний [1, с. 602].

Порядок опубликования (обнародования) муниципальных нормативных правовых актов определяется уставом муниципального образования и должен обеспечить возможность ознакомления с ними граждан, проживающих на его территории. Опубликование допускается в местных периодических печатных изданиях (газетах) либо в сборниках муниципальных нормативных правовых актов [4, с. 189-202].

После официального опубликования нормативные правовые акты вступают в юридическую силу различными способами и в различные сроки, установленные законом. Так, например, законы Российской Федерации вступают в силу на всей ее территории по истечении десяти дней со дня их официального опубликования (день опубликования в расчет не принимается).

По мнению Т.А. Петровой в настоящее время нет четкого регламентирования процедуры государственной регистрации ведомственных нормативных правовых актов, что создает серьезные трудности введения их в действие, придание им юридической силы. Выходом из создавшегося правового вакуума, считает автор, является быстрее издание федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», где следует устранить данный пробел в законодательстве [3, с.147-148]. И это было бы наиболее оптимальное, и по нашему мнению, решение данной проблемы.

Мы рассмотрели общие сроки, по истечению которых вступают в силу указанные выше нормативные правовые акты.

Однако вступление в силу нормативных правовых актов может быть предусмотрено законом и в ином порядке: 1) отдельные акты вступают в юридическую силу с момента их принятия (в случае необходимости срочного урегулирования каких-либо общественно значимых проблемных ситуаций); 2) со времени указанного в самом нормативном правовом акте или в специальном акте о введении его в действие (например, с момента опубликования; с наступлением конкретной календарной даты, которая может увеличивать срок введения в действие нормативного правового акта свыше установленного времени).

Нормативным правовым актом может быть предусмотрено ограничение срока его действия в целом или отдельной его части.

Нормативные правовые акты прекращают свое действие тоже в результате различных обстоятельств. К числу таковых относятся следующие: 1) в связи с истечением срока действия акта, на который он был принят; 2) издание нового нормативного правового акта, который заменяет ранее действовавший. Если заменяется не весь нормативный акт, а только отдельные его правовые нормы (изменение содержания нормы права), то это будет означать, что старая норма права отменена и действует новая. Представляется, что в современном российском правотворчестве зачастую руководствуются принципом немедленного издания законов и других правовых актов под воздействием удовлетворения сиюминутных интересов, а не решения долгосрочных проблем. Это приводит к бесконечному изменению, дополнению и отмене норм права во всех его отраслях [2, с. 13].

Диалектика развития общества такова, что под воздействием различных объективных и субъективных факторов возникает потребность в изменении действующих законов. Они могут изменяться как в сторону усиления ответственности за определённые деяния, так и в сторону ее смягчения. Чтобы не допустить отягчения ответственности, ст. 54 Конституции РФ определяет, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон.

Конституционное закрепление недопустимости применения законов, устанавливающих или усиливающих ответственность за деяния, совершенные до их издания, имеет важное практическое значение. Аналогичная норма содержится и в Гражданском кодексе РФ. В частности, ст. 4 ГК предусматривает правило, в соответствии с которым акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Таким образом, общее правило действия нормативных правовых актов во времени гласит: нормативный правовой документ действует только в отношении тех обстоятельств и случаев, которые возникли после введения его в действие. Такой подход обеспечивает правовую стабильность.

Таким образом, подводя итог рассмотрения вопроса в целом, можно сделать следующие выводы.

1. Действие нормативного правового акта во времени находится в прямой зависимости от того, органом какого уровня этот акт принят и какие он преследует цели. Каждый нормативный правовой акт рассчитан на установленный срок действия во времени.

2. Имеющиеся недостатки, связанные с введением в действие некачественных, малоэффективных нормативных правовых актов, обусловлены также и тем, что отсутствует какая-либо ответственность правотворческих органов за выпуск в сферу правоприменения такой продукции. Как видится мерой, предупреждающей издание нормативных правовых актов низкого качества может быть отстранение от правотворческой деятельности тех физических лиц, которые непосредственно имеют отношение к подготовке проекта конкретного акта, не достигшего нужного качественного уровня.

Список литературы

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 2000. С.602.
2. Белоусова М.С. Правотворческая функция российского государства // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №19 (200).
3. Выступление Т.А. Петровой на круглом столе 26.01.2015 г. по теме «Актуальные проблемы правотворчества и проект федерального закона «О нормативных правовых актах в российской Федерации» // Журнал российского права. 2015. №3. С. 147-148.
4. Туранин В.Ю., Туранин Ю.П. Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов. Белгород, 2002. С. 189-202.
5. Федеральный закон от 14.06.1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» СЗ РФ 1994 № 8 ст. 801.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЭД В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рыбак С.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук, доцент,
Ростовский филиал Российской таможенной академии, Россия, г. Ростов-на-Дону

Мартынова В.Н.

студентка магистратуры, Ростовский филиал Российской таможенной академии,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье исследуются актуальные проблемы внешнеэкономической деятельности и роль в ней таможенного регулирования. Представлен сравнительный анализ внешнеэкономических показателей за 2016 год по сравнению с предыдущими годами и обозначены возможные причины их динамики (внутригосударственные, международные). Особое внимание авторы уделяют проблеме дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы деятельности таможенных органов Российской Федерации в контексте внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, единое экономическое пространство, импортозамещение, таможенное регулирование, противодействие коррупции, правонарушения в сфере ВЭД.

Высокая степень вовлеченности России в мировую экономику объективно предполагает углубленное изучение и осмысление проблем внешнеэкономической деятельности государства и роли в ней таможенных органов. Интеграция выступает как высшая форма интернационализации. Основываясь на межгосударственных отношениях, интеграция требует многосторонних взаимосвязей между государствами-участниками для разработки совместных действий, направленных на развитие экономических связей.

Внеэкономическая деятельность (далее – ВЭД) предприятий является одним из ключевых и важнейших разделов экономики России, внешнеэкономический оборот которой в 2016 г. составил 471,2 млрд. долларов США [11]. Указанные данные наглядно демонстрируют тенденцию на снижение внешнеэкономического оборота более чем на 11 % в сравнении с предыдущим 2015 годом.

Однако, статистические данные второй половины 2016 и начала 2017 года говорят о наметившемся росте объема трансграничных операций [1]. Основой экспорта Российской Федерации традиционно являются топливно-энергетические ресурсы, составляющие в товарной структуре экспорта 62 % [11]. При этом доля экспортных операций составляет более 2/3 ВВП страны. Следует отметить, что наиболее значимую роль в формировании потока налоговых, бюджетных поступлений в казну играют таможенные органы, которые оказывают системное влияние на структуру макроэкономических показателей экономики РФ. Совершенство законодательной базы в сфере таможенного регулирования коррелирует с показателями деловой и экономической активности предприятий среднего и малого бизнеса России [7].

Особую актуальность проблемам ВЭД придает вступление России в ВТО и создание таможенного союза в рамках единого экономического пространства в 2012 году, расширение ЕЭП в 2014 (Армения) и 2015 (Киргизия) годах, а также

внешнеполитические факторы связанные с проведением политики санкций и контрсанкций начиная с марта 2014 года и ответной программы импортозамещения разработанной Правительством РФ [2].

Следует отметить, что структурные геополитические вызовы экономике России наложились на системные законодательные трансформации таможенного права РФ, начавшиеся в 2003 году с принятием Таможенного кодекса, заложившего необходимые предпосылки для формирования новой нормативной правовой базы ВЭД, отвечающей высокому уровню мировых стандартов. Последними, но не менее важными факторами, оказывающими влияние на изменение правового поля экспортно-импортных операций, явилось продолжающееся реформирование системы государственного управления в России. В соответствии с утвержденной Правительством РФ Концепцией административной реформы и проводимая делиберализация законов, ограничивающих вывод капитала за границу и проводимое противодействие легализации доходов, полученных преступным путем [3].

Анализируя основные изменения в текущем законодательстве Российской Федерации, имеющем отношение к сфере таможенного регулирования, внешнеэкономической деятельности и связанного с ними валютного контроля с 2016 года, необходимо отметить, что большинство законов и подзаконных актов направлены на совершенствование системы тарифного и нетарифного регулирования, формирование и упорядочивание структуры единой товарной номенклатуры в рамках созданного таможенного союза. В целях снятия и упрощения технических барьеров во взаимной торговле осуществляется признание сертификатов соответствия на продукцию, выданных в национальных системах оценки (подтверждения) соответствия, а также протоколов испытаний продукции, проведенных аккредитованными в национальных системах аккредитации испытательными лабораториями [5, с. 112].

По мнению отечественных исследователей для успешной внешнеэкономической деятельности, необходимо, чтобы в масштабах ЕАЭС действовали единые нормативно-технические документы, которые в обязательном порядке должны быть гармонизированы с международными.

Так, в частности, в 2015-2016 годах, в целях изменения порядка применения системы управления рисками, сбора и обработки информации, проведения анализа и оценки рисков, разработки и реализации мер по управлению рисками был разработан Приказ ФТС № 280 от 12.02.2016 и модифицирован приказ ФТС № 1667.

Свою лепту в решение данных вопросов регулярно вносит и Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). Так, в частности Решением ЕЭК № 8 от 26 января 2016 года «О внесении изменений в пункт инструкции о порядке заполнения декларации на товары», был усовершенствован порядок декларирования подакцизных товаров.

Изменяются коды бюджетной классификации (Информация ФТС России «О кодах бюджетной классификации, по которым осуществляется перечисление таможенных и иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы» и порядок защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности (Письмо ФТС России № 14-36/31557 от 30 июня 2015 года «О вопросах обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами Российской Федерации» [3].

Изменение претерпело и валютное законодательство, обеспечивающее проведение операций ВЭД (к примеру, ФЗ № 463 от «О внесении изменений в Феде-

ральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» в части внесения денежного залога и банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов в электронном виде и информационного обмена сведениями о таких банковских гарантиях») [8].

Отдельно следует отметить изменения в законодательстве, связанные с импорто-экспортными операциями на Украину, и порядке транзитных перевозок из Украины (к примеру, Указ Президента РФ «О мерах по обеспечению экономической безопасности и национальных интересов Российской Федерации при осуществлении международных транзитных перевозок грузов с территории Украины на территорию Республики Казахстан через территорию Российской Федерации»).

На протяжении всего 2016 года постоянно менялись списки разрешенных к ввозу промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. Для Ростовской области, в этой сфере, особенно актуальными были изменения в законодательстве связанные с прохождением экспортно / импортных операций и финансовых потоков на территорию ДНР и ЛНР [9].

Не менее важным направлением деятельности таможенных органов в сфере ВЭД явилась законодательная и оперативная работа, связанная с выявлением и предотвращением правонарушений, связанных с внешнеэкономической деятельностью. Основными правонарушениями в сфере ВЭД в 2015 и 2016 годах являлись действия декларантов, связанных с внешнеэкономической деятельностью (неправомерное сертифицирование ввозимой и вывозимой продукции, занижение таможенной стоимости товаров и изменение страны происхождения товара). В 2016 году участились попытки незаконного вывода капитала за границу по подложным документам и попытки контрабандного ввоза незадекларированных товаров [6].

К нарушителям таможенных правил, таможенные органы принимают соответствующие меры, ведут оперативно – розыскную и профилактическую работу в таможенной сфере [4, с. 12].

В рамках борьбы собственных подразделений Федеральной таможенной службы по противодействию коррупции отмечается незначительное увеличение уголовных дел в 2016 (409 дел) году по сравнению с 2015 (406 дел). При этом следует отметить, что большинство преступлений раскрываются сотрудниками таможни. В 2016 другими правоохранительными органами году возбуждено 9 уголовных дел в отношении должностных лиц таможни по преступлениям коррупционной направленности [10]. При этом наиболее распространенными видами преступлений, совершенных должностными лицами таможенных органов являлись следующие: дача и получение взятки (ст. 290, 291 УК РФ), мошенничество, присвоение или растрата (части 1, 2 ст. ст. 159, 160 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

Необходимо отметить, что в направлении противодействия коррупции в таможенных органах ведется довольно серьезная работа. Так, в июле 2016 года Приказом ФТС № 1349 от 08 июля 2016 были внесены изменения в инструкцию «О порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях» (Приказ ФТС России № 23 от 12.01.2007 г.), а в феврале 2017 года Приказом ФТС России № 207 от 09.02.2017 утверждено Положение «Об управлении по противодействию коррупции» [10].

Таким образом, вышеуказанные проблемы свидетельствуют необходимости жесткого контроля со стороны государства в отношении внешнеэкономической деятельности, а также актуальности дальнейшего совершенствования организацион-

но-правовой деятельности таможенных органов и быстрого и качественного реагирования ФТС России на появление новых экономических и геополитических вызовов для национальной экономики.

Список литературы

1. Вести. Экономика. [Электронный ресурс] // Росстат: ВВП России сократился на 0,2 %. URL: [http:// www.Vestifinance.ru/articles/80747](http://www.Vestifinance.ru/articles/80747)(дата обращения: 04.09.2017).
2. Деловой еженедельник «Профиль» [Электронный ресурс] // Санкции и контрсанкции. URL: [http:// www.profile.ru/politika/item/98050](http://www.profile.ru/politika/item/98050) – sanktsii-i-kontrsanktsii – Хроника введения санкций и контрсанкций в справке «Профиля» (дата обращения: 08.09.2017).
3. Обзоры ключевых изменений законодательства [Электронный ресурс] // URL: [http:// www.wc.ru/ru/taX-consultin-services](http://www.wc.ru/ru/taX-consultin-services) (дата обращения: 10.09.2017).
4. Рыбак С.В., Ануфриева Л.И. Международное таможенное сотрудничество: учебное пособие. СПб., 2014. 384 с.
5. Рыбак С.В. Международно-правовые проблемы государств-участников СНГ: учебник. СПб., 2017. 336 с.
6. Сайт федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]// Участникам ВЭД. URL: <http://VedcustomSlu/>(дата обращения: 09.09.2017).
7. Тюрина Е. И. VII Международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум» – 2015 [Электронный ресурс]// Проблемы административно-правового регулирования экономической деятельности таможенных органов URL: [http:// www.scienceforum.ru/2015/1295/14974](http://www.scienceforum.ru/2015/1295/14974) (дата обращения: 04.09.2017).
8. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (последняя редакция). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс] // ФТС по противодействию коррупции в 2016 году. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view (дата обращения: 10.09.2017).
10. Федеральная Таможенная Служба [Электронный ресурс]//Банк данных «Таможенное законодательство». URL: <http://customs.consultant.ru/>(дата обращения: 05.09.2017).
11. Центральный Банк РФ. Статистика внешнего сектора [Электронный ресурс] // Макроэкономическая финансовая статистика внешнеторгового оборота России в 2016-2017 годах. URL: [http:// www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs](http://www.cbr.ru/statistics/?Prtd=svs) (дата обращения: 05.09.2017).

ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Садыков И.А.

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В статье рассматриваются вопросы определения круга гарантированных государством социально-экономических прав граждан, анализируются проблемы конституционной защиты данных прав, обосновывается роль конституционного правосудия в механизме их защиты. Автором обосновывается необходимость дополнения правотворческого процесса обязательной процедурой конституционного контроля.

Ключевые слова: социально-экономические права, конституционное правосудие, конституционный контроль, защита прав человека.

Становление и развитие правового, социального государства значительным образом увеличило круг правовых возможностей граждан России в сфере защиты

их социально-экономических прав и свобод. Как известно, к таковым относятся права, гарантирующие обязанность государства на обеспечение, удовлетворение и соблюдение экономической свободы, а также всевозможных социальных благ, сформулированных во Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 г.

Установленные и гарантированные Конституцией Российской Федерации социально-экономические права: быть собственником, владеть и распоряжаться своим имуществом, право наследования, право на осуществление предпринимательской деятельности (ст. 13); право на жилище (ст. 14); право на труд и свободный выбор профессии, защиту от безработицы (ст.15); право на отдых (ст.16); право на квалифицированную медицинскую помощь (ст. 17); право на социальное обеспечение по возрасту, в случае утраты трудоспособности, пенсии, пособия и др. (ст. 18); право на охрану детства и материнства (ст. 20); право на участие в культурной жизни общества (ст. 21) [1], в совокупности составляют систему неотъемлемых прав человека.

В основе формулирования социально-экономических прав человека в действующем законодательстве лежат такие философские категории как «справедливость», «разумность», «добросовестность», «достоинство» и т.д., определяющие конституционную ценность и юридические смыслы правовых норм. Теория права и государства давно и достаточно плодотворно на междисциплинарном уровне, с применением новых методологических подходов исследует существо этих понятий и качество их реализации на практике [2].

Теоретико-правовой и конституционалистский взгляды на проблему защиты прав и свобод граждан, в том числе социально-экономических, коррелируют при обосновании стратегий совершенствования как законодательной сферы, так и практической деятельности правоприменителя. Междотраслевой (теория права и государства и конституционное право) подход в современном правоведении позволяет выявлять несовершенство многих механизмов защиты прав и свобод граждан, а также формулировать наиболее эффективные способы и механизмы охраны, соблюдения и защиты этих прав. Их рекомендательный характер для правоприменителя создает проблемное пространство в части успешного функционирования различных форм правосудия. Прежде всего, это отражается на эффективности защиты прав самого человека.

Например, под конституционной защитой прав и свобод человека понимается процесс реализации конституционных гарантий их признания, соблюдения и обеспечения. На первой стадии (признание) осуществляется нормотворческая и правообразующая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления и др., имплементация принципов и норм международного права, ратификация международных договоров, которые «являются частью международной правовой системы, однако, при определенных правовых условиях они во многом определяют и дополняют содержание внутригосударственного законодательства в сфере социальных прав и свобод» [5, с. 11]. На второй стадии (соблюдение) осуществляется деятельность всех субъектов органов власти, физических и юридических лиц по исполнению возложенных на них обязанностей и полномочий в рассматриваемой сфере. Обеспечение (третья стадия) происходит в процессе осуществления правосудия, т.е. деятельности различных судебных органов по выявлению истины и разрешению дел в интересах справедливости [3].

Конституционное правосудие (конституционная юстиция) означает деятельность конституционных судов по рассмотрению конституционно-правовых вопро-

сов по обеспечению соблюдения норм Основного закона органами государства и, прежде всего, Федеральным Собранием, что является одновременно одной из форм конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации и Конституционными (Уставными) судами субъектов Российской Федерации.

В соответствии с теорией конституционного права, судебно-конституционного права и процесса (Н.В. Витрук), особое внимание уделяется процессам адаптирования конституционного правосудия к развивающимся государственно-правовым системам в контексте становления демократии, институтов гражданского общества, обеспечения безопасности государства, общества, личности. В России, как отмечалось, конституционное правосудие осуществляется Конституционным Судом Российской Федерации и Конституционными (Уставными) судами субъектов Российской Федерации. Очень важным аспектом в осуществлении конституционного правосудия является высокое качество и профессионализм судейского корпуса, деидеологизация их деятельности.

«Деятельность конституционных судей деполитизирована. Она подчиняется только Конституции, ничему и никому более» [4, с. 786], отмечает известный теоретик права, профессор В.В. Лазарев. Данное утверждение означает непредвзятость и справедливость при вынесении решений (постановлений, заключений, определений) судьями конституционных судов, в том числе и при защите социально-экономических прав граждан.

Например, обратившись за защитой своих социально-экономических прав в Конституционный Суд РФ гражданин Н.А. Назаров, оспаривал решение органов социальной защиты по назначению ему пособия по безработице в соответствии с положениями закона Российской Федерации «О занятости». Конституционный Суд РФ самым тщательным образом изучивший обращение Н.А. Назарова, вынес Постановление от 11.10.2016 г. №19-П о пересмотре положений указанного закона, признал данное решение окончательным, и не подлежащим обжалованию [8].

В этой связи хотелось бы остановить свое внимание на одной из проблем теории права и государства, касающейся порядка принятия нормативно-правовых актов. Конституционное правосудие осуществляется тогда, когда нарушаются права граждан в связи с реализацией уже действующих законов, содержащих пробелы, дефекты и т.д. По нашему мнению, в процесс разработки, подготовки, принятия, прохождения закона следовало бы включить такую правовую процедуру как конституционный контроль. Данная процедура имеет, на наш взгляд, серьезное превентивное значение для недопущения или же минимизации принятия законов, нарушающих права и свободы граждан. В данном смысле, такая форма конституционного правосудия, не допускающая или же минимизирующая возможность принятия неправовых законов (неправовых норм) позволит препятствовать созданию социально-психологических и юридических механизмов формирования правовой маргинальности. Под последней в современной теории права понимается, в том числе система норм, обуславливающая формирование отчужденности и пограничности от смыслов и ценностей права [7], недопущение которых становится возможным при осуществлении конституционного контроля за правовым содержанием законопроектов.

Именно до принятия законов, на стадии разработки текстов законопроектов участие представителей конституционного правосудия – как высокопрофессиональных юристов, наряду с позициями представителей министерств, ведомств, ко-

митетов, общественности, такое представительство (в различных формах), на наш взгляд, сможет повлиять на принятие именно правовых законов, прежде всего, не противоречащих Основному закону Российской Федерации. Не менее полезной может стать и процедура проверки принимаемых законодательных актов на соответствие нормам и принципам международного права, международных договоров Российской Федерации, определяющих положения отечественного законодательства в данной сфере [5].

Конечно, основной массив обращений граждан по защите своих социально-экономических прав поступает в суды общей компетенции, органы прокуратуры и др. субъекты, в чьи полномочия входят функции соблюдения, охраны и защиты прав граждан. Все отмеченное расширяет научное пространство межотраслевого взаимодействия по изучению проблем эффективного функционирования социального государства [6] и требует проведения дальнейших исследований в сфере защиты конституционных, в том числе социально-экономических прав граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398
2. Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф. Обзор материалов III Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований». Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135-152.
3. Красовская Л. П. Конституционное регулирование защиты основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Криминалист. № 2 (13). 2013. С. 24-38.
4. Лазарев В. В. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации. М. «Юрайт». 2009. С. 786.
5. Солдатова А.В. Реализация норм международного права в социальной сфере. // Закон и право. 2011. № 4. С. 10-12.
6. Степаненко Р.Ф., Солдатова А.В. Обзор материалов IV Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права и государства «Конституция и конституционализм: проблемы законотворчества и правореализации». Право и государство: теория и практика. 2017. №3 (147). С. 121-137.
7. Степаненко Р.Ф. Социально-психологические и юридические механизмы детерминации правовой маргинальности. Государство и право. 2016. № 5. С. 35-45.
8. Официальный интернет-портал правовой информации Конституционного Суда Российской Федерации (www.pravo.gov.ru). Дата обращения 3.10.2017 г.

ОБ УЧАСТИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ ЛИЦ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Сальников А.В.

преподаватель кафедры общеправовой подготовки,
Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, г. Иркутск

В статье рассматриваются различные следственные действия, а также пределы участия в них подозреваемых, обвиняемых и иных участников процесса, страдающих психическими заболеваниями. Обосновывается необходимость привлечения к участию в следственных действиях врача-специалиста (психиатра), законного представителя психически

больного, а также использовать технические средства фиксации следственных действий с их участием.

Ключевые слова: вменяемость, психическое заболевание, доказательство, следственное действие, психически больной, пределы доказывания.

Предварительное расследование – непрерывная деятельность, направленная на выяснение обстоятельств совершения общественно-опасного деяния по уголовному делу. Помимо доказывания события преступления, помимо установления характера и размера вреда, причиненного преступником (преступниками), а также обстоятельств, которые влекут смягчение или ужесточение наказания виновному лицу, в том числе необходимо выяснять и сведения, характеризующие преступника как личность, обстоятельства, влекущие освобождение его от наказания, и иные сведения. Статья 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регламентирует подробный перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, без которых ни одно уголовное дело не может направляться в суд.

В ходе предварительного расследования следственные подразделения и органы дознания сталкиваются с различными источниками доказательственной информации. Характер и мотивы поведения преступника, его показания, информация, полученная от потерпевшего, свидетелей преступления, механизм совершения противоправного деяния, любая иная информация существенно влияют на ход и результаты расследования. Так, нередко в тот или иной момент в уголовном деле появляется информация о наличии расстройства психического свойства у одного из участников процесса, в связи с чем, следователь (дознатель) проводит соответствующие проверочные мероприятия и корректирует в дальнейшем работу по уголовному делу.

Лицом, страдающим психической болезнью может оказаться важный свидетель или даже сам подозреваемый (обвиняемый), что, несомненно, влечет за собой юридические последствия и создает условия, при которых следователь вынужден проводить конкретные действия, предусмотренные законодательством.

Лицо, которое не может осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния, либо лицо, которое не может руководить своими действиями вследствие психического заболевания (хронического или временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики), освобождается от уголовной ответственности. С другой стороны, лицо, которое не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, уголовной ответственности подлежит [3].

Естественно, к показаниям и любым иным сведениям, полученным от таких лиц, все зависимости от их процессуального положения, необходимо относиться очень осторожно, сопоставляя их показания с другими объективными данными, содержащимися в уголовном деле. Использовать же такие сведения, как прямой источник доказательства, просто неразумно, так как человек, того не желая, может увести предварительное расследование в ином, «ложном» направлении. Данный факт обуславливает необходимость и целесообразность использования их показаний только в совокупности с иными сведениями, их подтверждающими или опровергающими.

Такие участники процесса заметно затрудняют досудебное производство, в связи с их «особым» статусом. Однако, если данные лица действительно являются

источником (как нередко бывает – единственным) необходимой для расследования информации, то могут ли они участвовать в следственных действиях, быть участником уголовного судопроизводства? Если да, то имеют ли данные лица тот же объем правомочий, что и иные – «здоровые» – участники процесса, принимая участие в следственном действии?

Для понимания термина «следственные действия» необходимо выделить его признаки. Так, З. Л. Шхагапсоев выделяет следующие характерные черты следственных действий:

- следственные действия производятся только после возбуждения уголовного дела (исключение – осмотр места происшествия);
- должностные лица, проводящие следственные действия, уполномочены на то уголовно-процессуальным законом;
- процессуальный порядок производства следственных действий регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;
- для проведения следственных действий необходимо наличие как фактических, так и формально-процессуальных оснований;
- следственные действия, в том или ином объеме, связаны с мерами государственного принуждения;
- производство следственных действий возможно только в ходе предварительного расследования и при расследовании по вновь открывшимся обстоятельствам;
- производство следственных действий направлено на отыскание, восприятие, закрепление и оценку доказательственной информации [4, с. 188].

Кроме того, при рассмотрении данного вопроса, следует также учитывать состояние психически нездорового человека, в связи с чем, все следственные действия можно разделить на несколько условных групп:

- 1) следственные действия, которые подразумевают логическое осмысление, то есть – допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент;
- 2) следственные действия, которые логического осмысления не подразумевают, то есть все остальные.

Первоочередно, сложность вызывает именно первая группа следственных действий. Участвуя в таких следствиях лицо подвергается серьезной умственной нагрузке. На него возлагается личная ответственность за всю информацию, которую он предоставит. При этом на его показания могут повлиять множество внешних и внутренних, для «здорового» лица незаметных, факторов, как то – время проведения следственного действия, количество участников следственного действия, взаимоотношение с конкретными участниками следственного действия, динамика болезни лица и т.д. Таким образом, перед проведением данных следственных действий необходима тщательная подготовка и четкий контроль состояния больного лица в ходе их проведения.

После проведения необходимых мероприятий по подготовке следственных действий, кроме выполнения требований, указанных в ст. 164 УПК РФ, на допрос или очную ставку также целесообразно привлекать законного представителя больного и специализирующегося на таких заболеваниях врача. Данные лица смогли бы прокомментировать состояние психически больного лица при допросе или проведении очной ставки, гарантируя соблюдение порядка и законности данных следственных действий. Также целесообразно допрос или очную ставку закреплять применением технической видеофиксации, которая бы наглядно демонстрировала состояние допрашиваемого лица и фиксировала его показания.

Впоследствии, использование видеofиксации при проведении с данными лицами проверки показаний на месте или следственного эксперимента позволило бы зафиксировать тождественность показаний лица, данных при допросе (очной ставке).

Следует учитывать, что в некоторых случаях болезнь человека не позволяет объективно давать показания и проецирует в сознании обстоятельства, происшедшие иначе или не происшедшие вовсе.

Ко второй группе следственных действий можно отнести опознание. В данном случае, также необходима мыслительная нагрузка, однако, не такая интенсивная. Здесь нет необходимости воспроизводить в голове картину преступления, последовательность событий, подразумевается использование навыков запоминания и распознавания объектов материального мира в группе однородных. То же относится и к осмотру с участием психически больного лица. В данном случае, способность к осознанной мыслительной деятельности не так важна.

Остальные следственные действия также предполагают тщательную подготовку перед их проведением, однако каких-либо существенных сложностей (касательно участия психически больного лица) данные следственные действия не предполагают.

Таким образом, участие в уголовном процессе лиц, страдающих психическим заболеванием, не является редкостью, и для того, чтобы такое участие не исключало возможности объективного раскрытия и расследования уголовного дела необходимо и целесообразно использовать средства, гарантирующие такую объективность – привлечение к участию врача-специалиста (психиатра), законного представителя больного, а также использовать технические средства фиксации следственных действий.

Список литературы

1. Князьков А. С. Признаки и система следственных действий // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №352. – С. 129-133.
2. Савин П. А. Отдельные аспекты применения следователем психологических знаний при проведении следственных действий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – №3 / том 13. – С. 110-111.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 22 декабря 2001 г. № 249.
4. Шхагапсоев З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий // Общество и право. – 2013. – №3 (45). – С. 186-190.
5. Юсупкадиева С. Н. Фактические и правовые основания производства следственных действий // Юридические записки. – 2014. – №1. – С. 99-104.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Смелова С.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования, канд. юрид. наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются отдельные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Отмечается наличие проблем при разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ.

Предпринимается попытка дать рекомендации для повышения эффективности практики применения данных норм.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, квалификация, мотив, выход за пределы полномочий.

Одним из направлений антикоррупционной политики Российской Федерации является совершенствование правоприменительной практики по делам о преступлениях коррупционной направленности. Изучение последней свидетельствует о наличии трудностей в квалификации таких их видов, как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Вопросы о разграничении составов данных преступлений и о целесообразности существования самостоятельных статей в УК РФ, регламентирующих ответственность за превышение должностных полномочий и злоупотребление ими, остаются дискуссионными в научной литературе [1, с. 8; 5, с. 32-33]. Отдельные исследователи утверждают, что в ст. 286 УК РФ конкретизируется вид злоупотребления должностными полномочиями [4, с.128]. В связи с изложенным, представляется актуальным рассмотреть некоторые из обозначенных проблем.

В теории уголовного права составы указанных преступлений принято обозначать как смежные, которые имеют одинаковые конструкции и общие признаки, кроме одного, разграничительного [2, с. 127-128]. Субъект и последствия деяний единообразно сформулированы в нормах ч.1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ. Круг нарушаемых должностным лицом полномочий и последствия в диспозициях не конкретизированы. Преступления характеризуются умышленной формой вины. Следовательно, их разграничение проводится по отдельным элементам субъективной или объективной сторон.

В частности, П.С. Яни предлагает укрытие преступлений от учета квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями при установлении корыстной или иной личной заинтересованности, а в отсутствие этого мотива – как превышение должностных полномочий [6, с. 12]. Подобный подход имеет место и в правоприменении, когда в силу недоказанности корыстной или иной личной заинтересованности как обязательной составляющей злоупотребления полномочиями лицо привлекается к ответственности по ст. 286 УК РФ.

Действительно, конструктивным признаком злоупотребления должностными полномочиями является корыстная или иная личная заинтересованность, официальное судебное толкование которой содержится в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [7]. В изученных нами материалах 247 уголовных дел, рассмотренных федеральными судами с вынесением обвинительных приговоров по ст. 285 и ст. 286 УК РФ, превышение полномочий исключительно из корыстных мотивов встречалось достаточно редко. Большинство фактов явного выхода должностного лица за пределы предоставленных ему полномочий были обусловлены стремлением извлечь выгоду неимущественного характера и такими побуждениями, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение, скрыть свою некомпетентность. Однако Пленум Верховного Суда РФ указанные побуждения трактует как иную личную заинтересованность применительно к преступлению, предусмотренному ст. 285 УК РФ. Соответственно, мотивация противоправного поведения

должностного лица не является единственным разграничительным признаком сопоставимых составов преступлений.

В диспозиции ч. 1 ст. 286 УК РФ указано, что деяние возможно лишь путем действий. Злоупотребление полномочиями может выражаться и в бездействии. Анкетирование практических работников (опрошены 182 сотрудника следственных подразделений, органов прокуратуры и судов) показало, что именно при оценке характера действий возникают затруднения в отграничении данных составов, у 57 % респондентов они связаны с понятием «явности» выхода за пределы полномочий.

Пленум Верховного Суда РФ, акцентируя внимание на активном характере действий, определяет, что превышение должностных полномочий может выражаться в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые: относятся к полномочиям другого должностного лица; могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [7].

Затруднения у практических работников вызывает трактовка последней из названных форм, под которой нередко понимается нарушение должностным лицом в одной из трех других форм пределов компетенции, в том числе с целью совершения общеуголовного преступления. Изучение опубликованной в 2005 – 2016 гг. практики Верховного Суда РФ по вопросам квалификации должностных преступлений показывает, что судебная инстанция на примере конкретных дел не обращалась к четкому толкованию сущности действий, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Обобщив практику применения ст. 285 УК РФ, мы установили, что и при злоупотреблении должностными полномочиями можно говорить о рассматриваемой форме действий. Так, в 44% случаев лица использовали свои полномочия вопреки интересам службы при рассмотрении заявлений граждан и организаций, укрывая преступления от учета и принимая по ним неправомерные решения. Квалификация таких деяний в регионах неоднозначна: и по ст. 285, и по ст. 286 УК РФ.

Вместе с тем встречающаяся в решениях правоприменителя формулировка «действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершить» противоречит внутреннему содержанию ст. 286 УК РФ: подобные действия не могут составлять компетенцию ни одного должностного лица. Указанная характеристика применима к любым преступлениям, субъект которых незаконно использует предоставленные ему должностные полномочия. Если придерживаться такого подхода, то и преступления, предусмотренные ст.ст. 287, 289, 290 и 292 УК РФ, следует считать частными случаями превышения должностных полномочий, а не злоупотребления ими. Кроме того, учитывая позицию Верховного Суда РФ об активном характере действий при превышении полномочий, вызывает сомнение целесообразность включения в УК РФ в качестве специального вида превышения должностных полномочий неисполнения сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286.1).

В научной литературе периодически обсуждается вопрос о возможности объединения составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ. В качестве одного из аргументов приводится незначительная применяе-

мость нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 286 УК РФ [1, с. 8; 3, с. 182-183]. Не можем согласиться с таким подходом: в 20 % изученных нами материалах уголовных дел действия должностного лица квалифицировались по ч. 1 ст. 286 УК РФ, в 8 % случаев имело место присвоение полномочий должностного лица, которое не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Поэтому сопоставимые нормы и не соотносятся как общая и специальная, так как в случае исключения нормы о превышении должностных полномочий, присвоение полномочий должностного лица иным должностным лицом не может быть квалифицировано по статьям главы 30 УК РФ. Кроме того, в данную главу включены еще менее применяемые нормы, чем закрепленная в ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Таким образом, в целях четкого разграничения по характеру действий составов превышения должностных полномочий и злоупотребления должностными полномочиями, единообразия в практике применения норм, предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ, следует исключить из официального судебного толкования действий должностного лица, явно выходящих за пределы его полномочий, такой их формы, как действия, которые «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать».

Список литературы

1. Жалинский А.Э. Спорные проблемы применения статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации в новых условиях // Юридический мир. 2002. Август. С. 4–8.
2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2006. 304 с.
3. Сахаров А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1956. 211 с.
4. Ткачева Г.В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): дис...канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 190 с.
5. Яни П. Вопросы квалификации должностных преступлений в постановлении Пленума и судебной практике // Законность. 2014. № 4. С. 32 – 34.
6. Яни П. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10–12.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 октября.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Солдатов Я.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. ист. наук, доцент,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

В работе исследуются вопросы социокультурного содержания правового сознания, актуальные для функционирования правового государства.

Ключевые слова: правовое сознание, правовое государство, правовая культура, нормы права.

Правовое сознание, его содержание и структура были и остаются одной из важнейших проблем теоретического правоведения, а также иных общественных наук на протяжении не одного столетия.

Для того чтобы исследовать историко-юридические аспекты правосознания наиболее полно, необходимо определить его понятие, структуру. Правосознание, как известно, является связующим звеном, в первую очередь, между правом и моралью. Нравственное воспитание человека призвано развить и углубить его правосознание, наполнить его социокультурным содержанием.

Правосознанием обладает каждый человек, но по ряду причин (в связи с незнанием элементарных социальных и правовых норм, правил поведения и этических обязанностей и т.д.) у него вырабатывается абсолютно другое, чем требуемое и желательное социумом правосознание. Искаженное понимание социального предназначения права влечет за собой кризис не только обыденного, но, что особенно важно, профессионального правосознания, что в свою очередь, обуславливает принятие несправедливых законов, их неверное толкование и применение.

Как писал выдающийся русский философ И.А. Ильин, «человеку невозможно не иметь правосознание, его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди. Вся жизнь человека и вся его судьба слагаются при участии правосознания и под его руководством, мало того, жить – значит, для человека жить правосознанием, в его функциях: ибо оно остается всегда одной из великих и необходимых форм человеческой жизни» [3, с. 155].

Анализируя работы современных теоретиков права, следует отметить отсутствие единства в определении данной категории. Так, Н.Ю. Евплова в рамках социокультурного подхода считает, что правосознание – это «совокупность рациональных и чувственных представлений и знаний о существовавших ранее и действующих и в настоящее время взглядах на сущность права, правовых нормах, идеях, теориях, доктринах, правовых отношениях и субъектах права, а также представлений о тенденции их дальнейшего развития» [1, с. 65, 66]. Автор говорит об отражении в сознании уже существовавших знаний и представлений о праве.

О.Ю. Рыбаков считает, что правосознание связано с правовой системой через идеологию. Оно отражает степень знакомства личности с правом и рационального отношения к нему [5, с. 218, 219].

Человек «творит законы» в соответствии со сложившимся в его социокультурной и психологической сферах деятельности, правосознанием. Высокий уровень правового сознания ориентирует личность как на защиту своих и чужих прав, так и на исполнение обязанностей, т.е. выступает субъективным фактором его взаимодействия с социумом и правом. Личность – носитель социального и правового сознания. Правосознание отражает правовую и социальную реальность.

Право есть всюду, где существует государство, как бы оно не регулировало общественные отношения. Каждое государство характеризуется своей системой формирования правосознания. Правосознание соотносят с существующими, исторически сложившимися общественными отношениями, интересами общества, различных групп и слоев населения. При этом каждый субъект вырабатывает свое отношение к праву, исходя из степени удовлетворенности соблюдения и защиты естественных и гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод.

Следует отметить, что представляется справедливым подход, согласно которому правосознание, его содержание связывается с социальным смыслом общественных отношений, поскольку оно в значительной степени является регулятором отношений людей, наделенных разумом и интеллектом, культурой и образованностью, волей и сознанием, и эти отношения передаются как через понимание прав, так и обязанностей. Поэтому правосознание можно определить как одну из форм общественно-

го сознания, которая выражает представления и чувства людей о праве и его реализации в общественных отношениях. Оно представляет собой систему правовых взглядов, теорий, идей, образов, в которых выражается отношение людей к закону, правовым явлениям т.е. это есть субъективное представление человека, группы людей, общества об объективном праве и качестве его реализации на практике.

Исторически, общественное и индивидуальное правосознание наполняется социокультурным содержанием, не исключая, тем не менее, личностной самостоятельности, ограничений коллективистских начал, внутренней убежденности и веры в собственные идеалы и ценности. Иными словами, правосознание формируется как внутри, так и за пределами человеческой бытийности. Однако влияние внешних факторов (политических, экономических, культурных, правовых) должно быть опосредовано внутренним миром человека, воспринято, или же, в случаях деформации правосознания, отвергнуто им.

Философия права отмечает исторические особенности российского правосознания, в основании которых лежит православное правосознание. «Естественно-правовая философия отчасти погружала сознание ее адептов в иррациональную сферу религиозных и нравственных императивов... В центре социальных идеалов, сконструированных Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком, П.И. Новгородцевым, И.А. Ильиным, Е.В. Спекторским и многими другими, стоит человек, устремленный к высшим идеальным ценностям, к Богу» [2, с. 8], – справедливо отмечает В.Н. Жуков.

Правовая психология определяет правосознание как представление о праве, формирующиеся в психологической структуре личности. Оно теснейшим образом сопряжено с философскими теориями, идеологическими воззрениями, доктринами. Некоторые мыслители считали, что нормы права, их обязанность и принудительность живут в сознании людей, поэтому право – явление психологическое [4].

Действительно, психологически правосознание формируется не только в связи с авторитетом и уважением к праву. Во многом, в его основе лежит обязанность исполнять требования правовых норм в связи с механизмами принуждения, содержащимися в институтах наказания и сопровождающимися опасениями наступления негативных последствий. Цели наказания как раз и направлены на развитие такого правосознания, которое исключало бы возможность совершения правонарушений и делало выгодным соблюдение предписаний законодательства [6].

Иными словами, правосознание исторически связано с самой идеей права и его социокультурным предназначением. Из поколения в поколение от предков потомкам передаются идеи, взгляды и представления о праве, о правовом и социальном государстве.

Правосознание присутствует во всех элементах действия механизмов правового регулирования, таких например, как нормы права, правоотношения и акты реализации права. Его наличие и степень позитивного развития опосредуется в правомерном или же противоправном поведении. Как отмечал И.А. Ильин, «каждый человек обладает правосознанием, но у всех оно бывает развито в различной степени» [3], в зависимости от уровня восприятия права.

По мнению Р.Ф. Степаненко, обосновывающей и исследующей влияние феномена отчужденности, пограничности и дезадаптации (правовой маргинальности) на правосознание, правовое поведение, состояние и уровень совершаемых правонарушений, в том числе преступлений в российском обществе, наличие в любом государственном устройстве определенного числа с асоциальными формами пове-

дения и деформированным правовым сознанием должно явиться объектом пристального внимания государственных институтов, определяющих правовую политику. Автором в теоретико-правовую науку вводится такое понятие как «маргинальное правосознание», исторически складывающееся преимущественно в авторитарных или тоталитарных государствах [7]. Кроме того, в государственных устройствах, нивелирующих права и свободы граждан, создаются условия для создания юридических и социально – психологических механизмов формирования маргинального поведения. То есть поведения, предрасположенного к совершению правонарушений, в т.ч. преступлений [7].

Влияние всех видов правосознания (позитивного, негативного, маргинального) на организацию общественной жизни весьма велико. Включение профессионального правосознания в механизм правового регулирования как одного из средств воздействия на общественные отношения на стадии как правотворчества, так и реализации права, играет большую роль.

В современном обществе наблюдаются различные деформации в правосознании, что негативно сказывается на развитии правового государства. Они проявляются в недооценке, неуважении к праву и закону до полного их игнорирования и отрицании. Нигилистическое восприятие права и государственной власти играет особенно негативную роль и обусловлено оно отсутствием социокультурных основ такого правосознания.

Вместе с тем, на современном этапе общественное правосознание должно учитывать не только властно – регулятивные, принудительные характеристики права, но и ценность права как социально – целостного института и условия развития цивилизации. Но и праву предстоит сменить образ преимущественно «карательного инструмента» на символ преимущественно регулятивного свойства, а именно – право должно пониматься как: возможность решения частных – групповых – общественных проблем; мера защиты свобод и интересов личности, преодоления нигилизма и идеализма; компонент образа жизни; мера ответственности, выступающая условием гармонизации и уравнивания взаимных отношений должностования в системе «личность – государство», «личность – личность»; часть культуры общества и одновременно существенный фактор ее развития; универсальная социальная ценность [5, с. 237].

Таким образом, формирование «здорового» и развитого правосознания необходимо как в политической, общественной, так и в правовой жизни. Правосознание должно наполняться социокультурным содержанием, основанным, прежде всего, на идеях нравственности и духовности, где основным ядром выступает сам Человек и социум. Искаженное, нездоровое и маргинальное правосознание должно стать объектом изучения теоретико-правовой науки с учетом всех актуальных проблем современности, влияющих на качество правовой жизни социума в правовом государстве.

Список литературы

1. Евплова Н.Ю. Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
2. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4.
4. Петражицкий Л.И. Теория и политика права // Петражицкий Л.И. Избр. Труды / Науч. Ред. Е.В. Тимошина. СПб.: Университет. Издат. Консорциум «Юридическая книга», 2011.

5. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
6. Степаненко Р.Ф., Юн Л.В. Цели и ценности наказания как элемент формирования правосознания и правовой культуры (проблемы общей теории права). Образование и право. 2017. № 3. С. 194-199.
7. Степаненко Р.Ф. Институциональное содержание общеправовой теории маргинальности. Монография / Под редакцией О.Ю. Рыбакова. Казань, 2015.

ПРАВЕРЕАЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Солдатова А.В.

доцент кафедры теории и истории государства и права, канд. юрид. наук,
Университет управления «ТИСБИ», Россия, г. Казань

Статья посвящена актуальным вопросам исследования правореализации в социальной сфере, в том числе выявления предметной специфики, субъектного состава, структуры правореализационных механизмов. Обосновывается теоретическая и практическая значимость рассмотрения социальной сферы в контексте правореализующей деятельности.

Ключевые слова: правореализация, социальная сфера, стратегия правового развития, субъекты правореализации, структура правореализации.

Понятие «правореализация» относится к числу фундаментальных, и одновременно, наиболее дискуссионных категорий общей теории права и юриспруденции в целом. Непрерывный процесс развития современного общества ставит перед учеными-теоретиками новые проблемы и задачи в исследовании данного правового явления, в том числе необходимость изучения специфики правореализации в отдельных сферах общественной жизни.

Правовая политика социального государства, провозглашенного в статье 7 Основного закона Российской Федерации ориентирована на создание и обеспечение реальных условий (политических, экономических, культурных, организационных, юридических и т.д.), которые в полной мере могут обеспечить достойную жизнь и свободное развитие как отдельного человека, так и общества. Достойная жизнь предполагает достойный прожиточный минимум, материальное обеспечение в формате стандартов современного цивилизованного общества, возможность пользоваться социальными и материальными благами, обеспечение личной безопасности, доступность культурных ценностей и многое другое, что создает возможности свободного развития человека.

В то же самое время, социальное государство, идея о котором является «одной из наиболее важных сущностных характеристик современного общества» [2, с. 52], не отменяет личную ответственность человека за свое материальное благополучие, возможность которого наступает в зависимости от его конкретного вклада в экономику страны. В особенности это положение становится актуальным в условиях формирования рыночных отношений, свободы предпринимательства, равенства всех форм собственности и добросовестной конкуренции, на основе которых получает свое развитие и экономическая сфера деятельности государства.

Современные кризисные условия функционирования российской экономики, а также последствия проводимой экономической политики государства, направленной на их преодоление, наиболее остро отражаются на социальной сфере общества. Предотвращению негативных тенденций в социальной сфере призвана способствовать реализация в практической жизни концепции социального государства, в котором не только обеспечиваются социальные права человека, формируется социально-ориентированное законодательство, но и осуществляются эффективные государственные меры, направленные на «обеспечение определенного уровня благосостояния всех своих граждан, поддержку социально уязвимых групп населения, утверждение в обществе социальной справедливости» [5, с. 3]. Особое внимание уделяется проблемам преодоления «отчужденности, «пограничности» и неадаптивности (маргинальности)» отдельных субъектов правоотношений, относящимся к социально-уязвимым и, одновременно, социально-неблагополучным слоям населения [3], изучаемым современным теоретическим правоведением в формате междисциплинарного подхода [1].

В обозначенных условиях особую актуальность приобретают исследования, связанные с выявлением предметной специфики, особенностей структуры и существенных признаков механизма реализации права в социальной сфере, которая в юридическом смысле представляет собой систему «общественных отношений, где социальные блага являются не только необходимым условием развития человеческого бытия, но, закрепляемые правом, приобретают и нормативную значимость» [4, с. 10]. Юридической основой таких отношений выступают социальные права и свободы граждан, а также социальные обязанности субъектов правореализации (как властных, так и невластных), которые находят свое отражение в отраслевом законодательстве. При этом социальные права и свободы необходимо трактовать как предусмотренные нормами внутригосударственного и международного права возможности притязать на конкретный минимум социальных благ, основанной на основных естественных правах человека. Неотъемлемой составной частью данных прав является право требовать от уполномоченных субъектов должного поведения, а также право на обращение за защитой в соответствующие юрисдикционные органы.

Анализ состава участников позволяет выделить среди субъектов правореализации в социальной сфере две группы в зависимости от наделения их властными полномочиями. К первой группе можно отнести органы государства, местного самоуправления, общественные объединения, учреждения, т.е. так называемых публичных субъектов. Соответственно, вторую группу образуют физические лица, в том числе особые субъекты (социально незащищенные и социально-неблагополучные). Подобная специфика субъектного состава свидетельствует о тенденции преобладания в социальной сфере вертикальных правоотношений.

Обозначенные субъекты путем правомерного поведения в форме саморегуляции, индивидуально-правового регулирования и индивидуально-регламентированных действий наполняют содержанием реализацию права в социальной сфере. Одной из особенностей данного процесса является то, что в большинстве случаев недостаточно одной саморегуляции для возникновения правоотношений, необходимо применение одной из форм индивидуального правового регулирования. Следовательно, в социальной сфере достаточно часто обязательным юридическим фактом выступает деятельность правоприменителя. При этом в современных условиях можно констатировать тенденцию расширения индивидуально-

договорной формы, например при оказании услуг в области образования и здравоохранения.

Таким образом, исследование процессов правореализации в социальной сфере является одним из актуальных направлений научного поиска в теории реализации права, имеющим не только теоретическую, но и большую практическую значимость. Рассмотрение социальной сферы в контексте правореализующей деятельности различных субъектов углубляет наши представления о многообразных явлениях, оказывающих воздействие на правореализационный процесс, служит закономерным этапом в познании элементов механизма правового регулирования отношений в социальной подсистеме общества, и в современных условиях, на наш взгляд, занимает особое место в стратегии развития России.

Список литературы

1. Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф. Обзор материалов III Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований». Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135-152.
2. Солдатов Я.В. К вопросу об истории развития теории социального государства. В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах. 2016. С. 47-52.
3. Степаненко Р.Ф. Особенности правового сознания и правовой культуры маргинальной личности. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 25-30.
4. Солдатова А.В., Солдатов Я.В. Правореализация в социальной сфере. Университет управления «ТИСБИ». Казань, 2015. 183 с.
5. Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства / Т.Я. Хабриева // Конституция, закон и социальная сфера общества: Материалы научно-практической конференции. – М., 2009. – С. 3-11.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВ

Степанова О.Ю.

преподаватель кафедры предварительного расследования,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, г. Санкт-Петербург

В данной статье автор раскрывает проблемные вопросы правовой регламентации деятельности в сфере спортивных единоборств. Отмечаются существующие недостатки действующего российского законодательства, регулирующего отношения в данной области и предлагаются пути его совершенствования.

Ключевые слова: спорт, единоборства, правовое регулирование, уголовный закон.

Популяризация смешанных единоборств растет с каждым годом, о чем свидетельствует возрастающее количество секций, военно-патриотических и спортивных клубов, его культивирующих.

Одним из недостатков отечественного законодательства в рассматриваемой области является то, что Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ (в действующей редак-

ции) не содержит каких-либо положений о спортивных единоборствах (в отличие от законодательства США, Канады, Франции) [2], а значит – полностью игнорирует специфику этих направлений, даже, можно сказать, целых пластов спортивной культуры, но также одновременно и значительный сегмент индустрии развлечений.

Спортивные единоборства превратились также в особый сегмент спортивно-шоу-бизнеса, в этой сфере крутятся колоссальные деньги. Стремясь к обогащению, часть тренеров в данной сфере «самоучки», основывающие свои клубы и секции, и даже новые направления единоборств (псевдоединоборства), составляя тренировочные программы, основываясь исключительно на личном опыте используя опыт, накопленный другими видами единоборств, пользуясь видео уроками и справочниками.

Отечественное законодательство предусматривает организационно-правовые формы организаций (федерации, спортивные, спортивно-оздоровительные организации), основной целью которых является развитие и популяризация спорта и здорового образа жизни. Однако это не всегда единственная и главная цель данных организаций. Пользуясь безграмотностью населения в спортивных и правовых вопросах, тренеры – «универсалы» популяризируют свои направления, внушая и навязывая негативное отношение воспитанникам к другим видам единоборств.

Отсутствие необходимого образования и самостоятельно придуманные звания и титулы (инструктор международного класса, комиссар и т.д.) способствует неправильному обучению, последствием которого выступают физические, а за частую и психологические травмы детей и подростков. Целесообразно урегулировать на законодательном уровне данный вопрос, исключив возможность бесконтрольно создавать организации, направленные на нравственное и физическое воспитание молодежи. Возможно обязать проходить аккредитацию и получать соответствующие лицензии всем физкультурным организациям, и регистрироваться в Реестре.

О необходимости контроля данной области, речь идет о спортивных единоборствах, говорит и характер данных спортивных направлений. Единоборства – серьезное спортивное направление, в процессе обучения которого воспитанники получают знания и практические навыки, позволяющие причинить вред здоровью, а порой и жизни людей. В этой связи хотелось бы обратить внимание на важность правовой защиты и поддержки спортсменов, занимающихся единоборствами от уголовных преследований, в случаях возникновения конфликтных ситуаций. А таких примеров не мало: дела чемпиона мира по боевому самбо Расула Мирзаева (причинение смерти по неосторожности ст. 109 УК РФ), Валерия Третьякова ЧР по боксу та же статья, 17-летний боксер в Калуге осужден за причинения тяжкого вреда здоровью и т.д. Например, следственное управлением Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации по Кемеровской области проводилась проверка по факту гибели 16-летнего спортсмена из Новосибирска Артема Короткова на соревнованиях по одной из разновидностей карате. Удар, был нанесен Артему Короткову, в результате которого наступила смерть спортсмена, по мнению должностных лиц Следственного комитета, не запрещен правилами каратэ. После поединка на открытом первенстве Кемерово у новосибирского клуба единоборств Артема Короткова остановилось сердце, по данным судебно-медицинской экспертизы, от ушиба сердца. не нашло состава преступления в действиях соперника [1]. Это еще раз доказывает, что правовое информирования спортсменов, занимающихся единоборствами просто необходимо.

Смешанные боевые единоборства (ММА) были признаны отдельной спортивной дисциплиной и Включены во всероссийский реестр видов спорта в 2012 го-

ду. Что свидетельствует о появлении в РФ еще одного вида спорта высоких достижений.

Высокий уровень нагрузок вынуждает бойцов к «поиску» стимулирующих и поддерживающих препаратов.

Примеры применения запрещенных препаратов лидерами СБЕ. Н-р, боец UFC Джон Джонсон получил 1 год дисквалификации за употребление запрещенных веществ. Российский боец – З. Тухугов, в пробах были так же обнаружены запрещенные вещества.

В перспективе допинг контроль станет неотъемлемой частью профессиональных соревнований по смешанным единоборствам в РФ. И такой шаг имеет место быть оправданным. Ряд организаций уже практикуют допинг контроль применимо к своим спортсменам. К тому же Всемирная шумиха с российскими спортсменами на минувших олимпийских играх заставляет вольно не вольно обратить внимание на необходимость квалифицированной юридической поддержке наших спортсменов от якобы доказанных выводов USADA (антидопинговое агентство США) [3].

Вызывает обеспокоенность и медицинское обслуживание спортсменов в РФ. Не всегда лечение проходит качественно и на надлежащем уровне. В единоборствах травма – к сожалению достаточно распространенное явление.

Врачебная ошибка может повлечь не только преждевременное завершение спортивной карьеры, но и инвалидностью. И в этой области следует иметь определенные навыки решения возникших проблем.

Поэтому, следует вести речь о том, чтобы облачить в правовые рамки все вопросы спортивной подготовки, организации и проведения соревнований по спортивным единоборствам, вопросы лицензирования и категорирования спортсменов, спортивных тренеров, инструкторов, судей, врачей и других участников состязаний по спортивным единоборствам, контроля всей этой деятельности.

Представляется, что в первую очередь необходимо комплексно решить такие глобальные проблемы, как:

- построение действенной системы управления боевыми искусствами и спортивными единоборствами;
- создание эффективной стыковки нормативно-правового регулирования и иных форм регламентации в этой сфере;
- обеспечение сопряжения системы правосудия и иных форм урегулирования споров;
- стимулирование государственно-частных партнерских инициатив и привлечение отечественных и зарубежных инвестиций;
- содействие любительским занятиям боевыми искусствами и спортивными единоборствами с целью максимального использования их физкультурно-оздоровительного потенциала;
- надлежащая защита прав и законных интересов российских спортсменов-единоборцев на международных спортивных соревнованиях.

Список литературы

1. Российская газета. 13 ноября 2008.
2. Галкин А.А. Законодательство о физической культуре и спорте иностранных государств // URL: <http://vadim-galkin.ru/sport-2/legal-basis/legislation/> (дата обращения 30.10.2017 г.).

3. Антидопинговое агентство США (USADA) // URL: <https://www.usada.org/> (дата обращения 27.10 2017 г.).

ВИНДИКАЦИОННЫЙ ИСК В СИСТЕМЕ ИСКОВЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Сушко Н.А.

магистрант, Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов

В статье анализируется виндикационный иск как один из исковых способов защиты права собственности и иных вещных прав. Рассматриваются с позиции законодательства, судебной практики, постановлений Конституционного Суда условия виндикации вещи. Анализируются вопросы защиты прав собственника и владельца в аспекте Проекта изменений ГК РФ по этим вопросам.

Ключевые слова: виндикационный иск, законный и незаконный, добросовестный и недобросовестный владельцы, возмездное и безвозмездное приобретение имущества.

Учёные вполне обоснованно считают, что завершением действия механизма защиты гражданских прав является реальное (и формальное, и фактическое) восстановление нарушенных субъективных прав. Более того, «очень часто гражданские права не могут быть осуществлены именно по причине отсутствия реальной, действенной их защиты» [1, 179, 183].

В действующей редакции ГК РФ защите права собственности и других вещных прав посвящена глава 20 (ст.301-306). В ней пять статей адресованы непосредственно собственнику, и только одна статья – ст.305 – владельцу, не являющемуся собственником.

Согласно этой статье иски, защищающие право собственности, могут быть предъявлены как правообладателями других вещных прав, так и другими правообладателями, владеющими имуществом по основанию, предусмотренному законом или договором.

Проект изменений ГК в главе о защите вещных прав не содержит подобной статьи. Причина этого, как мне представляется, в том, что право на защиту фактически осуществлённого правомочия владения, то есть фактического владения, этих лиц предусмотрена в главе 14 Проекта о защите владения: «1. Право на защиту своего владения имеет любой владелец – как законный, так и незаконный – независимо от того, принадлежит ли ему в отношении объекта владения право на имущество, включающее в свое содержание правомочие владения».

В связи с таким направлением научной мысли и законодательной деятельности, нашедшей отражение в Проекте изменений ГК РФ, на сегодняшний день становятся неактуальными размышления С.Ф. Савкина о соотношении статей 301 и 305 ГК РФ [11]. При предъявлении требования об истребовании имущества из чужого незаконного владения по статье 305 ГК РФ, как пишет С.Ф. Савкин, «истец должен обосновать и подтвердить наличие у него соответствующего титула. В противном случае требование не подлежит удовлетворению как заявленное ненадлежащим истцом». При введении владельческой защиты, предусмотренной Проектом изменений ГК РФ, требование о защите владения подлежит удовлетворению су-

дом, если будет установлено, что владелец лишился объекта владения помимо своей воли, т.е. в результате самоуправства другого лица. При этом на нём лежит обязанность доказывать лишь факт владения им объекта требования в течение 1 года до нарушения его владения.

Обобщая арбитражную практику по истребованию имущества из чужого незаконного владения, С.Ф. Савкин называет несколько проблем, встречающихся в судебной практике, некоторые из которых не решены на законодательном уровне до настоящего времени.

Одна из них – конкуренция виндикационного иска (ст. 302 ГК РФ) и иска о применении последствий недействительности сделки (ст.167 ГК РФ). При этом спорными были вопросы как об условиях и основаниях выбора того или иного способа защиты, так и о последствиях такого выбора.

До принятия КС РФ постановления от 21 апреля 2003 г. № 6-П суды общей юрисдикции, руководствуясь пунктом 25 Постановления Пленума ВАС от 25 февраля 1998 г. № 8, при разрешении исков об истребовании имущества в порядке применения последствий недействительности сделки, заключенной добросовестным приобретателем с лицом, не имевшим права его отчуждать, не допускали возможности отказа в истребовании имущества на основании ст. 302 ГК РФ.

Конституционный суд РФ в своём постановлении от 21 апреля 2003 г. N 6-П [3] занял прямо противоположную позицию. А именно: права собственника не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного пунктами 1 и 2 статьи 167 ГК РФ. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска, если для этого имеются предусмотренные статьей 302 ГК РФ основания, дающие право истребовать имущество у добросовестного приобретателя (безвозмездность приобретения имущества добросовестным приобретателем, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли и др.).

Общие положения о последствиях недействительности сделки в части, касающейся обязанности каждой из сторон возратить другой все полученное по сделке, поскольку данные положения – по их конституционно-правовому смыслу в нормативном единстве со статьей 302 ГК РФ – не могут распространяться на добросовестного приобретателя, если это непосредственно не оговорено законом.

Конституционно-правовой смысл положений пунктов 1 и 2 статьи 167 ГК РФ, выявленный Конституционным Судом РФ, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

В действующей редакции ГК РФ предусмотрено лишь два вещно-правовых способа защиты: виндикационный и негаторный иски. Об этих исках достаточно много пишется в научной литературе [4, 6, 7, 10].

Виндикационный иск – иск не владеющего собственника к владеющему не собственнику об истребовании вещи или иного объекта вещного права из чужого незаконного владения (ст. 301-303 ГК РФ). Предметом этого иска является индивидуально-определённая вещь, которая должна быть в наличии и находиться у ответчика (владеющий не собственник).

Практика рассмотрения споров об истребовании имущества из чужого незаконного владения неоднозначна, и по целому ряду вопросов суды испытывают трудности при разрешении конкретных дел.

В Проекте изменений ГК РФ предлагается закрепить критерии отнесения владения к законному владению. Законным признаётся владение, если оно возникает на основании:

1) права собственности или иного вещного права, включающего в свое содержание правомочие владения;

2) соглашения с собственником или с обладателем иного вещного права, включающего в свое содержание правомочие владения, если по такому договору фактически приобретено владение. Таким образом, помимо законного титула владения условием отнесения владения к законному владению выдвигается требование фактического приобретения владения. Владение, не отвечающее этим признакам, будет незаконным. В той же проектной статье устанавливается презумпция законности владения, пока судом не будет установлено иное.

Важнейшим условием защиты права собственности при помощи виндикации является доказательство собственником своего права собственности на виндицируемую вещь [5, с. 17].

К числу юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению судом при рассмотрении виндикационного иска, судебная практика относит наличие права собственности истца на истребуемое имущество; наличие спорного имущества в натуре и нахождение его у ответчика; незаконность владения ответчиком спорным имуществом; отсутствие между истцом и ответчиком отношений обязательственного характера по поводу истребуемого имущества [8].

Что касается приобретателя вещи, то последствия виндикационного иска различаются в зависимости от того, добросовестным или недобросовестным был её приобретатель. Добросовестным признаётся приобретатель, который не знал и не мог знать, что приобретает вещь у лица, которое не имело права её отчуждать. Добросовестность приобретателя является важным признаком, влияющим на виндикацию имущества.

П. 38 постановления ВС РФ от 29 апреля 2010 № 10, разъясняющий понятие добросовестности приобретателя и возлагающий на него бремя доказывания своей добросовестности, отменён постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. В литературе уже была высказана мысль о том, что такая интерпретация пункта 1 статьи 302 ГК РФ, полностью отвергает закрепленную в ст. 10 ГК РФ специальную презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, что влечёт ошибочное толкование рассматриваемой нормы и в юридической литературе.

Анализ судебной практики по конкретным делам позволил Президиуму ВАС РФ в своём «Обзоре судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» [2] сделать вывод о том, что «разрешая вопрос о добросовестности приобретателя и определяя круг обстоятельств, о которых он должен был знать, суд учитывает родственные и иные связи между лицами, участвовавшими в заключении сделок, направленных на передачу права собственности. Кроме того, суд учитывает совмещение одним лицом должностей в организациях, совершавших такие сделки, а также участие одних и тех же лиц в уставном капитале этих организаций, родственные и иные связи между ними» (п.8).

Практика рассмотрения споров об истребовании имущества из чужого незаконного владения неоднозначна, и по целому ряду вопросов суды испытывают трудности при разрешении конкретных дел.

От недобросовестного приобретателя вещь может быть истребована безо всяких условий. Однако и здесь возникают сложности по вопросам соотношения сроков исковой давности и приобретательной давности, попытка разрешения кото-

рых предлагается в Проекте изменений ГК РФ. Истребование вещи от добросовестного приобретателя возможно лишь при наличии ряда условий (ст. 302 ГК РФ):

1. Когда вещь утеряна собственником или лицом, которому она было передана собственником во владение, либо похищена у того или другого, либо выбыла из их владения иным путем помимо их воли.

2. Если вещь приобретена безвозмездно от лица, которое не имело права её отчуждать, собственник вправе истребовать вещь во всех случаях.

Безвозмездность приобретения учитывается при расчётах при возврате вещи из незаконного владения (ст.303 ГК РФ). Толкование возмездности либо безвозмездности приобретения судебной практикой достаточно противоречивы. Согласно абзацу 2 п. 37 постановления ВС РФ от 29 апреля 2010 № 10 приобретатель не считается получившим вещь возмездно, если отчуждатель не получил в полном объеме плату или иное встречное предоставление за передачу спорной вещи к тому моменту, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неправомерности отчуждения.

В том же постановлении разъясняется, что получение вещи в качестве вклада в уставный (складочный) капитал является возмездным приобретением, так как в результате внесения вклада лицо приобретает права участника хозяйственного общества (товарищества).

3. Деньги, а также ценные бумаги на предъявителя не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя.

В литературе была высказана мысль о том, что виндикация вещи собственником от всякого приобретателя, повышала бы уровень гарантии осуществления и защиты права собственности и способствовала бы развитию гражданско-правовой активности граждан и юридических лиц [9, с. 99]. Вряд ли с таким мнением можно согласиться. Развитие современных правовых систем пошло по пути ограничения виндикации в пользу добросовестных приобретателей, что обеспечивает стабильность гражданского оборота и разумный баланс интересов участников этого оборота.

Список литературы

1. Вавилин Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. / Вавилин Е.В. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. – 364 с.
2. Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.
3. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.
4. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961 – 222 с.
5. Данилова Б.Г., Симонян А.В., Переверзев А.С. Виндикационный иск как безусловный способ защиты права собственности // Российский судья. 2013. № 8. – С. 14-17.
6. Ламейкин Ю.А. Вещно-правовые иски в механизме защиты права собственности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, Кубанский гос. аграрный университет, 2003. – 22 с.
7. Маслов В.Ф. Осуществление и защита личной собственности в СССР. М: Госюриздат, 1961. – 238 с.
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.12.2014 г. № Ф09-7832/14 по делу № А76-13360/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Рыбаков В.А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности. Вопросы теории и практики: Монография / Рыбаков В.А. Уфа: Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1993. – 171 с.
10. Тархов В.А., Рыбаков В.А. Собственность и право собственности. Издание 3-е, дополненное. М.: Юрист, 2007. – 130 с.

11. Савкин С.Ф. Обзор судебной практики «Истребование имущества из чужого незаконного владения» // Арбитражное правосудие в России, № 10, 11, октябрь, ноябрь 2007 г.

МЕСТО И РОЛЬ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В СИСТЕМЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тугушев Р.А.

магистрант второго курса, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Саратов

В статье исследуется место и роль мирового суда в судебной системе России. Автор обращает внимание на специфические черты его нормативно-правового регулирования. Обосновывается необходимость и значимость данного института для отечественной системы судебной власти.

Ключевые слова: мировой суд, мировые судьи, мировая юстиция, судебная система Российской Федерации, правосудие, правовое государство.

Создание качественной системы правосудия является одной из важнейших задач правового и демократического государства. Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому право на судебную защиту своих прав и свобод [2]. При этом необходимо, чтобы рассматриваемый вид юридической охраны личности функционировал максимально эффективно. Одним из способов достижения данной цели стало учреждение отечественным законодателем института мировой юстиции.

Первым документом послесоветского периода, регламентировавшим положение мировых судей, стал федеральный конституционный закон 1996 года «О судебной системе в Российской Федерации» [5]. В соответствии со статьей 4 указанного акта они включались в единую судебную систему страны и причислялись к судьям общей юрисдикции. Позднее рассматриваемый институт был конкретизирован специальным законом «О мировых судьях в Российской Федерации» 1998 г. [3], установившим особенности юридического статуса и организации деятельности данных должностных лиц. С этого момента был заложен прочный нормативный фундамент для дальнейшего развития мировой юстиции в стране.

Теоретический и практический интерес к функционированию мировых судей обусловлен спецификой их юридической природы, в силу которой они изрядно выделяются среди однородных звеньев в судебной структуре. Так, будучи первичным элементом системы судов общей юрисдикции, мировые арбитры одновременно выступают в качестве судебных органов субъектов Российской Федерации. Приведенное положение отечественного законодательства порождает дуализм правового статуса таких судей и, соответственно, нормативной регламентации всего института в целом. Согласно статье 2 вышеназванного ФКЗ порядок назначения (избрания) и деятельности рассматриваемых должностных лиц устанавливается законами территориальных единиц государства.

Такое балансирование мирового суда на грани федерального и регионального регулирования вызывает массу правовых проблем, требующих скорейшего разрешения. В первую очередь это порождает юридические коллизии и несогласованность законодательства. К примеру, не в полной мере соблюдается принцип един-

ства статуса судей. До сегодняшнего дня отправление функций мировых арбитров рассматривается как государственная должность не Российской Федерации, а ее субъекта. Кроме того, наблюдается дисбаланс и в региональных законах, детализирующих один и тот же институт. По всей стране различным образом решаются вопросы охраны судебных участков; введены неодинаковые правила формирования аппарата мировых судей, их обучения, повышения квалификации и т.д.

Пожалуй, самым значительным недостатком современной мировой юстиции следует признать ее смешанное финансирование. Статья 10 ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», определяя, в частности, выплату денежных вознаграждений как расходное обязательство государства, все материально-техническое обеспечение деятельности судей возлагает на региональные органы исполнительной власти. Зачастую недостаточность средств бюджетов субъектов РФ вызывает трудности с предоставлением необходимого оборудования, что значительно усложняет процесс отправления правосудия.

Двойственность правового положения мировых судей, а также сопряженные с ним проблемы положили начало дискуссии о месте данного института в системе судебных органов. Так, В.А. Телегиной поддерживается идея перераспределения полномочий от субъектов к центру и наделения мировых арбитров статусом федеральных судей. По мнению исследователя, сужение судебного федерализма завершит процесс «формирования стройной централизованной вертикали судов общей юрисдикции» [6, с. 257].

Вместе с тем институт мировых судей, не смотря на все его законодательные недоработки, оказал позитивное воздействие на функционирование системы судебной власти России. Его введение позволило снизить нагрузку на федеральных судей, упростить процедуру инициирования судебного разбирательства по ряду категорий дел, а также ускорить процессуальное разрешение конфликта. Существенным достижением стала практика примирительных процедур.

Одна из важнейших задач рассматриваемого института – повышение доверия граждан страны к правосудию. В связи с этим федеральным законом о мировых судьях был установлен особый порядок их формирования, не свойственный остальным звеньям системы судов общей юрисдикции. Согласно 6 статье мировые арбитры могут быть избраны населением соответствующего судебного участка либо назначены (избраны) представительным органом государственной власти субъекта РФ.

На сегодняшний день регионы в большинстве своем из двух обозначенных вариантов выбирают второй. В частности, по Закону «О порядке назначения и деятельности мировых судей в Саратовской области» [4] данные должностные лица назначаются на должность Саратовской областной Думой. Таким образом, закреплена опосредованная форма участия граждан в кадровой комплектации мировых судов через своих выборных представителей.

Подобная модель имеет свои достоинства: организационные и временные затраты на нее незначительны, а отрегулированный механизм работы законодательного органа субъекта России позволяет относительно быстро справляться с частотой сменяемости служащих правосудия. Однако и она должна претерпевать изменения. Если об избрании мировых судей населением на данный момент говорить достаточно сложно, то частичное вовлечение жителей в процесс назначения арбит-

ров вполне реально. В свою очередь, эти меры будут способствовать развитию отраженного в Конституции РФ демократического принципа участия граждан в управлении правосудия.

Законодательное отнесение мировых судей к категории федеральных неизбежно повлечет упразднение особого порядка их назначения, что приведет к утрате данным институтом своего предназначения. По справедливому замечанию А.Р. Каитовой, «...мировой суд – это социально-ценностная категория, с которой население ассоциирует деятельность правового государства» [1].

Следует отметить, что сам институт периодически подвергается корректировкам и уточнениям. К примеру, на уровне закона был урегулирован вопрос, касающийся предоставления мировым судьям жилья. Изменения в статье 10 ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» от 21 июля 2014 года отнесли обеспечение нуждающихся в улучшении жилищных условий арбитров нижнего звена жилищными помещениями к расходным обязательствам государства.

Таким образом, институт мировых судей занимает особое место в системе судебной власти современной России. Его приоритетными задачами необходимо признать поднятие авторитета органов правосудия и формирование к ним общественного доверия.

Важно понимать, что принцип единства судебной системы не исключает допущение особенностей ее отдельных элементов. Мировые судьи – как раз такой случай. Безусловно, данный институт нуждается в оптимальном реформировании, однако при этом должны быть сохранены его отличительные черты, способные поднять качество отечественного правосудия на новый уровень.

Список литературы

1. Каитова А.И. Специфические характеристики института мировых судей в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Журнал Правовая инициатива. URL: <http://49e.ru/ru/2014/4/1> (дата обращения: 17.10.2017 г.).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – N 31. – Ст. 4398.

3. О мировых судьях в Российской Федерации: федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N 188-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 ноября 1998 г. // Рос. газ. – 1998. – 22 декабря.

4. О порядке назначения и деятельности мировых судей в Саратовской области: закон Саратовской области от 16 марта 1999 N 12-ЗСО: принят Саратовской областной Думой 24 февраля 1999 г. // Саратовские вести по понедельникам. – 1999. – № 41.

5. О судебной системе в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 октября 1996 г. // Рос. газ. – 1997. – 6 января.

6. Телегина В.А. Тенденции развития мировой юстиции в России: вопросы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 249-258.

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ

Тугушев Р.А.

магистрант второго курса, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Саратов

Настоящая работа посвящена анализу исторического развития института мировых судей. В статье рассматривается процесс становления и развития мировой юстиции в России, Англии и Франции. Автор приходит к выводу о динамичном развитии исследуемого феномена под влиянием набора определенных факторов, характерных для конкретной правовой системы.

Ключевые слова: мировой суд, мировые судьи, мировая юстиция, судебная реформа, судебная система, судоустройство, зарубежные страны.

Основным вкладом мировой юстиции в развитие государственного и общественного устройства является обеспечение правопорядка и социального согласия. На сегодняшний день она находит нормативное отражение в законодательстве значительного числа стран. Вместе с тем современному юридическому статусу мировых судов предшествовал длительный процесс их становления в качестве полноценного элемента правовой системы.

В России институт должностных лиц, наделенных полномочиями рассматривать казусы небольшой общественной значимости, можно было встретить еще на ранних этапах становления государства. Так, в Древней Руси существовал некий прототип мировой юстиции в виде местных судей, а действующий на тот момент первый свод законов «Русская Правда» в своих нормах уже содержал упоминание о малом иске.

Однако более конкретно речь о рассматриваемом феномене можно вести лишь с началом полномасштабной реформы судоустройства второй половины XIX века. Именно в этот период институт мировых судей получает развернутое правовое регулирование, превращаясь в неотъемлемую часть отечественной организации правосудия того времени. Принятое в 1864 году Учреждение судебных установлений [5] фактически закрепляло за нововведенными должностными лицами статус первичного, низового звена всей судебной системы державы.

Одной из основных задач внедрения мировой юстиции в российский правоприменительный процесс было упрощение судопроизводства. Мировые судьи были наделены правом единоличного рассмотрения определенных законом дел, общественная значимость которых не столь велика. Важнейшей чертой появившегося института стала его нацеленность на достижение взаимного согласия между конфликтующими сторонами. Так, в соответствии со статьей 120 Устава уголовного судопроизводства 1864 года при возможности прекратить разбирательство посредством примирения его участников на мирового судью возлагается обязанность «... склонять их к миру и только в случае неуспеха в том приступить к постановлению приговора в пределах предоставленной ему власти» [4].

Значимым достижением проводимой реформы стало положение о выборности мировых арбитров из числа местных жителей, что должно было повысить доверие населения к правосудию. Лицо, которое соответствует всем обозначенным в

законе условиям, могло занять должность участкового либо почетного мирового судьи. Если первые должны были осуществлять свои полномочия на постоянной и оплачиваемой основе, то последние выполняли вспомогательные функции.

Первоначальная модель отечественной мировой юстиции имела немало общих черт с той, что сложилась во Франции. Там рассматриваемый институт впервые утвержден Декретом об организации судопроизводства 1790 года. Согласно документу роль мировых судей, как и в России, сводилась к низовой судебной инстанции. Правосудие отправлялось единолично, а должности слугителей закона также пополнялись посредством выборных процедур.

Наряду с этим каждая из моделей обладала своими особенностями. Например, французскую мировую юстицию отличал полупрофессиональный кадровый состав, когда «... набор мировых судей осуществляется из числа обычных граждан, не имеющих специального образования» [1, с. 99]. В России же наличие соответствующей подготовки требовалось даже от претендента на должность почетного судьи. Кроме того, по Учреждению судебных установлений апелляция на решения мировых судей рассматривалась их общим съездом. Соответствующее правило фактически наделяло мировые суды Российской империи статусом процессуально обособленного от общих судов звена судебного устройства.

Созданная в 1864 году отечественная мировая юстиция просуществовала почти до конца XIX века, после чего подверглась существенным корректировкам, нивелировавшим практически все достижения проведенной реформы. Изданное Положение о земских и участковых начальниках 1889 г. преследовало главную цель – сведение самостоятельности мировых судов к минимуму. В первую очередь, их кадровый состав подвергся массовому сокращению по всей стране за исключением лишь ряда крупных городов. Назначение сменило выборность, апелляционной инстанцией стали уездные суды, а земские начальники, сменившие мировых судей, стали отправлять не только судебные, но и административные функции.

Указанные изменения в регулировании исследуемого института в России сближают ее с типом мирового правосудия Англии, испытывавшего поначалу сильное давление со стороны властей. Его зарождение связывают с учреждением Вестминстерского статута 1361 г. Характерная особенность мировых судов Англии того времени заключалась в том, что они не были полностью отделены от исполнительной власти. Во многом этому способствовало намерение короны осуществлять контроль в разных частях государства. Такое желание во многом обусловило первоначальный перекося в сторону полицейских полномочий мировых судей. Сами «хранители мира» не избирались, а назначались монархом из представителей дворянства.

Очередной виток в нормативно-правовом регулировании организации мировых судов российского государства приходится на начало XX века. Изданный в 1912 году закон «О преобразовании суда в сельских местностях» способствовал возрождению первоначальной модели мировой юстиции. Упраздненные ранее демократические основы были восстановлены, а законодателем «был учтен ряд ошибок, связанных с обеспечением независимости судей» [6, с. 843]. Возвращены выборы арбитров, увеличивалось их материальное обеспечение; учреждалась должность секретаря судебного заседания, а обширные полномочия губернатора по формированию судейского корпуса были ликвидированы.

Широко поддерживаемый населением отечественный институт мировых судей просуществовал вплоть до крушения монархического строя, после чего канул в

небытие на долгие десятилетия. Соответствующие суды были преобразованы в местные, которые впоследствии трансформированы в районные и городские народные судебные органы. Вновь о рассматриваемом феномене заговорили лишь во время судебной реформы РСФСР 1991 года.

Следует отметить, что модели мировой юстиции упомянутых зарубежных стран также не сохранились в своей первоначальной форме, периодически претерпевая изменения своей правовой регламентации. Так, обширная компетенция мировых судей Англии стала постепенно сужаться. Основная доля административных функций передавалась Совету местного управления.

Полномочия французских мировых судов, напротив, возрастали. Будучи изначально низшим судебным органом лишь по гражданским спорам, со временем они получили возможность рассматривать уголовные дела. В 1958 году институт вовсе подвергся упразднению, восстановившись только в начале двадцать первого столетия.

В современной России мировая юстиция действует на основании ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3] и специального федерального закона о мировых судьях [2]. Возврат отечественного законодателя к позабытой идее обусловлен процессом демократизации государственного устройства. В первую очередь, это необходимо для построения судебной системы, позволяющей эффективно защитить права и свободы граждан. Соответствующее решение не только приблизило правосудие к населению, но и способствовало упрощению процедуры обращения в органы правосудия по отдельным категориям дел, а также ускорению их рассмотрения.

Таким образом, мировой суд можно охарактеризовать как весьма динамичный юридический институт. С момента своего возникновения в той или иной правовой системе его содержание неоднократно претерпевало изменения в зависимости от исторических, политических, социальных и прочих факторов. Вместе с тем, феномен мировой юстиции, бесспорно, является значимым достижением юриспруденции, повышающим качество судебной деятельности.

Список литературы

1. Дряхлов С.К. Типы мировой юстиции: история и современность // Российское правосудие. – 2013. – № 5 (85). – С. 97-103.
2. О мировых судьях в Российской Федерации: федеральный закон от 17 декабря 1998 г. N 188-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 11 ноября 1998 г. // Рос. газ. – 1998. – 22 декабря.
3. О судебной системе в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 октября 1996 г. // Рос. газ. – 1997. – 6 января.
4. Устав уголовного судопроизводства от 1864 года [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 15.10.2017).
5. Учреждение судебных установлений от 1864 года [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/> (дата обращения: 15.10.2017).
6. Щедрина Ю.В. Вопросы обеспечения независимости судей в процессе подготовки закона «О преобразовании местного суда» 1912 г. // Право и политика. – 2014. – № 6 (174). – С. 835-846.

КОРРУПЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ И ПРЕДМЕТ ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шаракшинова Т.Ч.

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

В статье рассматриваются проблемы межотраслевого и междисциплинарного изучения коррупции через призму юридической науки. Делается вывод о междисциплинарном и межотраслевом характере проблемы коррупции. Формулируется предположение о роли теории государства и права в выработке необходимого методологического инструментария.

Ключевые слова: противодействие коррупции, междисциплинарный подход, межотраслевой подход, социогуманитарные исследования, коррупция.

Тематика изучения коррупции в научно-исследовательской сфере социогуманитарного направления приобрела чрезвычайную актуальность во второй половине XX века и продолжает сохранять ее и поныне. Однако несмотря на междисциплинарный и межотраслевой характер исследования проблемы, как общенаучного, так и общеправового определения коррупции до настоящего времени не сформулировано. Вместе с тем, востребованность междисциплинарных исследований, в том числе в сфере юриспруденции, становится все более очевидной, что отмечается в новейших теоретико-правовых исследованиях, изучающих сложные социально-правовые феномены и конструирующих новые юридические категории [7].

В данном контексте следует остановить свое внимание на усилиях Казанской юридической школы, демонстрирующей значительный научный интерес к методологии междисциплинарности. В частности, в рамках состоявшегося круглого стола с участием ведущих правоведов и представителей отраслевой юриспруденции по проблемам эволюции методологии правовых исследований обсуждался широкий круг вопросов интерпретации и экстраполяции многих современных методологических подходов, актуальных для юриспруденции [1].

Становление социогуманитаристики связано с представлением о едином социально-гуманитарном когнитивном пространстве, в значительной мере противопоставляемом получению и обоснованию естественно-научного знания. Указанные особенности связаны с уникальной сферой исследования общественных наук – социальной жизнью человека, непосредственной вовлеченностью исследователя в структуру объекта исследования, предпочтением понимания – объяснению и, как следствие, плюрализмом подходов [4, с. 396-400].

Вряд ли есть необходимость обосновывать целесообразность применения социогуманитарных научных методов и подходов в отношении коррупции. Возможные только в рамках общественного состояния человека, коррупционные социальные практики затрагивают абсолютно все аспекты онтологии человека и общества, следовательно, открыты для изучения различными онтологическими и гносеологическими подходами. Исследования философов, социологов, социальных психологов, экономистов, политологов и правоведов показывают, что в рамках социогуманитарного знания возможны различные дискурсы понимания коррупции, связанные со спецификой предметов и методов исследования, свойственной различным социогуманитарным наукам. Из единства общего социогуманитарного

подхода при сохранении отраслевой диверсификации знания следует важная гипотеза о принципиальной взаимодополняемости и взаимоконвертируемости выводов различных наук, что практически подтверждается на межнаучном уровне возникновением таких интегральных сфер знания как, например, юридическая психология или социология права. Тем не менее, нельзя сказать, что применительно к познанию коррупции как частному объекту исследования интегральный подход можно считать сложившимся.

Известные проблемы возникают на уровне конкретных научных дисциплин. Таким уровнем применительно к юриспруденции в целом являются отраслевые науки. В общем виде эту проблему можно сформулировать как отсутствие правил, принципов и пределов разграничения и пересечения категорий различных юридических наук между собой, с одной стороны, и с социогуманитарными знаниями в целом, с другой. Эта проблема наиболее ярко проявляется на уровне конкретного исследования (например, исследования коррупции, терроризма, экстремизма и других сложных социально-правовых феноменов), что вызвано проблематикой научной конвенции относительно самостоятельности того или иного предмета отраслевых юридических наук и его изучения при помощи междисциплинарных связей.

Так, наука административного права изучает коррупцию как деформацию общественных отношений, возникающих в сфере государственного администрирования (предмета науки административного права), активно привлекая положения наук об управлении, например, относительно конфликта интересов [2]. Наука уголовного права, отталкиваясь от того, что в ее предмет входят отдельные виды преступлений, вырабатывает категорию «преступления коррупционной направленности» [6]. Криминология дополняет науку уголовного права, имея частью своего предмета коррупционную преступность как социальное явление, в связи с чем взаимодействует с социологией и психологией [5]. В рамках международного права исследуются аспекты международно-правового противодействия коррупции на уровне международных организаций и конвенций, поскольку именно эти явления входят в предмет науки международного права [3].

Из приведенного выше следует, что отраслевые юридические науки имеют определенную связь между собой на уровне исследования коррупции. Но она становится сферой исследования отраслевой юриспруденции лишь в той мере, в которой отражена в нормативных актах, изучаемых соответствующей либо профилирующей (например, для прикладной криминологии) наукой. Возникает вопрос: неужели коррупция не связана с механизмами защиты конституционных прав человека, конституционной ответственностью, конституционной юстицией, которые входят в предмет науки конституционного права, или с изучением таких гражданско-правовых конструкций как сделки, договоры, неосновательное обогащение, которые традиционно относят к гражданскому праву? Подобную ограниченность мы связываем с отсутствием разработанных собственно внутри- и межотраслевых юридических связей, что приводит к игнорированию коррупции как правового явления. Тем не менее, они могут быть сформулированы путем выработки единого интегрального подхода к исследованию коррупции внутри самой юриспруденции, а также междисциплинарного подхода. Решение указанной задачи позволит правоведом обоснованно использовать междисциплинарный подход, который отвечает требованиям науки о получении всестороннего, объективного знания о столь негативном, представляющем общественную опасность явлении как коррупция.

В качестве вывода приходится отметить пробел, существующий между от-

раслевыми и теоретическими исследованиям коррупции в юриспруденции. Представляется, что общая теория государства и права должна выработать методологический инструментарий, позволяющий изучать коррупцию как правовое явление, выявить ее социально-правовую природу, что одновременно повысит эффективность, целостность и комплементарность отраслевых юридических исследований в этой сфере. Это создаст предпосылки для формирования межотраслевого подхода к исследованию коррупции внутри юриспруденции. С другой стороны, появится возможность интегрировать юридическое знание о коррупции в систему социогуманитарного знания, разумеется, при совпадении научных интересов правоведения и иных общественных наук.

Список литературы

1. Бакулина Л.Т., Степаненко Р.Ф. Обзор материалов III Всероссийского «Круглого стола» по общетеоретическим проблемам права «Современные тенденции в эволюции методологии правовых исследований» // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 135-152.
2. Ильяков А.Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.
3. Качелин М.С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 20 с.
4. Микешина А.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
5. Некрасова Т.А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 18 с.
6. Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.
7. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели. Государство и право. 2015. № 5. С. 30-39.

Подписано в печать 09.11.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,83. Тираж 500 экз. Заказ № 282
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а